

А.СОКОЛОВ

ОРОН

С детства он видел это, и каждый раз картинка была неожиданна – Костик лежал в скраде, рядом карабин, уже утро вовсю наплыло с сопок, и они, как истребители, на бреющем, откуда ни возмись, в метре от поверхности, с шумом от мелькающих крыльев, утки таежные, парой, над парной водой, Костик прицелиться не успел, бросил карабин, упал на стежонку, брошенную на лапник, к черту, посплю часок...

Разбудил скрипучий голос тестя. Костя, проснувшись, не понял этого. Он лежал с закрытыми глазами и думал: снилась же охота, вроде, и вот, пожалуйста, наверное, после, после селезней, эх, этот мудака мне уже сниться начал, мало его в жизни...

В жизни все было несколько проще. Вчера, придя из ресторана напротив своего дома, итальянского, с полюбившимися спагетти, Костя, по недавно появившейся привычке, сел добавлять в одиночестве. Благо, всегда в квартире есть какое –нибудь качественное пойло. Он пил «Хеннесси», и размышлял, хорошая это привычка, или плохая – кирять в одиночку? С одной стороны, вроде как самодостаточность, а с другой – голимое пьянство. Трудно разобраться. А, может, и не нужно. Костя привернул где-то с полбутылки, потом уже сам почувствовал –хватит. И, почти на автомате, раздеваясь, одновременно возился с телевизором, ставя таймер на одиннадцать утра.

Сейчас таймер сработал, и попал на новости. В «Вестях» тесть говорил о войне в горах, о недавно проведенной операции. О ее, так сказать, принципиальном значении. Так что это был не сон.

- Сгинь, сотана, - пробормотал Костя, передразнивая родную бабушку Шуру, чалдонку, еще года три назад спокойно раскуривавшую трубку на озере Орон, по якутски значит – Небо. А уж из Орона вытекает Кетчим, речка детства.

Костя сел на край своей широченной тахты, покачался всем телом, помычал, потом вскочил, начал приседать. Сюжет с «сотаной» кончился, и он уже спокойно косил взглядом на телевизор. Зарядку продолжил тем, что побегал по лестнице двухуровневой квартиры, поскакал, и нырнул в ванную.

Ванную Костику делали по его индивидуальному проекту: широкую, светлую, роскошную – слабость имела у хозяина. И на примере этой слабости можно очень хорошо показать противоречивость его характера.

В ней были все новомодные примочки: и джакузи, и огромная деревянная бочка вместо бассейна, и махонькая сауна, на одного, и черта дьявола в этой ванне только не было. Что же делает Костя? Он бреется над раковиной, стоя. В это время в ванну набирается холодная вода. Побрившись, хозяин встает в эту воду, берет обыкновенный пластмассовый таз, и, ухая по мужицки, опрокидывает на себя четыре тазика. Все. Растеревшись, Костя покидает любимое помещение, думая, что все эти приколы когда –нибудь все таки сослужат ему еще свою службу.

Тут как раз и служба о себе напомнила. Звонок от президента нефтяной компании «Горностай», непосредственного начальника Кости. Хотя, конечно, если разобраться, какой уж он ему к черту начальник...

Секретарша Вера проямлила в трубку, что шеф едет в «Националь», так что Костя должен туда подтянуться.

- Должен, - с раздражением повторил Костя, повязывая галстук перед зеркальной стеной, - это еще кто кому должен...

Но в «Националь», конечно, поехал. По дороге водитель Володя умудрился попасть в километровую пробку, и их «Пежо» нервно реагировал на неё стометровыми пробежками.

- Пора машину менять, Константин Алексеич, - говорил Володя, - стоит же «Мерс» с мигалкой и сиреной, только на нем в этом городе уже можно ездить... В пробке ведь крутые номера не спасают, сами видите.

Костя молчал. Заткнулся наконец и Володя. Тут и вырвались, за какие - то пять минут доехали до Манежной, припарковались у гостиницы, прямо напротив входа в ресторан.

Толя с помощником, Федей Зуевым, завтракал за столиком справа по ходу в зал. Костя сел, налил себе пива, выпил залпом, и только потом поздоровался. А коллеги с искренним любопытством глядели на него.

- Что, ночью дома добавлял? – Участливо спросил Толя.
- Кого волнует чужое горе?
- Это да. Ладно, завтракаем, потом по делу.

«Националь» был их вторым офисом. Самые главные проблемы, узким кругом, решали здесь. Для этого – ну, якобы для этого – Толя в свое время положил на счет ресторана сто тысяч долларов, а Отарику, хозяину, сказал, что распорядиться этими деньгами, кроме него, может еще только один человек – Костя. И тот использовал эту возможность с максимальным эффектом. То есть, бывали дни, когда он торчал в этом кабаке с утра до ночи.

Аппетит у Кости с похмелья после пива появлялся зверский. Пока Толя с Федей жевали какие – то тосты, он умял салат, потом пожарскую котлету с гарниром.

- Чукча, - с восхищением констатировал Толя.

Причем здесь чукча? Хотя что-то восточное проскальзывает у Кости, в разрезе синих глаз, в вертикалях на щеках, что-то неуловимое. И еще длинный он и жилистый. Так что уж никак не чукча. Чалдон – но Толя про них, пожалуй, и не слышал. А Костя его просвещать не собирался.

Они дождались, пока Костя расправился с котлетой, налили пива, и Толя, как – то небрежно, невзначай, спросил: «Ну что, решил Хоттабыч нашу проблему? Будут квоты у «Горностая»?

Костя допил пиво, и кивнул – решил.

- Фу, - уже не скрываясь отдувался Толик, - слава Богу. Ну, ребятки, вы еще не понимаете, чем это нам грозит... Сегодня вечером банкет, банкет... Хотя, впрочем, Костик уже сейчас может узнать, что почем для него лично...

Толик, взял салфетку, написал на ней – 500000 долларов – и отдал Костику. Тот достал ручку, дописал ноль, отдал Толе. Он вскинулся: «Ты серьезно?» Костя пожал плечами.

- Хорошо. – Толя переправил цифру на один миллион. – Это сейчас. После первой же сделки – еще столько же...

Костя молчал, думал: «Твою мать, я ведь пошутил. Как всегда, удачно... Сколько раз уж ловил его на этом, и все время покупается. Или делает вид, что... Хотя, кто из нас покупается. Ну вот, черный юмор, каламбур, твою мать...»

Вслух он сказал: «Так что, как видишь, ночью не только добавлял, кое – чем еще занимался».

- Да ты молодец, все в жилу, ничего мимо кассы, кто спорит...
- И Хоттабыч тоже молодец, - встрял Федя Зуев, - я сегодня с утра в Сандуны успел заскочить. Попарился, пошел за минералкой. Вижу, у телевизора толкучка. Подошел, смотрю, Хоттабыч рассуждает о позиционной войне, о моральной составляющей. А мужики стоят, слушают молча. Как – то не по себе... И вдруг один говорит – смешной он все же мужик... Все улыбнулись, пошли дальше париться... А я...

Тут он наткнулся на свинцовый взгляд Толи. И замолчал, естественно. Костик сделал вид, что пропустил мимо ушей. И отчасти это было правдой, если бы каждый раз переживал, уже бы в психушке оказался.

- Ладно, сейчас каждый по своим делам, а в восемь встречаемся здесь. Оба должны быть обязательно. Игорек, - окликнул Толя официанта. Тот подошел.
- Игорек, к восьми вечера накрой стол на 5 штук. Отарика предупреди, у нас корпоративная вечеринка, пусть будет. Понял?
- Как не понять?!

Толя и Федя поднялись. Костя продолжал сидеть.

- Ты чего?
- Ну ты же сказал, каждый по своим делам. Так что я остаюсь.
- Шутник, - кисло улыбнулся Толик, - но учти, ты вечером нужен живой. И это я серьезно...
- Ладно, - Костик встал.
- И когда ты выпендриваться бросишь. Тебе сейчас ,наверное, хочется дерьма на лопате. Потому что остальное все есть.
- Угадал. И это я серьезно.
-
- X X X

Костя подошел к машине и постучал по стеклу. Володя, по обыкновению, дремал.

- Слушай, я сейчас пройдусь, а потом в Крылатское, к своим. Ты приезжай за мной часам к пяти.
- Да это уж само собой. Вы только, Констин Алексеич, как в прошлый раз, в пух – то не проигрывайтесь.
- Ладно, езжай, заботничек. Небось не твои проигрываю.
- Так я поехал.

Он сдал назад, развернулся, и выехал на автостраду. Костя медленно пошел по Моховой, свернул на Герцена, наконец, вырулил на Тверской бульвар. Солнце, в безоблачном синем небе, блестело по праздничному. Снег, накатанный, спрессованный, скользкий, только душу радовал. Несмотря на морозец, народу на бульваре было много. А на лавочках – словно летом – сидели шахматисты. Костя как-то встрепнулся, шаг стал пружинистей, что ли, присел рядом с мужиками, начал смотреть, как идет партия. Ребята играли блиц, он не успевал за ними, досадовал, закурил. Сидящий с его боку шахматист достал из огромной, волчьей, лохматой старой шубы бутылку водки и серебряный стопарь. Посмотрел на него и спросил: «Примешь?»

- Ну, если немного, - застеснялся Костя.
- А много никто и не нальет.

Они выпили, и шахматисты продолжили блиц, а Костик посидел, докурил, тихо встал и пошел на Новый Арбат, в казино.

Играл он недолго. Сразу повезло, «срубил» в рулетку 500 баксов, потом начал шататься, смотреть. Играли в основном вьетнамцы, причем, девушки. И в карты, и в рулетку. Костя сидел, пил свежесжатый сок, и наблюдал за одной высокой (что уже интересно) симпатичной вьетнамкой видимо так пристально, что она оторвалась от фишек, посмотрела на него в упор. Потом улыбнулась и помахала. Костя тоже улыбнулся, но с места не встал. Девушка вернулась к рулетке.

- Тебе только какой -нибудь азиатской лихорадки не хватало, - бормотал, одеваясь.
- На улице он опять взбодрился.

- Хорошо, что за эти годы ни разу не засветился, - подумал, шагая к метро, - а то бы совсем никакой жизни не было.

Дома, у жены, было просторно и стильно. Особенно Косте нравились часы: на стене высвечивался круг, огромный, метра полтора в окружности, и световые стрелки двигались, перпетуум мобиле...Сын Иван сидел за таким же вечным компьютером, Оли дома не было.

- Привет, старина, - потрепал по затылку Ваньку.
- Привет, коли не шутишь,- пробормотал тот, не отрываясь от экрана монитора, - мама будет с минуты на минуту..

Костик прошел в спальню, завалился на диван. Лежал, закрыв глаза, расслабился, почти медитировал. И поплыл, поплыл, уже в мареве каком – то, уже то ли сон, то ли явь, но какая

явь, было ли это, или только кажется, да нет – было, но сейчас кажется, что и не было никогда...

Х Х Х

Трех лет, Костик, колобок в шубе, идет в гости. За руки держат его папа и мама. Зимой на прииске Неждановском, куда отца перевели по работе на пару годиков из Чомбея, по вечерам особенно тоскливо. Потому и идут в гости – чтобы не так тоскливо было. К тете Дусе и дяде Славе, и сынку ихнему, Володьке.

Они перестраиваются, и идут гуськом – Костик посередине – по узкой тропинке. Впереди большой подъем, зимой он еще кое-как служит людям, а весной по нему бежит ручей. Да даже и не ручей, а целая горная речка из стаявших окрестных снегов.

Подъем крут. До сих пор Костик не может понять, как он уцелел возле этого ручья да еще возле местной речки Чомбейки. Валуны ведь таскала стремнина в этих водоемах.

Потом они топают по Новостройке. Так называется район Неждановского, состоящий из новеньких двухквартирных деревянных домов. Странно устроена эта Новостройка: идешь, идешь, вроде поселок, а потом – на тебе – тайга и тайга.

Страшно, хотя Костик уже знает, что это вовсе не тайга, а ее кусок, почему – то строителями не тронутый. И сейчас из-за елей опять засветится Новостройка...

Она светится, они подходят к дому, чинно обметают голиком снег с валенок, а из открытой форточки доносится: «Цыгане шумною толпою...». Аккордеон в руках у дяди Славы.

Они отдыхают. Костик с Вовкой в одной комнате, взрослые в другой. Идет странный разговор. Степан Копылов, новый парторг прииска, говорит; явно кому то подражая: «Потому, мужики, не совсем до вас доходит – меня парторгом прииска не для того выбрали, чтоб я цацкался с элементами. Не дозволено это ни вам, ни мне. Здесь я могу себе что – то, как – то, а у себя в кабинете – ни-ни. Другая там жизнь, для ней я и существование свое нынешнее осмысливаю.»

- Для ей, - говорит отец Костики. Он знает Копылова дольше всех, еще с детства. Он знает, что переубеждать его бесполезно.

Остальные об этом догадываются.

- Для ее, - говорит дядя Слава.
- Для нее, - серьезно заключает тетя Дуся.
- Давайте, давайте, - посмеивается над ними Копылов.
- Даем, даем, - посмеиваются над ним.

Давно это было. Так и хочется Костику крикнуть им, туда, в прошлое, живым, молодым, смеющимся: «Ну что вы ржете! Ну что вы все время смеетесь! Ведь не смешно все это, да скажите же, скажите ему...»

Но как и что сказать? Нет этих слов у них. Да и существовали ли какие – то слова, услышав которые, молодой Степка Копылов хотя бы в затылке почесал? Нет таких слов...

Время за полночь. Костик с Вовкой уже спят. А из соседней комнаты несется неунываемое: «Тач, тач, тач, - тарарач...», аккордеон сменяет пианино, пианино – аккордеон. Они поют, смеются, и не боятся их разбудить. Кажется, они забыли о них.

И темная, стылая декабрьская ночь Артема отступает перед залихватским мотивчиком...

Х Х Х

Костя и впрямь задремал. Предыдущая ночь дала о себе знать. Оля, зашедшая в комнату, на цыпочках попятилась к выходу, но Костик все же проснулся.

- Здорово мать!
- Привет, привет. То-то, я думаю, что когда ты вчера ночью насчет этих долбанных квот звонил мне, голос у тебя какой – то странный был. Потом поди до утра с подружкой бодрствовал...

- С какой подружкой, - сел на диване Костик.
- Да с бутылкой, конечно. Какая у тебя еще подружка может быть? Возле тебя уже муха не пролетит, сдохнет от твоего злобного вида...
- Да брось ты, злобного, - пробормотал Костя, - нормальный вид. Какая жизнь, такой и вид.
- Ну да, жизнь у нас, конечно, тяжелая. Ютимся на 200 метрах в центре Москвы, а как совсем прижмет, дак сюда, в Крылатское...
- Оля, ну не начинай ты. Слушай, мне сейчас Артем снился...
- Вот. Воспоминаниями и живешь, а ведь сорока еще не исполнилось...

Но накал спал, Костик это почувствовал. Оля и сама любила те места: Неждановский, Чомбей...

- Помнишь, ты меня на каникулы с собой взял, и я на танцах от тебя с Сашкой Мироновым сбежала?
- Ну, нашла что вспоминать. Помнить – то я помню, но лучше бы забыл...

А Ольгу это как-то раззадорило. Она села рядом, и, потянувшись, засмеялась: «Целовалась тогда с ним...»

- Тьфу! – Уже по настоящему начал злиться Костя – перестань, тебе говорят.
- Костя, ты поговорку эту знаешь: восьмидесятилетний дед дает бабке – ровеснице промеж глаз и приговаривает: как вспомню, что тебя не девкой взял...
- Вот, вот, - бурчит Костик, - вспомню...
- Ну, во-первых, девкой, во – вторых, до восьмидесяти еще далеко...
- А промеж глаз дать все равно хочется...
- Дурак! – Теперь Ольга начала заводиться.
- Так, брэк. Как у Ваньки вчера олимпиада прошла?
- Так у него и спроси.
- Невозможно. Невозможно его из-за компьютера вытащить.
- А ты что, ненадолго?
- Сегодня да. Вечером компания дает ужин в мою честь.
- В твою... Может быть, все таки, в мою...
- Да какая разница... В нашу. Хочешь, поехали.
- Делать мне больше нечего, как с «Горностаем» распивать, даже в свою честь.
- Ну вот. Но кому – то ведь надо. Так что беру огонь на себя.

У Ольги запел мобильник. Она откинула крышку, послушала, ответила: «Приезжай, я дома. И Костя, и Ванька, все дома...»

- Кто это? – Насторожился Костя.
- А это наш семейный Лев Толстой. Иванцов. Хочет подъехать, поговорить о книжке Хоттабыча. Что-то выяснить дополнительно.
- Ну, это без меня, - решительно поднялся с дивана Костик.
- Как хочешь, - пожала плечами Оля. Она сидела, пристально смотрела на Костика – плотная белокурая бестия, с красивым фарфоровым, кукольным лицом. Чем когда – то и взяла его. Правда, потом выявились и другие достоинства, равно как и недостатки.

Костя вышел в коридор, закричал: «Вань, я поехал».

Сын все таки выбежал проводить. Долговязый, в специальных компьютерных очках, бледный от своего ненаглядного аппарата, толкнулся в плечо, и, не отрываясь, глухо проговорил: «Поехали в уикэнд на дачу?»

- Ну, это как карта ляжет. А вообще, конечно. Конечно поедем. Ну пока, Вань.

Они уже тронулись с места, когда во двор въехал джип Иванцова. Тот увидел «Пежо», остановился, вышел, помахал рукой - тормози, мол. Володя посмотрел на хозяина. Костя отрицательно покрутил головой, и «Пежо» медленно выехал за шлагбаум.

Х Х Х

- Что у нас еще сегодня? Включи – ка секретаря.

И приятный женский голос сообщил, что с ним жаждет встречи Галина Ивановна Семикина из Североморска. Костя вспомнил: это президент Фонда памяти моряков, погибших при исполнении. Благотворительный фонд. Но есть два вопроса: как она на него вышла и чего ей из – под него надо. Впрочем, ответ на второй вообще-то ясен – пробивают таможенные льготы. А вот первый настораживал. Костя взял трубку стационарного телефона и набрал «хитрый» номер.

- Петрович! Привет, Костя. Узнал? Ну вот, а то бы богатым был...Ладно, ладно. Слушай, запиши – Галина Ивановна Семикина, город Североморск, фонд «Порвали парус». Выясни, пожалуйста, что и как. Больно настойчиво человек себя ведет. Откуда – то телефон в машине узнала. Нет, сегодня не успеваю, а завтра обязательно заеду, ты не уходи никуда гденибудь с часу до двух. Ну, привет, спасибо...

Времени было около пяти. Костя подумал, что вечер опять будет с «нагрузкой» и решительно сказал: «Поехали на корт». Форма у него всегда с собой, все остальное в личном ящичке.

К сожалению, играть было не с кем. Константин битых два часа сражался со стенкой, потом парился, плавал в бассейне... И часов в семь почувствовал, что вечер уже не так страшен.

- А я еще ничего, - думал Костя, докрасна растираясь махровым полотенцем, - а то ведь и правда, скоро сороковник. Эмоций – ноль. Что живу, что не живу. Что – то надо делать с этой жизнью... Вопрос – что?

С этим вполне гамлетовским вопросом он ехал по смеркающейся Москве, рассматривая новые яркие вывески, и уже не обращая внимания на совершенно жуткие вечерние пробки. Но мысли, с которыми вышел из спорткомплекса, не отставали.

- Эх, - Костик вздохнул, - давай, Володя, вмажем, что ли...

- Чего ж не вмазать...

Костя открыл любимую бутылку виски «Баллантайн» и налил сначала шоферу, потом себе. В это время как раз открыли светофор, они стояли первыми, и Володя сильно нажал на газ. Они полетели по Ленинградке, и до Белорусского ехали быстро, по «зеленой волне», а в начале Тверской опять застряли. Тогда Костя налил еще по одной. Так, потихоньку, и доехали до «Националя».

За огромным столом овальной формы, полностью заставленным грузинскими и русскими закусками, сидело человек десять. Толя, увидев подходящего Костю, встал: «Господа, кто не знает, вице – президент нашей компании Константин Алексеевич. Сегодня он именинник. В переносном смысле, но это ничего не меняет. Именинник есть именинник. Так что первый тост – за здоровье именинника».

И все как миленькие встали. И все как миленькие выпили. Хотя для некоторых это было очень даже чревато – в смысле здоровья.

Потом, постепенно, стол расслабился, и все уже выпивали по возможностям и потребностям. Костя вспомнил рассказ своего приятеля, доктора Сергея. Про себя тот говорил: я единственный нормальный специалист в стране - отсюда досюда. И показывал часть тела – от груди до пупа, имея в виду прямую кишку. Сергей не врал, очередь к нему, при Советах, была огромной. И вот как – то обратились грузины, правда, по поводу побочного явления – цирроза печени. Серега заломил, а они, глазом не моргнув, удвоили, но поставили условие – приезжай на месяц в Тбилиси. Деньги по тем временам были такие, что он ни на секунду ни задумался – взял за свой счет в клинике отпуск и улетел. Встретили двое, говорят, сейчас едем, с остальными познакомим. Сели в открытый лимузин, Серега такие до этого только в кино видел, привезли в какой – то шикарный кабак. За столом ждали остальные - шестеро пострадавших от вина и чревоугодия. Стол - вполне грузинский, но с учетом обстоятельств. Правда, коньяк и вино все же стоят. Важико, тот, который и нашел, и привез Сергея, наливает

себе и ему коньяка, остальные пьют «Боржом». Потом повторяют. На третьем тосте один из печеночников не выдерживает: «Важико, а ты почему пьешь? У тебя что, цирроз, рассосался?»

- Ты что говоришь, Демо! Не стыдно? Я же нашел его, я же его привез вам, он нас вылечит, а ты говоришь, почему я пью?!

Сейчас Серега уже не тот. В самом начале девяностых открыл небольшую свою клинику, расширял, расширял ее, а про практику, не говоря уж о теории, позабыл совсем. Но, кто его знает, может игра стоила свеч – теперь в его клинику очередь.

Тапер играл на рояле. Негромко играл, Костя в этом ресторане громкой музыки никогда не слышал. Недалеко от них сидела довольно шумная компания. Они перекинулись парой фраз. Толя повернулся к Косте: «Познакомься, это Александр Иванович, у него в Подмоскovie довольно большое производство!»

- Производство чего?
- А сапоги тачаем, - рассмеялся высокий парень, лет ему только – только за тридцать, широкие плечи, развернутая грудь, абсолютно наглые глаза, - несколько обувных фабрик.

Он дал Костику визитку, махнул рюмку, и отошел к своему столику.

- Да, знатный сапожник. Холодный, как раньше говорили, - рассмеялся сосед Костики Гурам Давыдович, - у него полторы тысячи штыков. И, я думаю, все не только хорошо обуто, но и одето, и накормлены...
- И напоены, - подхватил Костя, прислушиваясь к шуму, издаваемому кампанией «обувщиков».
- Да Бог с ними, - смутился Толя.
- А что, Гурам Давыдович, - спросил Костя, - домой не собираетесь?
- Эх, Костик, какой уж там дом... Нет, Эдуард, конечно, зовет. Но я то его еще вот с таких лет знаю... Зовет, потому что я ему нужен. Понял – ему! А у меня дело, молодая жена, диабет... Нет, уж так, здесь, в первопрестольной, и помру. А ты меня, дорогой, в Тбилиси хоронить увезешь. Лады?
- Лады, лады. Только вот рано засобирались...
- Слушай, сам не хочу. Ты Костик чего – то смурной последнее время, мрачный какой – то. Кризис среднего возраста, так это называется?
- Ну, может быть и кризис, - пожал плечами Костя, - но не только возраста.
- Понимаю. А ты переходи ко мне, тоже ведь нефть, та же специфика...

Костя молча повел глазами на Толю, и Гурам Давыдович как поперхнулся. Действительно, в этой компании язык мог сильно подвести. И ему ли этого не знать. Вот что значит давно спиртного не принимал...

Гурам был хорошим мужиком. И в деле, и в жизни. Один из немногих в их бизнесе, кому Костя доверял. Он и сам подумывал, как намекнуть грузину о таком переходе. А Магомет взял да и пошел к горе...

- Завтра позвоню, поговорим.
- Буду ждать.

После десяти повалил народ. Из гостиницы спустились иностранные бизнесмены, живущие в Москве почти постоянно, из подвала, небольшого казино, поднялись игроки. За столом шел жаркий спор по поводу процентных ставок, которые правительство недавно туманно обещало снизить. Костя, время от времени вставлявший реплики, совсем заскучал.

- И правильно, брат, - хлопнул его по плечу Толя, - не царское это дело. У тебя другая функция, сам понимаешь...
- Черт меня дернул тогда, в Америке, поддаться на твои уговоры...
- Ого. А ты что, Костя, жалеешь, что ли? Ты вспомни, сколько на твой счет с того самого дня пришло, - понизил голос Толя.
- Да ладно, - смутился Костя, - это я так... Хандра, тоска...
- Надо развеяться, Костик. Я и сам все вижу. Честно говоря, сначала подумал, что тебе кто-то предложил более выгодные условия...

- Да, надо развеяться. Ты прав.
 - Смотри, Костя, брательник твой. Из казино, что ли?
 - Нет, он не играет. С улицы пришел. Эй, Санек, мы здесь... - помахал Костя. Саша, двоюродный брат, был президентом крупной авиакомпании.
 - Всех приветствую категорически. Позвольте рядом с родней присесть. – И он как – то умудрился вставить кресло между Толей и Костиком.
 - Ну. Чего нового, как труба, не подводит?
 - Типун тебе на язык, - засмеялся Толя, - труба не самолет, она не подведет.
 - Дай Бог, дай Бог. Подводят не механизмы, а люди, которые неправильно с ними обращаются.
 - Вот, вот. Ты, можно сказать, попал в десятку. Посмотри на своего братца...
 - А что такое?
 - Да вряд ли ему в таком состоянии можно технику доверить. Я уж не говорю ни о чем другом...
 - Че такое, Костик? Че он городит?
 - А, - махнул рукой Костя, - мы же здесь с восьмью сидим. Сам понимаешь...
 - И все же, мужики, что происходит?
 - Да вот я говорю, надо Косте передохнуть, развеяться. Съездил бы куданибудь на Цейлон, что ли, или, наоборот, в Швейцарию...
 - Я что, против, что ли...
 - А есть такая надобность?
 - Есть, Санек, есть. Что - то я скис, сам не понимаю, что такое.
 - Ну, тогда не на Цейлон. Есть другое предложение – на северо-восток. На Чукотке был когда –нибудь?
 - Не был, ты же знаешь.
 - Мы на днях новый маршрут открываем, свой, на Певек. Лети на техническом рейсе, как, а?
 - А что? В гробу я все эти Бали видел. Конечно, лучше в Певек.
 - Ну, ты еще прими, так и на Аляску можно, - хмыкнул Толя.
 - И приму. И на Аляску...
- Тут они втроем приняли. И разговор опять перекинулся на процентные ставки.

Х Х Х

Скорей всего, не один и не два раза они еще принимали этой ночью. Проснулся Костик поздно, таймер он почему – то – хотя, понятно, почему – не включил. Полежал, полежал, потом резко сел – голова поплыла, закружилась. Но привычная схема помогла: бритве, тазики с ледяной водой, какая – никакая зарядка...

- Хорошо, что черт в Крылатское не завез, - подумал Костя, - все таки правила игры надо соблюдать. Самому же сейчас легче...

Год назад они с Ольгой договорились: поддал, езжай на другую квартиру. Для того она и куплена была. Хотя, конечно, и вложение тоже, не без этого.

Костя колдовал над туркой, когда зазвонил телефон. Чертыхаясь, он все же дождался, пока поспел кофе, и только потом поднял трубку.

- Да, Петрович, здорово. Узнал, что почем с этой Семикиной? Что, так серьезно? Ну ладно, заеду, да я и так тебе обещал. А хочешь, давай на нейтральной встретимся. В «Пивнушке», в Нескучном саду, знаешь? Ну вот, через час, лады? Все, договорились...
- Петрович уже жадно припал к кружке, когда в ресторане появился Костя.
- Вот, - смущенно сказал он, - не дождался. Уж больно пиво здесь хорошее, немецкое...
 - Ладно, чего ты оправдываешься. Пришел заранее, оглядеться, нет ли чего в ресторане непотребного...

Петрович, плотный высокий мужчина лет 45, пропустил слова Костика мимо ушей. И тот, в который уже раз, почувствовал какую-то неловкость, которую всегда чувствовал в разговоре с чекистами различных мастей. Виноватость какую –то...

Костя взял кружку, заботливо заказанную Петровичем, выпил половину залпом, и принялся за раков.

- Ну, – сказал он хмуро, преодолевая комплекс, - что скажешь...
- Да история в общем, банальная, если не считать одного факта.
- Давай с самого начала...
- Давай. Короче, фонд этот, «Порвали парус», - липа, кормушка для мошенников.

Существуют восемь месяцев, через их счета уже миллионы прошли, на Запад, через оффшоры, а моряки ни шиша еще не получили, так, копейки какие – то. В руководстве завязан один из вице-губернаторов области, он их и прикрывает, по большому счету. Торгуют водкой, сигаретами, весь «джентельменский» набор, короче. Ну да тебе то это до фени должно быть, я уже связался с нашими в Мурманске, передал привет и пожелания этому фонду, так что они уже в оперативной разработке, в следующий раз подумают, как на такой уровень выходить, благотворители, мать их за ногу...

Но есть одно но... Как вышли на тебя. Слушай, и со стула не падай. Эта Галина Ивановна Семикина, которая тебе в машину названивает, родственница жены твоего шофера, Володи. Откуда и номер знает...

- А с чего ты взял, что я падать буду. Не буду. Ты лучше скажи, Володя в курсе этой дурацкой истории?
- Ну, пока не знаю. На мой взгляд, частично в курсе. А в основном втемную используют. Хотя ничего исключать нельзя, сам понимаешь...
- Черт, это что же, опять шофера менять?! Третий уже за 2 года.
- Тяжела ты шапка Мономаха, - рассмеялся Петрович, - пусть это будет твоей самой большой неприятностью. Ты молодец, что звонишь, консультируешься. При твоих нынешних отношениях с Хоттабычем надо осторожным быть, понимаю...

И что-то такое произошло с Костей. Он положил панцирь рака на тарелку, вытерся салфеткой, и пристально посмотрел на Петровича. И сразу стало ясно, кто в доме хозяин, несмотря на все неловкости, на все интеллигентские рефлексии... Заерзал Петрович под взглядом Костика, побагровел чутко, опустил голову вниз, в кружку, увидел в ней что – то интересное...

Впрочем, длилось это все недолго, долю минуты. Теперь уже Костик сделал вид: ты ничего не говорил, я ничего не слышал.

Распрощались они вполне дружески. Сев в машину, Костик, как говорится, и бровью не повел, хотя понимал, что решать что-то с Володей придется, не сегодня, так завтра. И дело уже не в его, Костиных, симпатиях или антипатиях. Петрович - это система, а система такие вещи на самотек не пускает, ему же и аукнется, если будет делать что-то не по правилам. Костик, который в такие переплеты попадал не раз и не два, давно уже внутренне принял их, эти правила. Принять – то принял, но, как в анекдоте, а осадок в душе всё равно остался.

В душе много чего остается такого, что надо бы забыть прочно и навсегда. Ну, например, Костик знал, что уже до самой смерти будет помнить одно июльское утро почти двадцатилетней давности.

X

X

X

Он приехал в Чомбей на студенческие каникулы, учился Костя в Городе, в политехе на горном факультете, а Оля, с которой у него длился бесконечный роман, когда – то, в детстве, была его землячкой, а сейчас третьекурсницей истфака университета. Роман был бурным, с ночными сидениями Костика под окнами элитного – одного из немногих в Городе – дома, в котором жила Оля. Она никак не хотела говорить, кто родители, хотя по жилью уже было ясно, что птицы не простого полета, а когда Костик узнал это самостоятельно, то позорно сбежал в Чомбей. Посидев вечерок в застолье с родителями, Костя наспех собрался, и, на следующий день, сел в моторку, пошел вверх по Кетчиму, к Халлану, разглядывая крутые каменистые, древние берега реки, действительно угрюмые, иначе и не скажешь, мурашки от них и внутри и снаружи. Доплыл уже на следующий день. Зимовье было срублено недалеко от озера. Изба солидная, из лиственницы, дерева по крепости почти железного, с высоким потолком и огромным, что тебе второй этаж, чердаком. Костик на нем и ночевал.

Вечером, освоив жилище, в котором уже год как не был, печь растапливать не стал, развел костер, запек картошку, разогрел тушенку, и, под стакан «Столичной», с удовольствием умял сковороду. В тайге водка как газировка, Костя сидел, пил по четверти стакана, и все об Ольге думал. Костер прогорал, Костя поднялся за валежиной, и его так качнуло, что сразу стало ясно – дальше уже размышлять ни к чему, а то на чердак не заберешься... Ночью он еще долго не спал, слушал портативный магнитофон, и под песенку «Птица счастья завтрашнего дня» чуть не заплакал от жалости к самому себе... И, уж полностью почувствовав себя одиноким на всей матушке земле, заснул как убитый.

Разбудило его солнце, луч припек через огромное чердачное окно, раскрытое нараспашку. Костя лежал несколько минут с закрытыми глазами, и вдруг насторожился, еще не услышав, а, как будто, почувствовав, что-то необычное... Он подошел к окну, и увидел, как в этот самый момент на опушку, на окраине которой стояло зимовье, выкатился бурый комок, медвежонок, за ним на четырех лапах, молча, шла нянька, двухлетняя сестра медвежонка, а затем уж появилась и мамаша – огромная, настороженная, как и Костик, что-то почуявшая, взреывшая на детей...

Костя метнулся вниз, за карабином. Когда вернулся к окну медведи продолжали нежиться – медвежонок бесился, нянька крутилась вокруг него, мать что-то искала на поляне, там было полно голубики, ее, наверное, и ела. И Костя, автоматически, бездумно, совершил то, о чем потом горько жалел. Он прицелился, торопиться было некуда, и, когда нянька замерла на миг, убил ее. Медведица – мать, как будто подтолкнув мальчика, исчезла. Костя стоял у окна, оцепенев. Слышался ,утробный, почти человеческий, рев медвежонка, со страху забравшегося на огромную сосну. Немного выждав, Костя пошел на опушку. Няньку он убил наповал, остальных Костя не нашел. Видимо, забрала мать детеныша, и ушла вглубь, к гольцам, видневшимся на горизонте.

Делать было нечего, Костя снял шкуру, разделал тушу, до жути похожую на человеческую фигуру, и, взяв часть, пошел к лодке. Вот тогда-то, на пути к Бодайбо, омерзительное состояние, которое он впервые ощутил в своей еще совсем молодой жизни, превратилось во что-то постоянное, уже никогда не уходившее из души, лишь затаиваясь где-то в ее глубинах, и, сначала часто, потом реже, напоминая о себе. Но Костя знал, это – навсегда.

Х Х Х

- Давай на Пятницкую , к Гураму, в офис. Я его наберу сейчас, - Костик позвонил Гураму Давыдовичу, тот, как и договаривались, ждал его.
- Люблю, люблю, когда человек за слова отвечает, несмотря на вчерашний форс-мажор, - приговаривал он, встав для приветствия.
- А что, разве был форс-мажор?
- Небольшой, Костя, небольшой. Да Бог с ним, садись, рюмку хочешь?

- Ну, если коньячка хорошего...
- Костик, ты шутник. Откуда у Гурама плохой коньяк?! Я его не только не пробовал никогда в жизни, я его даже не видел...
- Охотно верю.
- Да уж, поверь старику на слово. Так что, припекло немного на фирме, а?!
- Эх, Гурам Давыдович, не только на фирме, - махнул рукой Костя, - вообще...
- Это уже серьезно. Вообще, учитывая твои жизненные обстоятельства, это плохо. Вопрос - насколько плохо?
- Ну, не смертельно, конечно. Все вроде, как было, так и остается. Но вечно так продолжаться не может...
- Вот. Вот это самое главное, что ты вовремя понял, что вечно так продолжаться не будет. В мире, как известно, вообще ничего вечного нет, кроме Бога, а уж власть... И какой же вывод?
- Да надоело все...
- Это не вывод, это состояние. А нужен именно вывод, чтобы принять конструктивное решение.
Костя молчал.
- Ладно, - Гурам немного посидел, задумавшись, - давай по мужски, по честному. Лады?
- Конечно, Гурам Давыдович. Только так, иначе я бы к вам и не приехал.
- Тогда так. Взять я тебя к себе хочу, даже очень хочу. И, я думаю, у меня бы ты к своему десятку – я ведь не ошибаюсь, к десятку? – лимонов прибавил бы за оставшееся время не меньше. Хотя времени не так много, я чувствую. Так вот, взять могу, но ты же понимаешь, что ты мне нужен не только, как специалист. Их у меня, слава Богу, хватает, высококлассных в том числе. Так что, если хочешь – добро пожаловать, но оставшееся время мы с тобой будем использовать в оптимальном режиме. Что это такое, объяснять тебе не стоит, надеюсь?
- Да нет, конечно. Ладно, Гурам Давыдович. Спасибо и за понимание, и за правду. Я сейчас, наверное, смотаюсь куда нибудь, проветрюсь, подумаю. Как вернусь, сразу позвоню, дам ответ.
- Молодец, Костя, молодец. Иного от тебя не ожидал. Налей –ка и мне полрюмочки, давай, генацвале, за тебя...

Х Х Х

Больше всего Косте понравилось, что Гурам в разговоре ни разу не упомянул Хоттабыча.

- Виртуоз, - подумал Костя, - а время наше действительно кончается, слава Богу, ни сегодня – завтра... Так что, во всем он прав. Хотя, какая разница, кому выбивать поблажки для трубы, Феде или ему? Нет, лучше все же Гураму, из двух зол... Кстати, и по деньгам, кажется, тоже. Он слов на ветер не бросает.
- Поехали в клуб.
- В клуб, дак в клуб...
- Да, еще такой момент. Бери трубку, если позвонит Семикина Галина Ивановна, смотри номер по определителю. Скажи, что принять ее не смогу. Без объяснения причин...
- А че так, Констин Алексеич? Че с ней, с Галиной Ивановной?
- Да, ты, брат, не только наглый, но и глупый. Что ж, тогда придется тебе еще и без выходного пособия дуть на все четыре стороны, - подумал Костя. Вслух сказал, – я что, не по русски выражаюсь? Без объяснения причин...

Володя побледнел, замолчал. В общем, все было ясно. Костя достал мобильный, набрал номер доктора.

- Привет, Серега. Вчера вот вспомнил тебя, грузинскую историю. Что хохочешь? Все забываю спросить, ты их вылечил тогда? Ну, ни на минуту не сомневался. Хочешь, приезжай сейчас в клуб, посидим, повспоминаем. Давай, я уже подъезжаю.

Клуб когда – то создал Хоттабыч. Отдыхали там тихо, спокойно, без нервов. Напряги здесь не приветствовали. И если кто-то сильно перебирал, его просто старались отвести в отдельный номер, проспаться. Номера эти в народе – хотя, конечно, народом членов клуба назвать трудно – окрестили вытрезвителем. Серега здесь бывал только с Костей, иначе не пускали, не тот был уровень. Его это злило, и он пару раз уже успел поспать в одном таком роскошном номере. Костя только посмеивался над ним. А доктор ничего с собой поделывать не мог – трезвого его манило общество самых богатых и властных, напившись, он старался уесть любого, кто попадался на пути. Прислуга возмущалась, но про себя – из-за Костика. Он предупредил охранников на выходе о Сереге, сел в ресторане за небольшой столик, заказал виски.

- Есть будете, Константин Алексеевич?
- Сейчас доктор приедет, тогда и закажем.
Доктор появился неожиданно. А может, просто Костик задумался, не заметил его сразу. Серега опирался на какую-то немыслимо элегантную трость, инкрустированную белой костью.
- Привет. Че это с тобой?
- А что?... А, это... Чемодан, Швейцария, горные лыжи...
- Как же это тебя угораздило?
- Да на трассу какой-то мудака вылез, вот, пришлось свернуть в сторону. Хорошо, страховка была, там же и подлечили.
- Перелом?
- Да ладно тебе, перелом, перелом... Ну, перелом. Но не открытый... Жрать хочу, не могу.
- Дело поправимое. Зови вон того, длинного...

Доктор заказал себе много, но все, в основном, овощи. Он почти не ел ничего, что могло бы повредить его пятидесятилетнему организму. Но тут же перечеркивал эти заботы о себе любимом количеством виски. Выходило так на так, что уже не плохо.

- Давай Серега выпьем. Уж полгода как не виделись, слава Богу...
- Не понял...
- Так не болею.
- Это, конечно, хорошо. Давай, Костик, за наше и ваше здоровье.

Знакомы они еще с советских времен, когда Серега был практикующим профессором, а Костик возил к нему сначала тещу, а потом и Олю, у которой оказалась, как и у матери, «потомственная» язва. Теперь Костик звал доктора Ионычем – про себя, разумеется. Он вообще, после того, как его одним , совсем непрекрасным, утром, теперь уже Оля привезла в докторову клинику с резкой болью в боку, а поздним вечером Костик маялся в бреду уже без желчного, относился к Сереге почти суеверно. Боялся лишнего сказать, чтоб не сглазить. Но виски развязывает язык...

- Ну, как идет оптимизация налогов?
- Серега, я официально за перегон нефти отвечаю, ты же знаешь. Налоги, это, скорее, твоя головная боль.
- Да, - выдохнул доктор, - дерут, собаки. Вообще, что это за жизнь: здесь плати, тут плати. Расширяемся, народу куча, каждому зарплату...
- А ты бы хотел им совсем не платить, - расхохотался Костик.
- Хорошо бы так - или работникам, или чиновникам. А тем и другим – это уж, я тебе скажу...
- Однако, судя по твоей довольной, несмотря ни на что, роже... Больного – то когда последний раз смотрел?
- Ты последний был. Слушай, а ты типа мораль мне читаешь, что ли? Сам – то, вместо, скажем, ударной добычи золотого песка, чем занимаешься?

- Да тем же золотым песком. Только мою его по другому, - вздохнул Костик, - ладно, прости. Но и ты лучше не лезь...
- Кто к кому лезет... Ну, поехали...

Из противоположного угла им помахали. Свет в ресторане притушенный, и Костик не сразу узнал Иванцова. Тот, благодаря непрерывной помощи литературно озабоченному тестю, ходил в клуб как к себе домой.

- Вот тебя только не хватало, - процедил он.
- Кого это ты сегодня не любишь? А, Иванцов. Ну ничего, еще пару раз поддадим, я с ним переговорю.
- Серега, вот этого не надо. У меня и так с Хоттабычем напряг, а Вадька все, конечно, передаст, и ему, и теще...
- Ты прав, - как-то сразу посерьезнел доктор, - это уже становится роскошью. Нормальное человеческое общение, я имею в виду.
- Ничего себе нормальное. Если бы не охрана, ты бы уже пару министров и депутата покалечил. Или они тебя...
- А что? Что здесь ненормального? Они министры, депутаты, я рядовой налогоплательщик. Какой у меня с ними еще диалог может быть? Давай, Костик, еще выпьем.
- Это непременно...
- Я знаю, за что ты его так не любишь. Он же от Ольги не отходит, только слепой этого не видит.
- И что? Я что, следить за ними должен, что ли?
- Ну, следить, не следить. А рожу ему начистить надо бы...
- Э, нет брат. При чем здесь он?! Если он от нее не отходит, значит, ему это позволено, значит, ей это интересно. А рожу набьешь – станет еще интереснее...
- Что, Костя, так хреново?
- Да я пока и сам не пойму. Так, смутные ощущения. Но готов ко всему, все, что ни делается, все делается к лучшему. Ваньку только жалко...
- А чего его жалеть? Он уже ого-го-го, вполне личность. Хотя, конечно...
- Вот то-то и оно, что, «хотя, конечно...» Ну ладно, посмотрим, как все дальше покатится. Мешать ничему не буду...
- Почему?! – Чуть не заорал доктор.
- Серега, да, кажется, я сам этого хочу...

Доктор посидел в небольшом отстранении. Он лечил Ольгу, хорошо знал ее, хорошо к ней относился. Все это было для него не очень-то приятно.

- Ладно. Давай о другом, пока трезвые...
- Более или менее, - хмыкнул Костя.
- Более, более... Или менее?... Тьфу, Костя, кончай меня путать...
- Да вот и я говорю...
- Слушай, тут прошел слух, что у Хоттабыча опять с позвоночником... Рецидив, да?
- Кажется, что-то происходит. Я еще сам толком ничего не знаю, даже Ольга пока помалкивает.
- Дак я к чему...
- Ладно, Серега, дальше не продолжай. Я завтра же Ольге мозги вправлю, а к концу недели он уже у тебя в клинике будет. Угадал?
- Ну, более или менее...
- Более, более. Теперь уже точно более. Так что давай, наливай. Они выпили, откинулись, Костя закурил.
- Теперь у тебя впереди следующий этап. Грамотно слить информацию, чтобы все, кому надо, узнали, у кого наконец-то вылечит свой позвоночник Хоттабыч. А, Серега?
- Это ерунда, дело техники. Главное, чтобы приехал.

- Приедет, не сомневайся. Я вот только что думаю: самому – то не противно?
- Блин, хорошо тебе рассуждать. А я бабки своим горбом зарабатываю...
- А я – его горбом. Это хотел сказать, Серега?
- Костя, ну че ты обидки даешь? Ведь сам знаешь, что это правда. И большинство населения этой страны мечтает очутиться на твоём месте. Дай –ка я еще налью...
- Да я и не обижаюсь, с чего ты взял. Все правда, все верно, в Бога душу мать! Что хочу сказать – то... Остолбенело мне это место Серега, вот что...
- Да, попали мы, в свое время. Тебя этот оглоед тогда на Брайтоне охмурил, я сам в это ярмо влез, не думая, чем придется заплатить...
- А чем ты заплатил?
- Ты будешь смеяться... Заплатил профессией, читай – душой! Пафосно, понимаю, но это правда, иначе не скажешь... А, ладно, че это мы рассуропились, давай еще по одной, да закусим, что ли...
- Не буду я смеяться. Чего ж смеяться, если самому тошно. Я, Серега, развеяться хочу, куда -нибудь на днях, наверное, отвалю.
- Таиланд – Шмайланд?
- Да нет, обрыдло. На Чукотку собрался.
- Самое место, - засмеялся доктор, - с такими то настроениями... Я все забываю место в Сибири, где ты в молодости золото мыл?
- Балбухта.

X X X

Недалеко от этого поселка в тайге работала их старательская артель. Костя попал в нее сразу после института. Собственно, артель – то, штаб ее, сидели в Чомбее, а по настоящему золото мыли в тайге, на участках. Костя, над которым уже повисло плотное облако хоттабовского авторитета, автоматически стал старшим мастером балбухтинского участка. Хотя сам тесть был против. Как – то не пристало зятю первого секретаря обкома работать в столь сомнительном предприятии. Старатели при большевиках сильно выделялись своими частнопредпринимательскими замашками. Но Костя встал на дыбы, и выиграл бой. Хотя, и тут помогла безбрежная власть Хоттабыча. Ну, если что, ну захотел бы кто –нибудь подянку сделать, проинформировать, что зять Хоттабыча работает в участном предприятии, так куда об этом стучать – то? В Политбюро, что ли... Туда ведь так достучаться можно было, что потом своих костей не соберешь. Скорей всего, кому надо, об этом узнали еще во время Костиного распределения.

Сначала Костя в поселке редко появлялся. Делать там, собственно говоря, недавнему студенту было нечего. Клубные посиделки ничего, кроме отвращения, не вызывали, водку старатели не пили, на участке был сухой закон, и уж старшему мастеру его нарушать никак нельзя было. Но однажды все изменилось, как говорится, чудесным образом – Костя встретил Вальку, которую потом иначе как Синильгой не называл. Кто такая Синильга, спрашиваете? А перечитайте «Угрюм – реку» Шишкова, есть там такой замечательный, вполне мистический, образ.

Валька была метиской, полуякуткой, полухохлушкой, и, как подавляющее большинство метисок, отличалась от этнически чистых подружек редкостной красотой. Раскосые черные глаза на круглом, белом, ослепительном солнышке лице, вызывали сначала оторопь, наваждение какое – то чудилось... Жила Валя с отцом, Батаем Ивановичем Бетюниным, в своем доме, на самом краю небольшой Балбухты. Мать ее умерла при родах, разрешалась в поселке, а там еще те коновалы... Вот и погубили молодую еще женщину. Батай сильно страдал. Сначала пил по черному, тоже уже почти подошел к смерти, да вот как – то, случайно, покачал на руках девочку, и прошибло его, что ли... Как потом сам говорил Костику: «Однако Бог сковородкой по башке шибко дал. Сразу, однако, почувствовал, что бросать надо пить, Вальку спасать...»

И, слава тому Богу, спас. Лет 10 – 12 вообще спиртного в рот не брал, потом начал выпивать, но меру свою знал, как все нормальные балбухтинские мужики. Таких в поселке было двое – директор прииска и участковый милиционер. Остальные киляли так, что каждый день у них мог стать последним – и мужчины, и женщины. Начиналась эта пьяная история лет в 12-13, заканчивалась в сорок – пятьдесят. Ну, до пятидесяти в основном бабы доживали, сильная половина к сорока-то кое-как подползала.

Если от Батаевского дома идти сначала по таёжной просеке, а потом по тропинке, до Костиного участка километров восемь будет. Костя, после того, как Валюху увидел, как вздрогнула его чалдонская душа, зачастил в Балбухту. Начальник участка неодобрительно помалкивал, больно высота крутая для него Костикина родня, старатели судачили, как бабы, да и как не посудачить, если перед отбоем все разговоры только о них, блядах ненаглядных : что в тюрьме, что в армии, что в тайге, все едино.

Любовь была крутая, жаркая, таежная. Как заходил Костя в дом, так и терял совсем голову. Мутился рассудок, кровать на дыбы вставала, Батай, бедный, уходил от греха подальше, на охоту, приговаривая: «Ох, хороший парень, однако, Валентине встретился. Да ведь уедет, женатый, мужики говорят...» Он вздыхал, печально перебрасывал с плеча на плечо старенькую берданку, даже иногда и слеза его прошибала. Сделать Батай ничего не мог, да и не пытался...

Кончилось все как – то грустно и смешно. Батай, между прочим, в Чомбей за всю жизнь раза два выбирался. Ну и, понятное дело, в следствии этого многих примет цивилизации просто не знал. У него в последние годы появилась своя, бетюнинская, традиция. В пятницу он клал – летом, конечно, - в небольшую, аккуратную запруду, которую соорудил у себя на дворе, пару бутылок водки. Обычно, да что там обычно, всегда это была только водка «Московская», емкостью поллитра, цена три рубля четырнадцать копеек, против материковой немного дороже, северная надбавка, поди ее, завези в район, за тысячи километров от Города. Продавали в Балбухте еще питьевой спирт, тоже поллитровые бутылки, и все. Весь, как говорится, ассортимент.

В целом население было довольно, жалоб и претензий по этому поводу не было. Потому как многие только туманно представляли, что существуют на свете и другие напитки, и другие, кстати сказать, объемы бутылок. А Батай, тот вообще об этом ничего не знал, ну и, естественно, не думал.

Утром в субботу Батай вставал, крестился, бормотал молитву, будил дочку, и блаженной походкой шел по ручью, бежавшему через двор, к запруде. Водка получалась отменной. Тут больше сказать нечего. Батай плескал в лицо обжигающую воду из запруды, и, здесь же, не отходя от кассы, делал первый глоток ледяной огненной воды. Первый, и самый замечательный... Здесь главное не продолжить – сделал глоток, сел на край, опустил ноги в запруду, посидел, покайфовал, и уже потом, с начатой, в дом, завтракать. Время второй наступало ближе к вечеру...

Но вот есть люди, которым на роду написано создавать традиции, а есть – кому их разрушать. Как – то Костику пришлось уехать на пару дней на базу, в Чомбей. В тамошних магазинах чего только не было: и портвейн «Три семерки», и ликеры, и водка не только «Московская», но и, скажем, «Столичная», и бутылки разного калибра, выбирай под желания и возможности. Вот здесь –то Костю черт и попутал. Он взял две бутылки «Московской» - один «мерзавчик», и вторую, объемом 0,7 литра. Короче говоря, подшутил над стариком, подменил ему бутылки в запруде. Батай, когда увидел их, чуть с ума не сошел. Открывать боялся, да что открывать, доставать боялся, сидел, качался, из под закрытых век катились по морщинистым щекам крупные якутские слезы. Валька, обеспокоенная долгим отсутствием отца, нашла его на берегу запруды в полном трансе. Впрочем, шутка получилась дурацкой и неудачной. Костя это понял, но было поздно... Судьба вмешалась.

Сам – то Батай Иванович быстро в себя пришел. Валя ему все объяснила, он покряхтел, про шайтана поговорил, водку выпил, потом допил еще и ту, которую Костя подменил, стресс,

короче говоря, снял. И на Костю уже к вечеру воскресенья не обижался. А вот Валя сильно разозлилась. И даже из дома выгнала. Думала, надо проучить, а потом простить...

Так, наверное, все бы и было. Неожиданно на участке появилась жена Оля. Якобы, посмотреть, что это за работа, за которую такие деньжищы платят, что за такой мир старателей, работяг таежных. На самом деле начальник участка о Костиной любви доложил начальству, дальше эту информацию мигом довели по цепочке до Хоттабыча. Костю – и, где – то справедливо – считали в артели высокопоставленной выскочкой, миной замедленного действия для начальства, агентом КГБ, да и Бог еще знает кем... Хотя работал он, это все признавали, очень хорошо. Тем не менее, когда появилась возможность избавиться от родственника Хоттабыча, ею с радостью воспользовались.

Ночью, вдвоем, сидели у костра. Ольга только сказала, что все знает. Костя уставился в огонь, и молчал. Потом она обняла его и сказала, что, пожалуй, останется здесь поварихой. И Костя вдруг понял, что так она и сделает, это не угроза, это ее выбор. Утром, ни с кем не попрощавшись, они уехали в Бодайбо.

Х Х Х

Проснулся Костя рано из-за какого-то непривычного чувства. Он, не открывая глаз, занялся нелюбимым, но необходимым, делом: стал вспоминать, чем вчера все кончилось. Вот сегодня это было бесполезно, такой чугунной была башка, такие в ней тяжелые ворочались мысли. Но тут он вдруг понял, что не это в данный момент главное. Что-то было не так сейчас, именно сейчас. Костя разлепил наконец веки, и все понял: на полу, возле тахты, было разбросано женское белье. И хотя самой хозяйки в постели не наблюдалось, Костя сразу понял, что это Ксения. Да больше и некому – на улице, или вообще, случайно, Костя женщин не привечал. А Ксюха – надежная боевая подруга, у нее таких, как он, 2 – 3 – и все. Это железно. Да не так уж и дорого. Ксения вообще, кстати, денег не брала. Просто говорила, в чем на этот раз нуждается...

Он встал, подошел к двери, послушал. Шуршало в соседней комнате. Костя заглянул в дверной проем. Ксюха сидела за столом и что-то набирала.

- Творим?

Она вздрогнула: «Фу ты, напугал как. Да вот, надо срочно в еженедельник сдать телевизионное обозрение...»

- Еженедельник правый или левый?
- Тебе – то что с твоими деньгами. Какая тебе – то разница – правый или левый?
- Ну как, надо же быть готовым, если что... Вдруг вы революцию задумали, так ты предупреди, я капиталы за бугор переведу, - ерничал Костя
- Предупрежу. Хотя, думаю, они у тебя уже сейчас за бугром...
- Тут ты права. – Костя потер затылок. – Ох, старушка, бульончику бы... А уж потом перейдем...к базовым ценностям.
- Сейчас, барин. Вы пока ляжьте, а через десять минут вам в постелю принесут...
- И сама приходи.
- Это как пожелаете.

Костя вернулся в спальню, бухнулся на тахту в халате. Ксюха и вправду появилась минут через 10, с чашками горячего бульона и гренками. Огромная ее грудь колыхалась от смеха.

- Ты чего? – Уставился на нее Костя.
- Да вот, историю про одного барина вспомнила...
- Это про какого же? – Костя накинута на бульон, обжегся, и теперь ждал, пока он остынет.
- Немирович – Данченко его фамилия, зовут Владимиром Ивановичем.
- Хороший был барин...
- Да уж, не чета нынешним...
- Ладно, хватит критиканства. Ты историю рассказывай.

- Ну вот, возвращался он как – то утром из Яра, с гульбы. А время – уже утро, седьмой час. Владимир Иванович и говорит извозчику – поезжай, голубчик, прямо в Камергерский, к Художественному театру. Подъехали, лихач остановился, ждет. А Владимир Иванович сидит на кожаном сиденье, подбородок на руках, руки - на рукоятке трости : задумался... Вокруг народ уже вовсю на работу торопится. Хотя и сам барин тоже ни на посиделки приехал, и сейчас сидит, думает – значит, работает. Тут к нему один служивый подходит, и так участливо спрашивает: «Ну что, барин, наебси?»
- Поучительная история. – Засмеялся Костя – Народ у нас замечательный, проницательный... Ох, голова болит, ты сама продолжи...
- Русский народ попрошу не трогать, не надо изгаляться над ним. Чем вы последние годы и занимаетесь...
- Ксюха, вот ты сейчас, нам, больным людям, начинаешь выговаривать... Кстати, как ты здесь оказалась – то? Вроде вечером тебя не видно было. Значит ночью...
- Ночью, ночью. А когда ж еще? Самое мое время.
- Чем-то недовольна?
- Тем, что ты ко мне, как к проститутке относишься.

Костя чуть не поперхнулся.

- Слушай, Ксюш... Помнишь Маяковского: «Все мы немножко лошади». А по нынешним временам это можно так перефразировать: «Все мы немножко проститутки».
- В прямом или переносном?
- Ну, это у кого как получилось. Кто-то в прямом, кто-то в переносном, а кто-то и в том, и в другом.
- Успокой, бля, - Ксюша вскочила, чуть не скинув поднос с чашками на пол – высокая, плотная, широковатая в кости, словом, русская красавица.

Она ушла на кухню, и оттуда спросила: «Слушай, а что это ты меня как-то чудно всю ночь звал: Синильга? Что-то знакомое, кстати...»

- Это, Ксюша, значит только одно: дошел Костик до речки, называется Стикс. Вот такой печальный вывод можно сделать, глядя из – под ладони вперед...
- Из-за меня, что ли? – Фыркнула Ксюша. Костя молчал. Ксюша мягкой кошачьей походкой вернулась в спальню, присела на тахту.
- Один маленький интимный вопрос... Можно?
- Валяй.
- Ты когда теперь Хоттабыча увидишь?
- И эта туда же, - у Кости в душе как будто тупым столовым ножом по стеклу проскребли. Вслух он спросил: «Чего надо?»
- Интервью в «Бизнесмен». Больше ничего.
- Ты же его политику на каждом углу поливаешь.
- Костя, ну что ты божий дар с яишницей путаешь... Это же профессия.
- Это точно. Профессия.
- Ладно. Все чай да сахары, - Ксюша посмотрела на часы, - пора бежать. Презик за тобой. Милый...

Х Х Х

Ксюша ушла, но тему базовых ценностей Костя, похоже, на себя сегодня накликал. Он позвонил в гараж, Володи на месте не было. Костя перезвонил Петровичу, и узнал, что новый шофер уже едет к нему.

- Оперативно, - нейтрально произнес Костя. Но для Петровича это был комплимент.
- На том стоим...

В машине, за рулем которой сидел симпатичный толстый белобрысый малый, он почувствовал себя паршиво. Пришлось включать блокировку...

Все просто: перестаешь думать о неприятном, даже если для этого нужно напрячь мозги. Перестаешь – и все тут. Часто бывает так, что когда мысли о проблеме возвращаются, она уже решена. Неважно как, благополучно, или нет, главное, что ее уже не существует.

Они посидели, потом шофер осторожно спросил: «Куданибудь едем, Константин Алексеевич?»

- Что? А, ну да, поедem, посидим где –нибудь. Хорошие места знаете?
- Ну, это смотря что иметь в виду под хорошими местами. Кстати, мы с вами тезки.
- Ох, простите, задумался. Не спросил, как зовут – величают...
- Да, ерунда. Так куда?
- Ты тезка, езжай, я подумаю... Чапай думать будет... Знаешь, что, сверни – ка на бульвары. Ничего, что я на ты?!

Они проехали по бульварам от Тверской почти до Нового Арбата, но у Никитских Костя передумал ехать в традиционное казино.

- На той стороне Дом журналистов, знаешь такой?
- Да кто ж его не знает.
- Вот к нему и причаливай, Константин.

Костя даже не думал, зачем он вдруг решил пойти в ресторан ДЖ. А на самом деле все было просто: Вадим Иванцов дневал и ночевал здесь, поскольку, в отличие от клуба, был тут не гостем, а хозяином. И подкорка сработала, значит, зачем-то ему нужно было его увидеть. А зачем – Костя не вполне понимал. Ведь вчера он говорил доктору чистую правду, так он и думал, так и решил все, так, в конце концов, ему и хотелось. Все так, а он уже садится за столик в ресторане, оглядывает зал, и с вполне определенной целью – ищет глазами Иванцова...

Но его не было. Подошел Мишка, знакомый официант, Костя заказал поесть и пиво. Потом спросил: «Иванцов был сегодня?»

- Нет пока. Но, думаю, в течение часа появится
- Понял. Давай, Михаил, давай быстрее своего венского нефильтрованного...
- Сей момент, барин.
- Они что, сговорились сегодня, что ли, - подумал Костя и тут же напрочь забыл об этом. Очень хотелось пива, вчера, конечно, перебрали, хотя как, насколько – Костя до сих пор вспомнить не мог. Он набрал номер Сергея.
- Ох, - раздалось в трубке, - смерти моей вчера хотел, да? Я ведь старше, не надо об этом забывать...
- Ну приезжай, выздоровеешь.
- А ты где? - оживился Серега.
- В Доме журналистов.
- Гм... Эх тебя заносит, - Серега замолчал. Он, конечно, все понял. – Костя, прости дорогой, сегодня не получится. Сегодня переговоры, я же в этой больнице еще три этажа хочу захватить...
- Акула. – Костя тоже догадался – не хочет Серега ввязываться в его историю. И хотя он был готов к этому, на душе стало совсем тоскливо. И даже не из-за доктора, просто тоска всегда одолевает, когда особо остро чувствуешь собственное одиночество. – Ладно, как знаешь...
- Костик, правда не могу. А вот совет тебе такой – ты прав, надо куда-то оторваться, посидеть, подумать. И чем скорее, тем лучше.
- Пока, Серега. До встречи.

Пиво Мишка принес отменное. Костя выпил залпом кружку, перевел дух, и, не удержавшись, проглотил половину второй. Потом откинулся, смотрел на поджарку «по суворовски», здешнее фирменное блюдо, и соображал – хочет он есть, или уже нет. Отрезал кусочек, пожевал, и вдруг почувствовал всегдашний похмельный аппетит.

Х Х Х

Вот так же он когда-то ел зайца, целиком запеченного на примитивном вертеле в тайге около Энгажемо. Впрочем, не ел – жрал как, примерно, росомаха, у которой заяц в пищевой биологической цепи занимает не последнее место. Но, конечно, были извиняющие Костю обстоятельства, сблизившие его с хищником.

Вышло все случайно и стремительно. Морозы в ту зиму в Бодайбо стояли жуткие, термометр однажды минус 61 градус показал. Костик, в унтах, большой собачьей шапке, шел в аэропорт, к дружку Коле Панину, который работал авиадиспетчером. Кутался в шарф, дышать из-за мороза было тяжело, тишина потрескивала и дым из печных труб уходил в небо идеальными вертикалями. На полдороге возле него притормозил милицейский газик, из него выглянул Генка Сапожников, местный милиционер.

- Кость, далеко собрался?
- К Панину, у него через час смена кончается, вот, пузырь несусь...
- О, и мы в аэропорт. Садись, подбросим.

В машине, кроме Генки, сидели еще два сержанта, выпивали на ходу, закусывали мерзлой тушенкой, прямо из банки выковыривая ее гнутой алюминиевой ложкой.

- Примешь?
- А как же. Мороз-то жмет, как без водки - то.
- Орел. – Засмеялся Генка. – А вот давай с нами, если такой отчаянный...
- Куда это с вами? – Костик уже выпил полстакана, в Бодайбо меньше не наливали, ковырялся в банке.
- Дело интересное впереди, пропади оно пропадом, толком посидеть – выпить не дадут, в воскресенье выдернули...
- Да какое дело – то?
- Вобщем так. В Энгажемо, поселок такой знаешь?
- Слышал. Где-то он чуть ли не на границе с Якутией, у черта на куличках...
- Точно. Я то там бывал, соболя бил, места знакомые, политрук наш об этом знает, вот и не дал отдохнуть, выдернул в воскресенье...
- Опять за рыбу деньги. Генка, ты толком расскажи, что случилось?
- Да. Так вот, в этом сраном Энгажемо якуты чудить начали, в рот бы им всем дышло.
- И что начудили?
- Убили русского, Аридорога фамилия, три брата – акробата. Они, кстати, таежные, оленей держат, стадо у них, половина государственных оленей, половина своих. Грохнули эту Аридорогу – и айда в тайгу. Вот, всё что знаем пока...
- По пьяни, наверное?
- А то как же еще?! Конечно, по пьяни. Сержант, ты че стакан греешь, давай, пей, да мне налей. Так что, Костик, слабо с нами? Так, за кампанию, будешь вроде офицера связи.
- Всю жизнь мечтал стать офицером связи.
- Не понял?! Зассал, что ли?
- Не. Панин ждет.
- Дак и мы не торопимся. Борт наш все равно еще не прилетел, потом еще час – другой вертолетчики к полету готовиться будут, а мы с Коляном пока все вместе посидим. На, пей...

Костя выпил. Посидел, помолчал. Тепло разливалось внутри. И в мозгах уже торчало только одно – а почему нет?

- А почему нет!

С Паниным, на втором и последнем этаже деревянного здания аэропорта, в диспетчерской, сидели по домашнему, диспетчеры выставили на стол в комнате отдыха все, что было в запасе: буженинку, грузди черные и белые, соленую капусту и огурцы, помидоры моченые, рыбу хариус, жареную - с такой закуской можно было до утра сидеть. И просидели бы, но часа в три пришел пилот с МИ-8, спросил: «Кто здесь из милиции? Машина готова, можно лететь...»

- Сшас, - Генка грузно встал, застеснялся, - вот брат, забухали че - то, пока ждали вас...
- А что такого, - пожал плечами летчик, - пока летим, проспитесь, делов – то...
- Уже у вертолета Генка спохватился: «Черт, автоматы в машине забыли.»

Наконец, взлетели. Впрочем, сам момент отрыва от земли Костик пропустил – спал, как убитый. В Энгажемо, он, как сомнабула, вслед за группой вылез из вертолета, дошел до гостевого домика, и, одетым, даже унты не снял, свалился на застеленную железную койку. Только поздним вечером разбудил его сдержанный гомон – ребята обсуждали происшедшее.

Все оказалось, как и предполагали, банальнейшей бытовухой. Три брата, оленеводы и охотники, приехали в поселок на упряжках, загуляли, однако, шибко. К ним в гости зашел гражданин по фамилии Аридорога, русский товарищ, который, в отличие от оленеводов, в тайге, на работе, не употреблявших, не просыхал с самого, казалось, детства. Что-то они не поделили, вспомнили старые обиды, потом старший брат, Илья, завел гражданина Аридорогу в спальню, и там застрелил. Братья собрались, допили остатки, и, уходя в тайгу, пару раз пальнули по поселку – на всякий случай, для острастки, чтобы кто – нибудь не вздумал преследовать. Ну, это они погорячились: никто в Энгажемо из – за этого гражданина и бровью не повел, не то что там преследовать. Одна сестра повыла – повыла, да побежала к участковому, кой и сообщил о происшествии в райотдел по рации. Все. Больше исходных данных нет. Спасало лишь то, что места, где жили в тайге эти ребята, в поселке знали многие. Решили выспаться хорошенько, и, на оленьих упряжках, завтра ехать за братьями. Подумали: они же тоже сейчас отсыпятся, а как очухаются, то поймут, что лучше не сопротивляться. Что нельзя было гарантировать сейчас, в данный момент. Хотя, сей секунд на их зимовье опергруппа могла разве что материализоваться.

А Костик сидел и диву дивился : как это его угораздило, с какого такого перепугу, что это с ним произошло... Ребята, случайно заметившие его состояние, деликатно поднесли стакан. После этого гостевой домик дружно захрапел.

Двинулись на следующий день пополудни. На первых нартах сидел Генка Сапожников с местным участковым, на вторых – Костик с сержантами. Ехали по якутски – двое сидят, один бежит, чтобы не застывать. Кровь бурлила, похмелья вроде и не было, короче – чистый адреналин. Костик потом часто вспоминал это состояние, и думал, что так, наверное, на мозг действует только наркотик. Потом как-то курнул травки, и понял – ничего похожего, в тайге он был счастлив и здоров, а травка... Что-то в ней все же неестественное.

До основного стойбища они добрались довольно быстро, часа за три. Там, в чуме, сидела заплаканная бабушка с кучей притихших малышей. Она налила им горячего чаю и рассказала, что братья, ее сыновья, ушли на дальние заимки.

- Как у них настроение, бабуля? – Спросил Генка.
- Ох, какое настроение, Гена. Человека убили, какое настроение, борони Бог...
- Убили, - проворчал Генка, - не убили, а убил. Старший ваш отличился. Остальные, я так думаю, даже не видели.
- Ох, правду говоришь, - опять заплакала бабка, - Семен с Ваней не причем. Вы ребятки сегодня идите, к вечеру найдете их. Боюсь, уйдут завтра в Якутию.
- А как, стрелять в нас не будут?
- Да кто ж их знает, дураков.
- А где остальные все? Где взрослые?
- Да кто где. Кто с оленями, кто за зверем, а Инга с Валею, как на грех, в Бодайбо гостят.
- Это жены двух старших. Да, дела. Ладно ребята, она права. Если сейчас их не возьмем, потом это трудно будет сделать. Висяк, короче. Так что еще минут пятнадцать передохнули, и в дорогу.

Братьев нашли уже совсем поздно, почти ночью, на самом дальнем зимовье. Те, похоже, уже и не скрывались: светились окошки, из трубы валил дым столбом. Перед этим проверили два зимовья: на Ченчо и Сени, таежных речках, промерзших до самого дна. Генка никому не позволял подойти к двери, шел сам, толкал прикладом, и рыбкой, вправо, в сторону – боялся

самострелов. И вот на Ничатке, огромном озере, растянувшемся километров на тридцать, с блестящей бесснежной ледяной поверхностью, они братьев догнали.

Сели на одни нарты, долго не могли решить, как их брать. Потом Генка приказал участковому поменяться с ним экипировкой: тот был одет как пастух, оленья куртка, онучи... До утра ушли в тайгу, оставили одного в засаде, чтобы дал знать, если братья решат уходить. Его сменяли все по очереди, по два часа каждый вылеживал в сугробе. Костику достался самый сон, под утро уже: приходилось тереть лицо снегом, чтобы не закемарить. Он уже матерился, проклиная всю эту погоню в тайге, но вдруг пришла мысль – больше такого он никогда в жизни не испытает, и ничего, полегче стало, взбодрился, просидел почти до семи часов. Примерно во столько весь отряд подтянулся к месту засады и уже все вместе стали ждать, пока братья выйдут на улицу.

Дверь распахнулась минут через десять: вышел один из братьев, прошел к оленям. Сержант дернулся было, Генка беззвучно цыкнул на него: рано. Час братья собирались в путь, выходили, заходили в избушку по одному. И когда, наконец, втроем начали запрягать, Генка встал и пошел к ним. Ружья те уже закрепили на нартах, чтобы руки были свободны, оленей запрячь не так то просто даже профессионалу. Они увидели Сапожникова, замерли – не могли понять, кто это. По прикиду, вроде свой, пастух... Через несколько секунд Генка вытащил из – за пазухи автомат и закричал: «Лицом вниз, на землю! Милиция...» Один из братьев кинулся было за винчестером, Генка дал очередь поверх голов: «Если сейчас не ляжете, перебыю всех троих...»

И легли. Повязали братьев моментально, их же оленьими ремнями, сели, закурили. И только сейчас Костик почувствовал, какой мороз стоит: деревья и впрямь потрескивали. Потом он подумал, что дома уже с ума сходят – третьи сутки пошли, как он за этими братьями гоняется.

Посидели в зимовье, попили горячего чаю, согрелись, наконец.

- Ты чего его грохнул – то? – спросил Генка у Ильи.
- Да было за что, начальник. Так бы просто отпинал... Было за что.
- Дурак, - констатировал Генка, - теперь сиди. Десятку дадут, не меньше...

Илья равнодушно слушал его, чай прихлебывал. Потом собрались, и в путь – на Энгажемо. Братья, растреноженные, бежали и сидели так же, как и все остальные...

Дома Костика встретила мать. Увидев его в дверях, быстро вытерла слезы, взяла веник, и так и била сына до тех пор, пока веник полностью не облетел. Потом легла в спальне, и опять заплакала. А Костик сидел в своей комнате, все равно чувствовал себя героем, и все вспоминал вкус зайцев, изжаренных ими на обратном пути. Ничего вкуснее до этого он не пробовал...

Х Х Х

С чего он сейчас про этих зайцев вспомнил, Бог весть. Иногда воспоминания заходят на мозговой сайт сами по себе, без приглашений. Костик наконец-то очухался полностью, пива уже не хотелось. Он позвонил Толе, тот проявил полное безразличие к его безделью.

- Хотя, мысль одна есть насчет тебя. Но это потом...
- Ну, ну, - хмыкнул Костя. В этот момент в зале появился Иванцов. Предупрежденный официантом, он сразу направился к столу Костика.
- Спрашивал?
- Да так, интересовался. Все же не так часто здесь бываю, вот и спросил тебя, завсегдатая.
- Ага. Ну так что, присесть – то можно?
- Садись, я вот пиво только, а ты заказывай, чего хочешь.
- На халяву, - рассмеялся Вадим, - смотри, я сейчас назаказываю...
- Ничего, не обеднею.

Мишка принес хинкали и шашлык. Налил Вадиму пятьдесят коньяка в рюмочку, перекинул салфетку с руки на руку, поклонился и отошел. .

- Ну, будем, - поднял рюмку Иванцов.
- Будешь, будешь... Долго я голову ломал, кого ты мне напоминаешь, а дошло только сейчас... Слушай, Вадим, прости ради Бога за нескромный вопрос - ты раньше нигде халдеем не служил?

Иванцов чуть не поперхнулся – Костя спрашивал вполне серьезно.

- Ну вот, - буркнул он, - оскорбления начались прямо с утра... Чего это ты?
- Да не обижайся. Уж больно у вас с Мишкой повадки одинаковые.
- А если б даже и служил ... Не вижу в этом ничего позорного.
- А я ничего такого и не имею в виду. Просто похожи. Вот и все, в глаза бросилось, вот и спросил...
- Ладно. А сам-то ты кем в прежней жизни был?
- Я? Золото мыл, потом в министерство черт занес, правда, поездил тогда по стране, из командировок не вылезал.
- Я тоже поездил. А в министерство тебя ведь не черт занес, а отец родной...
- Это он тебе отец родной, - теперь уже Костя насупился, - а мой в Бодайбо похоронен.
- Увы... Я лишь скромный литзаписчик.
- Литзаписчик. Но не сказать, что скромный.
- Костя... Уж не ревнуешь ли ты?
- К кому? - Костя уставился Вадиму в глаза.
- Брось, - смутился тот, - блажь все это...
- Да это я знаю... Тебя ведь на данном этапе только деньги интересуют?!
- Ну, предположим... И что?
- Как тебе сказать... Конечно, алхимия финансов – наука увлекательная, и кто ею овладел, молодец, уважаю. Вопрос только – как овладел? Умом или вылизыванием задницы.
- Дурак ты, Костя. Просто ты с ним обращаться не умеешь... Но у меня тоже вопрос: а ты – то как прошел эту науку?!
- Слушай вот ты такой тонкий, творческий... Неужели не чувствуешь, что через минуту в рыло получишь?
- Ну вот... Угрозы, подозрения ...
- Пошел вон, холуй несчастный.
- Ты больно счастливый. Ладно, пошел. Только не думай, что мне неясно, кто меня послал.

Иванцов чуть не бегом пересек зал, а навстречу ему, к столику, такой же рысью подбежал Мишка.

- Что я говорил, - удовлетворенно подумал Костя, - близнецы – братья.

Он рассчитался, и, выходя в вестибюль, все приговаривал вслух: «Ну, блядь, дожил. Любая шестерка тебя, Костя, с собой сравнивает... Да сам виноват. Встретиться, поговорить...Поговорил...Тьфу...»

И, уже одеваясь, он вдруг почувствовал такое отчаяние, что аж остановился. Немного отпустило, и Костя, привлекая к себе внимание, опять вслух произнес: «Да пошло оно все...Причем немедленно, а то прямо сейчас сдохну. Надо Зурику позвонить...»

Он достал мобильный, начал набирать, потом сбросил номер: «Чего ему звонить? Так поеду, Зурик всегда на месте.»

Х Х Х

Зураб жил на Беговой, в кооперативном доме московских художников. Костик сначала было вышел из лифта на 5 этаже, где, собственно, и была его квартира, но вовремя спохватился – как бы не нарваться на жену, Розу. Отношения у нее с творческим мужем были довольно

сложные: утром целуются, вечером дерутся. И хотя время сейчас нейтральное, послеобеденное, Костя решил не рисковать. Он опять вызвал лифт, и нажал на кнопку последнего, 10 этажа. Там у Зураба была мастерская.

Дверь открыл высокий парень, спортивный, мускулистый блондин.

- Зураба можно позвать?
- Легко.- Парень качнулся в сторону Костика и тому даже пришлось его придержать. – Зурик, тут к тебе какое – то хуйло пришло...

Х

Х

Х

Здесь автор просто должен сделать небольшое отступление. В связи с тем, что все дальнейшие диалоги в мастерской художника в реальной жизни у некоторых персонажей состояли из сплошного мата, а у некоторых – лишь частично, он, автор, позволил себе перевести ненормативную лексику в литературную. Автор просит у читателя прощения, но другого выхода просто не было.

Х

Х

Х

- Костик, - из комнаты вышел Зураб, плотный грузин лет пятидесяти. Он отстранил парня от Костика и дал ему пройти в мастерскую, - давненько тебя не было. А мы тут, видишь, безумствуем немного по поводу закрытия выставки.
- А где выставка была?
- В шахматном клубе, на Гоголевском. Можешь меня поздравить – три картины купили, из них две – американцы, причем одну прямо в посольство, в Дом приемов, на собачьей площадке...
- Поздравляю. – Костик оглянулся. В большой комнате, зале, по выражению Розы, сидело человек пять. Стол был уже несколько разгромлен. В углу средних лет мужчина спорил с девушкой. Девушка была молода, красива, и почти не одета. То бишь сидела в одной мужской, расстегнутой до пупа, рубашке.
- А Розка не зайдет? – Осторожно спросил Костик.
- Не бойся, - засмеялся Зураб, - ишь, как она тебя запугала...
- Ну, знаешь, береженого Бог бережет...
- Уехала Розалия, в Одессу, к отцу. Что – то он там занемог сильно. А потом ты же знаешь, она сюда без звонка не сунулась бы...
- Это да. Это она молодец. Заботится о своем здоровье.
- Ну и правильно. У нее же давление, сам же ее к Сереге возил. А случись что, с кем я останусь...
- С ними, - засмеялся Костик.
- Эх, Костя, молодой ты еще, все шутишь. А если серьезно, без Розки скушно уже. Все можно, и никакого тебе запретного плода, который, как известно, только один и сладок. Давай, за встречу, полгода ты нос не казал, а?
- Где – то примерно так. Давай, за встречу...

Познакомились они несколько лет назад. На фуршете, в кремлевском дворце съездов, устроенном в честь окончания знаменитого теннисного турнира, который так любил Хоттабыч, оказались рядом. Поговорили, попили, поели, и, в конце концов, за полночь, Костя очутился в этой мастерской. Зураб был очень популярен в те годы, писал портреты знаменитостей, богател, не по дням, а по часам. Потом шум вокруг него несколько поутих, но Костя, как говорится, любил Зураба не за это. Со временем он привык, что если обстоятельства совсем уже загоняют в угол, надо ехать сюда, на Беговую. Здесь, как минимум, легчало.

- Как дела?
- Как сажа бела... - только и успел ответить Костик. В это время парочка в углу перешла на повышенный тон.

- Да ты же даже с Дранниманом переспала... - орал мужик. – За стольник дала...
- Не за стольник, - сквозь слезы отвечала девушка.
- А за сколько? За полтинник?
- Да, - размазывала тушь по лицу собеседница.
- Это что же? Скидка инвалиду?
- Да.
- Да он же богаче всех нас вместе взятых.
- Все равно... Инвалид...

Дранниман, известный в Москве галерист, действительно был натуральным инвалидом. У него не было одной ноги до колена. Ходил он на костылях, причем давно, лет двадцать, не меньше. Казалось, такой богач, как он, за это время мог себе не только суперпротез поставить – ногу новую вырастить. Он этого не делал. Секрет был прост: Борька пользовался своим положением, причем везде – в быту, в бизнесе, везде. Везде его жалели и давали скидки, фору, – жалели, словом. Был даже такой замечательный эпизод в его жизни. Пьяный вдребадан – а он или работал, или пил, третьего не дано – ехал на своем «Оппеле» по Кутузовскому. Машина у него шикарная, переоборудована по спецзаказу, под инвалидное управление. Что-то нарушил. Остановил его гаишник, взял документы, почитал, потом увидел, что пьяный нарушитель одноногий.

- Что же вы, Борис Моисеевич, нарушаете? – С укоризной, но все же благожелательно, спросил лейтенант.
- А вы откуда знаете, что меня Борисом Моисеевичем зовут? – Подозрительно сощурился Дранниман.
- Эх, - вздохнул гаишник, вернул права, и только и спросил, - до дому – то доедете?
- До дому? – Задумался Дранниман. – До дому доеду.

В мастерской же его за это недолюбливали. Потому становились понятными претензии, высказанные мужчиной женщине.

- Сам – то козел, - вдруг завизжала последняя, - хоть бы раз в кабаке заплатил...
- Костик, пойдем. Здесь спокойно не поговоришь. Помнишь свои зарисовки... - Встал Зураб.
- Как это – свои? Твои...
- Ну, мои. Мы когданибудь с тобой до холста дойдем или нет?
- А черт его знает...
- Ладно, пойдем, продолжим. Там и поговорим. Бери коньяк, вон ту бутылку, она почти полная. И апельсины. Слушай, может ты жрать хочешь?
- Избави Бог. Только что отобедал.
- А то гляди. Быстренько шашлык на крыше сварганим, там мангал еще не остыл.
- Не надо, Зураб. Правда, не хочу.
- Сам-то, видите, работать пошел, - сказал блондин еще двум собеседникам, уже тугο соображавшим, - не то что вы, дармоеды...
- Кто это? - Спросил Костя.
- Водила мой. Строгий, упаси Бог. Его даже Розка уважает. Сдается мне, что она и сейчас ненадежного художника на него оставила.
- Так что же ты? Он же ей все расскажет...
- Не расскажет. Надежно перевербован. На крючке он у меня, Костя.
- Ну ты мастер...
- Во всем. Учись брат, пока Зураб жив.

Они зашли в комнату, которая, по сути, и являлась мастерской. Все было завалено кистями, банками с красками, холстами. Костя сел в знакомое старое, полуразваленное, кресло, Зураб на стул, напротив. Он положил справа от себя пачку листов, и начал штриховать - делать наброски к давно задуманному портрету.

- А старые – то хочешь посмотреть?
- Конечно.

Зураб покопался в старинном бюро, достал зарисовки, на которых Костик был помоложе, где на год, где на полгода.

- Вот здесь, вот, это на следующий день, как мы с тобой Розку накололи...
- По хрупкому льду ходили. И сегодня со страхом вспоминаю. А если б догадалась, что это моих рук дело?!
- Ну я же живой... - засмеялся Зураб, - и тебя бы подлечили, если что...

Розку они накололи исходя из твердых и незыблемых принципов мужской солидарности. По всем канонам, классически, коварно. До сих пор она не знает, что же произошло на самом деле.

Чем-то Зураб провинился сильно, Костик уж сейчас и не помнит, чем. Она его закрыла в квартире и уехала на плавание, потом в сауну, потом... Бог его знает, что у нее там еще было. Зураб проснулся в тяжком похмельном поту, с трудом оделся, и, не умываясь даже, собрался было в мастерскую, где опохмел – это святое, он всегда там есть, на любой вкус и в любых количествах. Зураб подошел к двери, потянул, потом в бешенстве потряс ее – куда там, сталинский дом, даже не шелохнулась. Закрыла она его на основной, старинный, английский замок с огромной ключной скважиной.

Художник к телефону – Розка вытащила из трубки микрофон: звони, мол звони, куда хочешь... Мобильный в те годы Зурик еще не завел. Что делать? Упал на тахту, лежит, к себе прислушивается – как бы коньки не откинуть. И все рисует, рисует картину, как повернется в замочной скважине тяжелый ключ, беззвучно приоткроется дверь, сделает первый шаг в квартиру Розка... Ну, вообще, художник.

Все вышло иначе. Минут через сорок раздался звонок в дверь: это Костик, толкнувшись в закрытую мастерскую, решил все же проверить квартиру. Обидно стало, в кои веков заехал, а безвылазный Зурик как назло куда-то усвистал.

Оказалось, не усвистал. Заорал из – за двери: « Кто там? Кто?»

- Я, - даже чуть оробел Костик.
- Кто я?
- Да я, Костя. Ты чего орешь, как резанный?
- Вот именно резанный. Зарезала, зараза, без ножа. Закрыла и ключ с собой забрала.
- Розка? – машинально спросил Костя и сам удивился глупости вопроса.
- А кто ж еще? Остальные бабы такого никогда бы не сделали.
- Побоялись, - засмеялся Костя.
- Слушай, ты чего ржешь? Друг пропадает, а он ржет.
- Чего это ты пропадаешь? Придет скоро, выпустит, что за трагедия.
- Ну, трагедии еще впереди, пусть только вернется. Костик, трубы горят, сил нет, тошнит, черт, боюсь, как бы кондрат не хватил...
- Эй, ты брось – испугался Костик. Сам он с похмелья так еще не страдал. – Найди валидол, есть что нибудь в доме такое?
- Э, э, слушай, какой еще валидол? Не забывай, с грузином разговариваешь. Слышь, Кость, посмотри – ка ты в замочную скважину, в самую верхнюю.
- Ну, смотрю.
- Видишь, какая она огромная?
- Хм... Но все равно, в нее даже «мерзавчик» не просунешь...
- Боже, какой же ты тупой иногда бываешь. Ладно, гони в магазин, возьми пару бутылок коньяка.
- Зачем мне куда-то гнать? Все с собой, именно пара, именно коньяка.
- Надеюсь, не армянский?
- Да тебе – то что? Как ты им воспользоваться собираешься?
- Учись, учись у Зураба. Зураб – он очень мудрый. Постой, подожди минутку.

Потом Костя услышал, как Зураб бормочет под дверью: «Так, лимончик есть, сациви, хорошо, орех грецкий, любимая закуска...» А через секунду из верхней замочной скважины – действительно, очень широкой, в нее даже был виден целиком коридор

зурабовской квартиры – показался кончик полиэтиленовой трубки, не такой уж узкий, вполне трубочка была.

- Давай, открывай коньяк. Чем сам – то закусывать будешь?
- Да есть тут у меня кое – что с собой. Шашлычок еще горячий, на Баррикадной покупал...
- Ох, шашлычок, - застонал Зураб, - ну, гадина, приходи скорей, я из тебя на ребрышках сделаю...

Зураб сильно тогда напился. Он, со злости, от темперамента своего грузинского, высасывал сразу по полстакана, а Костик, из горлышка, с трудом делал глоток – другой. Не умел из горла, никогда не умел, даже в Бодайбо не научился, хотя там это считалось высшим шиком – «полбутылки из горла засадишь?» Сам как – то видел в тайге, рабочий, из геологической партии, недавний зэк, на спор, выпил залпом из горлышка бутылку спирта, закусил полной луковицей и половинкой черного хлеба, лег спать. Костик был уверен, что он умрет, один только, по идее, обоженный пишевод, должен был его на тот свет отправить, и – хоть бы что. Утром встал, на карачках вылез из палатки, ему выдали выигрыш – бутылку спирта.

Через час он уже уговаривал Зураба: «Да она, Розка – то , все равно баска девка...»

- Эй, ты там говори, да не заговаривайся. Какая ни есть, а жена мне. Только я имею право называть ее своими именами...
- Дурак ты, Зураб. Баска – это по нашему, по чалдонски, значит красивая, ладная, справная девушка.
- Другое дело. Извини брат, раньше не слышал никогда.

Костик вовремя тогда почувствовал опасность, и ушел ровно за 5 минут до прихода Розы. А пьяный и довольный Зураб уже вполне благодушно встретил изумленную жену, которая была уверена, что уж в ее – то квартире нет ни капли спиртного, не то, что в этой чертовой мастерской...

Сейчас им приятно было вспоминать, это сближало, цементировало отношения, которые время не делало более близкими, но и не размывало . Скорее, даже лучше, что они виделись редко. Было у Костики ощущение, что общайся они поплотней – что-то бы потерялось. Впрочем, как знать, может и наоборот, но Костя своим ощущениям доверял, и, по большому счету, не зря.

- Что, Костя, проблемы? – Не отрываясь от рисунка спросил Зураб, - только не ври, Зураб, он...
- ...Мудрый...
- Точно. Нет, если не хочешь, не говори. Я не обижусь, сам такой.
- Да видимых-то проблем нет. Таких, что можно было сказать – проблема в том-то и том-то.
- Да... Сама жизнь, проблема, так?
- Точно, - обрадовался Костя, - правда, мудрый.
- А то. Кость, ну что ты сидишь, наливай.
- Да я вроде как позирую?
- Ничего, ничего. Давай, выпьем за ...слушай, а за что выпьем, а? Я что-то, Костик, не пойму, чего тебе пожелать. Все вроде есть, а жизнь – проблема.
- Ну и выпьем за ее решение.
- Тьфу, Костя, не шути так. Не люблю. Нет, я не прав – пожелать могу, а вот посоветовать...
- Что так?
- Нет, ты только не обижайся, ладно?
- Когда я на тебя обижался?! Валяй, говори.

- Да тут неразрешимое противоречие. Что-то человека ведь должно поддерживать в таких ситуациях. Меня вот моя мазня держит. Кого-то работа. Кого-то религия. А тебя, выходит, ничего не поддерживает. Ну, деньги есть.
- Этих сколько угодно.
- Как видишь, не выход. Они-то когда -нибудь кончатся, а вот моя картина может стать вечной.
- А может и не стать.
- Костик, да она и не станет. Умом – то я это понимаю, а душа шепчет – это навечно.
- Мои деньги тоже вряд ли при жизни кончатся.
- Ха. Наследник, Иван, проплет.
- Ванька? Этот компьютерный гений?! Да у него, знаешь, какая жизненная установка, у мальчика?! Главное – не пробовать и не делать ничего такого, к чему можно привыкнуть. Кроме компьютерных программ, разумеется.
- Слушай, я придумал. А купи у Драннимана его галерею, а? Он продаст, хорошую цену дашь, продаст. Ты же за эти годы в живописи уже кумекать начал, а дальше я помогу. Ведь кончается срок твоего горячо любимого народом тестя, кончается. Знаешь ведь об этом, об этом все уже знают. Что тогда?
- А почему горячо любимого? Скорее, наоборот.
- Ну, правильно. От любви до ненависти... Слушай, Костик, давно тебя хотел спросить: а как он отнесется к тому, если я его портрет напишу?
- Зураб, ты спятил?! Ты же ведь не хуже меня знаешь, что на нем проб негде ставить. Какой портрет?
- Да такой. Я же тебе говорю: все проходит, а искусствоечно. Он, конечно, дерьмо, но, Костик, это уже историческое дерьмо. Так что, спросишь у Ольги?
- Ладно, спрошу. Давай еще по одной...

Они выпили, пожевали, Костик успокоился. И вдруг сказал: «А ведь это хорошая идея, Зураб. Только она под силу очень талантливому человеку...»

- То есть не мне, - засмеялся Зураб.
- Я что, так сказал?
- Успокойся, дорогой, успокойся. Видишь, я тоже не обижаюсь

В мастерскую влетел блондин – водила и, как-то криво улыбаясь, закричал: «Зураб, ты на хрена Драннимана в квартиру отсыпаться послал?»

- А что такое? – Испугался Зураб.
- А такое, что он вашу с Розалией Ивановной супружескую постель обоссал. Я захожу, думаю, посмотрю, где он устроился, иду, во всех комнатах его нет, я в спальню, а он развалился, и как раз журчит в это время.
- Ну, свинья, - побелел Зураб, - я же ему сказал, чтобы он на диван, на кожаный, в кабинете, ложился. Ладно, пошли ему последнюю ногу выдергивать.
- Пошли, - радостно заржал блондин.

X X X

В конце - концов на диване, на кожаном, в кабинете, оказался сам Костик. Драннимана сначала с позором изгнали, а потом шумно забыли, так что, через два часа, когда он, переодетый, набриолиненный, опять появился в мастерской, даже сам Зураб бровью не повел. А Костик, бредя в квартиру, только и успел что отпустить водителя – тезку домой. Хотя было еще не поздно.

Проснулся он за полночь, долго лежал, не мог понять, где находится. Вспомнить помог кожаный диван с его характерным скрипом. Запищал мобильник, Костя наощупь достал его, засветился монитор.

- Привет, пап, не спишь еще?

Костя посмотрел на компьютерное время, половина второго.

- Да так... Вань, а ты - то что в такое время бодрствуешь?

- Да засиделся над одной программой. Дело не в этом. Помнишь, ты обещал, что в ближайшие выходные мы на дачу свалим.
- Ну, раз обещал, значит свалим. Мать только предупреди.
- Ура, - заорал Ванька, - да она сама уже пару раз об этом говорила. И самое главное
- ты не забыл, что завтра, нет, уже сегодня, суббота.
- Не забыл, - соврал Костя, - я буду в Горках часов в одиннадцать. Идет?
- Еще как идет. Все, пошел спать.
- Я надеюсь. Спокойной ночи.
- И тебе тоже. Спокойной.
- Язвит, - подумал Костя, - чутье у него классное. От меня досталось, что – ли...

Появившуюся спросонья дневную тоску ополовинило. Костя встал, побрел в мастерскую. Очень хотелось что-нибудь вроде «Боржоми». У Зураба он всегда стоял ящиками. Но мастерская была закрыта. Костик вернулся, пошел в кухню. В коридоре споткнулся об какую-то палку, перегораживающую его наискосок. Он нащупал выключатель, и увидел, что чуть не сломал ногу об драннимановский костыль. Сам Борис Моисеевич спал в обнимку со вторым прямо на голом полу.

- Ужо тебе, - прошептал Костя, перешагивая через галериста.

Х

Х

Х

Ровно в одиннадцать, побритый, умытый, на удивление свежий, он стоял у ворот дачи. Сработал фотоэлемент, и сквозь раздвигающиеся створы Костя увидел долговязого Ваньку, наперегонки бегающего с огромным лохматым черным Диком. Они оглянулись, и бросились к нему.

- А где машина?
- Я сегодня на такси. Пусть шофер отдохнет.
- Понятно. На корт сегодня пойдем?
- Ну, - замялся Костя, - пойдем, наверное...
- Что, плохо спал? Или приснилось что -нибудь? Плохо себя чувствуешь?
- Ты, Ванька, кажется, зарываешься. Много на себя берешь.
- Много?! Да мало я на себя беру. Но вы дождетесь. Я вообще все на себя возьму.
- Для этого тебе хоть на время придется оторваться от монитора, - засмеялся Костик.
- К сожалению. Дик, да брось ты его облизывать. Пойдем, я тебе твою кость побросаю. Пап, ты иди, мама на кухне.
- Лады.

Дача была огромной, трехэтажной, слишком современной. Костик ее не очень любил, что-то холодноватое было в этом просторном бетонном периметре. А вот участок хорош: Ольга занималась им, следила за новинками модного нынче садового ландшафта, но для Костики главным были не эти разноцветные клумбы, гроты, фонтанчики и ручейки с садами камней, а участок, засаженный здоровенными соснами. Летом воздух там просто медовый. Возьмешь пивка, ляжешь в гамак, и вот уже не надо мне рассказывать, что такое рай на земле. Сам знаю.

- Привет, хлопотунья, - Костя зашел на кухню. Ольга жарила блины, бросила сковородку, подошла, поцеловала, охнула – блин задымился.
- Ты, муж, делай пока свой знаменитый кофе, да зови этого обалдуя. У него с утра во рту еще маковой росинки не было.
- А собаку-то кормили?
- Ну, собаке лучше всех. Ее тетя Фая любит больше, чем хозяев. Кстати, я ее отпустила, пусть сегодня отдохнем. Сами себя будем обслуживать.
- И это верное решение, товарищи.

Они долго ели блины, пили кофе, Оля даже достала бутылочку коньяка – по рюмочке. Но как только Ванька вышел из-за стола, чуть захмелевшая Ольга спросила: «Что же ты, собрался куда-то на край света, а нам об этом ни гу-гу? Как прикажешь понимать?»

- Будто тебе это интересно, - буркнул Костя, - да и не решил еще ничего толком. Куда, когда, зачем... А тебе что, Сашка звонил?
- И Сашка, и Толя. Кстати, самое интригующее, из всего перечисленного, последнее – зачем?
- Да подумать надо. Так сказать, поразмыслить над текущим процессом. Что-то он мне в последнее время не нравится совсем.
- А здесь, что, не думается? Мы завтра уедем, Ваньке в школу, а ты сиди, думай.
- Ладно, - согласился Костя, - давай – ка еще по одной...
- Так надеремся же... А кто ребенком займется?
- Дик, - засмеялся Костя, - а вообще, мне кажется, он уже сам по себе. И чего им по мелочам заниматься?
- Эх, Костик, - вздохнула Оля, - вот так ты во всем. Живешь, не живешь, а маешься. Никакой цели, только сегодняшний день. А ведь такие возможности...
- Вот тут ты не права. Возможности я, с твоей помощью, использую по полной программе. Скоро уже пятнадцатый миллион на счет переведут. Хотя, все думают, что он десятый. Права в другом – цели и правда нет. Никакой цели не вижу. Не ощущаю. Не представляю, даже. Никто мне что-то не может ответить на вопрос – что дальше? Может, ты ответишь?
- Костя, ты ведь все сам знаешь. Скоро отец уйдет, а там... страшно подумать. Может, уехать придется. А кто нас где ждет, без денег – то? Тебя, меня, Ивана?
- Слушай, ну что ты волнуешься? Я что, помирать собрался? Все, Олька, будет нормально, поверь.
- Тогда брось хандрить.
- Уже бросил. Ладно. Кстати, тут вот творческие товарищи, Зураб с портретом, одна известная журналистка с интервью, Серега, доктор, в свою клинику отца лечиться зовет...
- Сделаем. Только возьми себя в руки, а за мной не заржавеет. Налей-ка еще по одной...
- Так надеремся же...
- Ну и надеремся. Кто воевал... На свои пьем... Что там еще? Имеем полное право в законный выходной...
- Имеем...

Так они и просидели до ночи на этой кухне. Иван заходил, таскал куски, бросал одобрителные взгляды, уходил, бродил по этажам, играл сам с собой в бильярд, потом, наконец, не выдержал, уселся за компьютер. Родителей он не увидел уже до утра, благо спален в доме хватало.

А утро выдалось необычным. Костик поднялся первым, включил печь в сауне, вышел на улицу, и обомлел: снег за ночь растаял, стучала неумолчная капель, солнце, если постоять на одном месте, уже припекало. Костя даже растерялся, потом сел на крылечке, зажмурил глаза, подставил под лучи лицо. Кто – то ткнулся в его колени. Дик. Костя долго искал именно такого щенка, по масти, по приметам...

Х

Х

Х

Приметы, о них ему не раз рассказывала бабушка Шура, бабуля, он звал ее только так. Бабуля была странноватой женщиной. В Бодайбо она вернулась после войны, окончив в Иркутске педучилище. Семья, большая, дружная, работающая, брала свое начало от какого – то горемычного каторжника – золотоискателя, оказавшегося в здешних местах еще в девятностые годы девятнадцатого века. Не по своей, конечно, воле. Кстати сказать, он то и был женат на тунгуске, от которой появились в родове раскосые глаза. В памяти бабули, которая застала его совсем немного, в детстве, он остался диким, нелюдимым, абсолютно не контактирующим с окружающими, стариком, с большой сивой бородой. Дед Михей в конце жизни и правда стал малость того: бродил по прииску, собирал любое бесхозное железо, и устраивал во дворе их

огромного пятистенка свалку. Впрочем, на ее памяти это длилось не долго: дед умер, когда Шурке исполнилось всего шесть лет. Она была шустрой, трудовой девчонкой. И еще очень любила охотиться. В тайгу ее всегда сопровождал Дик – первый, о нем она и рассказывала потом Костику. Замечательная была собака, с почти человеческим пониманием и абсолютной преданностью маленькой хозяйке. Дик защищал Шурку от крупного зверя, бедовых мальчишек, а в морозы, случалось, открывал свою огромную, дышащую теплом, пасть, и хозяйка засовывала туда свои окоченевшие ладошки, согревалась. Всю жизнь она помнила, как бежала за ним километра три подряд. Когда притормаживала, Дик оглядывался, и взглядом говорил: «Надо бежать». Так она, конечно, никогда и не узнала, кто шел по их следу – рысь, росомаха, словом, зверь, а, может, и ушкуйник. Они в те годы еще водились в бодайбинской тайге.

После школы, или охоты, Дик провожал Шурку до крыльца, и с достоинством возвращался в будку : миссия окончена. Однажды она попробовала завести его в дом, но отец прикрикнул : « Куда! Еще чего удумала.»

Отец был суров. Правда, Шурку в доме все любили, ей иногда прощали то, за что крупно доставалось старшим и младшим братьям и сестрам. Но бабуля этим никогда не пользовалась. Вообще, тоже была достаточно замкнутой и сдержанной. Ласки и поцелуи были для нее какими – то неведомыми делами. В тридцатые сильно заболела мать, старшие разъехались, и она, чтобы не стать обузой в семье, в шестнадцать лет поступила на курсы медсестер, а когда начались события на Халхин – Голе, каким – то, до сих пор никому не ведомым, образом, сумела оказаться в передвижном военном госпитале. И вот, начиная с 39 по 45, она из этих госпиталей не вылезала. Слала домой аттестат, посылки, по мере возможностей. Приехала в Бодайбо с мужем, тоже учителем. Но познакомились они в Сухуми, в самом конце войны, в ее последнем госпитале, где Алексей залечивал простреленную ногу. Так подошла и спросила: « Что, Алеша, поедешь со мной?» Алеша поехал.

Видимо, так оба наелись войны, что решили поменять профессии – закончили педучилище в Иркутске, и уехали в Бодайбо. Он преподавал географию, она – математику. Но если Алексей Тихонович, дед, жил обычной жизнью мирного бодайбинца: работал, иногда « за комсомолочками ухлестывал», выпивал в меру, то у бабули сохранилась эта прямо – таки животная страсть – охота. И любое свободное время Александра Кирилловна старалась проводить в тайге. В детской памяти Костика, образ бабули, в тостом свитере, в лыжных штанах, с двустволкой за спиной, пересекающей на коротких лыжах, подбитых оленьей шкурой, лед Витима, на метр запорошенный снегом, был так же привычен и обыденен, как ежедневное пробуждение по утрам. Иной он бабулю уже никогда себе представить не мог. Да, и еще короткая трубка – носогрейка, тоже непременный атрибут. Она даже в учительской умудрялась попыхивать, за что коллеги иногда ей пеняли. Потом все забывалось, и бабуля опять машинально забивала чубук, прикуривала, и пыхтела, одновременно проверяя тетради.

Костика к охоте прирастила, естественно, бабуля, но, можно сказать, не по своей воле, а по стечению обстоятельств. Вообще – то Костя мальчишкой был изрядным балбесом. Учился, правда, хорошо, тут бабуля с дедом спуска не давали, держали все под контролем, и в школе, и дома, но в остальном...Здесь они были бессильны, да нет, не бессильны, а просто не совались в его уличные дела. Костик вел какую- то необычную жизнь, не такую, как все бодайбинские мальчишки. Днем он зачитывался «Фиестой» Хэмингуэя, вечером мог в стаде пацанов поколотить пьяного мужика, возвращающегося кое – как, но домой. А спроси у кого-нибудь в этом стаде, кто такой Хэмингуэй, ответа бы, конечно, не было. И хотя ему очень нравились некоторые книжные герои, в реальной жизни Костик всю подражал уличным вожакам.

Этой жизни мешали некоторые вещи, которые, время от времени, придумывали родители. Например, отцу взбрело в голову, чтобы Костик обязательно играл на пианино. Нет, никаких особых фантазий и амбиций по этому поводу не было, но, «для общего развития», вот иди, и бренчи, будь оно не ладно, это пианино. На улице вскоре о пагубном занятии узнали, и над Костином уже впрямую стали подшучивать. Не помогали ни отлитый собственноручно из

свинца кастет, ни самый лучший по конструкции, а, значит, и самый безопасный, самопал, ни финка с наборной ручкой. Вскоре Костя занервничал, стал резко отвечать на безобидные, в общем – то, шутки, потом начались драки. Он ходил мрачный, с синяками, короче, караул, мама дорогая...

Но ни мама, ни папа, ни фигу понять так и не смогли. То есть они почувствовали, что происходит что – то неладное, но добиться от Кости правды было невозможно. Бабуля помалкивала, как всегда, но когда Костик, в отчаянии, нацарапал на нижней крышке инструмента матерное слово из трех букв, все же вступила в эту, уже не шуточную, игру.

Как раз отец уехал в командировку, и она сказала Костику: « Ладно, бросай эту музыку. Я сказала».

Это очень походило на индейское: « Я все сказал!». Когда сын вернулся из Москвы, уселась с ним на веранде, долго о чем – то толковала, потом отец зашел в дом, посмотрел на Костю своим свинцовым взглядом, но промолчал.

В музыкалку Костик больше не ходил, но бабуля как – то естественно заменила ее охотой. И Костя до такой степени втянулся, что даже уличные похождения потихоньку отошли на второй план.

Бабуля сразу отвезла его на Орон. С тех пор это огромное, километров сорок в длину, и не меньше четырех в ширину, озеро, в которое весной сбрасывают снег множество сопок, стало для Костика родной средой обитания.

Там она его и жизни учила. Замашки – то остались прежними. Взял как – то раз, вытащил чужую сеть, полную хариусов. Бабуля рыбу оставила, а сеть приказала поставить по новой. Костя, чертыхаясь, сел ночью в свою «Казанку», поплыл, поставил, послушаться бабулю он не смел. Но на этом дело не кончилось.

Бабуля старалась не обсуждать суть поступка, подводя в конце мораль. По другому поступала. Костик через день поплыл в северный скрад, стрелять уток. Как раз самый разгар перелета был, они садились огромными стаями, иногда с одного выстрела убивал двух птиц, промахнуться в таких случаях было невозможно. Плыть в этот скрад довольно долго, несколько часов. Он успел к зорьке, хотя всю ночь пришлось рукоять руля держать, выпил крепкий кофе, поменял валежник, устроился, все под рукой, удобно, даже как - то не по себе от такой комфортной обстановки. Прилетели, сели совсем недалеко, штук тридцать, не меньше, Костя прицелился в самую гущу, выстрелил два раза, дуплетом. Из стволов вылетели огонь и ошметки войлочных пыжов. Стая взлетела. Вся, до единой утки. Константин сидел в недоумении – патроны были явно холостыми. Но долго думать не пришлось, минут через десять села следующая стая. Костик, уже догадываясь, что к чему, выпалил в них уже не целясь. И опять был бесполезный фейверк, а утки испуганно поднялись. Он бросил двустволку, стащил патронташ, раскурочил еще парочку патронов – дробь не было, просто плотно запыжеваны.

- Чертовка старая, - с восхищением прошептал Костя.

Сегодня их никого на свете нет. Первым умер от инфаркта отец, за ним, через полгода, тоже от сердечной недостаточности, а, скорее, от тоски, мать, потом нашли рак пищевода у деда Алексея... Выкосило семью.

Бабули тоже нет. Но с ней сложная история, непонятная. Года три назад, сразу после деда, она, как всегда, собралась в тайгу. Села в ту самую старую «Казанку» и сгинула. Больше ее никто не видел.

Х

Х

Х

Х

Костя открыл глаза, сразу все поплыло, голова, как говорят, пошла кругом. Дик, по детски склонив свою огромную кудлатую башку набок, смотрел на него.

- Вот, брат, дождались солнышка. А оно, видишь, сразу и по голове.
- С кем это ты ? – Вышла на крыльцо Ольга, и тоже ахнула. – Чудеса, да и только. Может, ура заорать?

- Ты осторожней. После вчерашней дозы тебе надо потише себя вести.
- Ох, - вспомнила Оля и схватилась за голову, - ох, не дай Бог. Что же делать – то?
- Что делать!? Похмеляться надо, мать. Другого способа человечество еще не придумало. Сейчас по кружечке пива и сразу париться.
- А сердце? – Боязливо спросила жена. – Ничего, что в парную?
- Ничего, ничего. Делай все, как я, и через два часа новенькой станешь. Да ты садись, пока, грейся. Видишь, весна, кажется...

Оля села рядом, он обнял ее за плечи. Она, как и Костя только что, зажмурила глаза и подставила лицо солнцу. Дик улегся у них в ногах. Вот такую пастораль и увидел Иван, выбредший откуда – то сверху. Зевая, он уставился на них, так же, как и Дик, склонив голову набок. Костя засмеялся.

- Так, Ванька, ты завтракать, или со мной, в сауну
- А есть третий вариант? - Спросил сын, не любивший ни того, ни другого.
- Нет, третьего не дано. Как я сегодня, Олька, а? Мудрость просто косяком идет.
- Ладно, умники, - поднялась Ольга, - вы как хотите, а мне пора реанимироваться. Так что я ныряю в холодильник, а потом сходу в сауну.

И минут через пять до них донесся вопль: « Блин, ты что натворил, тунгус несчастный! Здесь же за сто десять зашкаливает...»

- В самый раз из себя черта выгонять, - подмигнул сыну Костя. Но тот поднялся, пошел к терморегулятору, снизил температуру в парилке. К родителям Иван относился серьезно. Чуть позже он об этом напрямую скажет, без всяких оговорок и реверансов.

Вечером, когда за Олей и Иваном приехал их «Мерседес», супруги пришли в себя. Иван опять торчал у монитора, а Костик с женой играли в бильярд и тихо рассуждали. Костик, который умудрился после сауны хлопнуть пару рюмок коньяка, неожиданно разоткровенничался.

- Что-то Олька, уходит из нашей жизни. Причем, самое главное уходит. Знаешь, когда я об этом впервые подумал?
- Когда?
- Ну, ты не вспомнишь. Сидели мы как-то с тобой, сто лет назад, еще только-только в Москву переехали, в шашлычной, на Богдана Хмельницкого, сейчас она Маросейкой называется.
- Фигушки с мигушками не вспомню! Помню я тот вечер.
- Дело не в этом. Сидим мы значит, с тобой, вино выпиваем, шашлычок трескаем, и все как-то, в общем, нормально, да хорошо даже. И вдруг я увидел за соседним столиком парочку, ну, чуть помоложе нас. Тоже вино, тоже шашлык. И разговор. Но сидят они как-то по другому. Он ее за плечи, она его за талию... Как ни странно, пошлыми они мне не показались. Наоборот, понравились. И я подумал: а у нас-то с Олькой это уже позади. И грустно стало, грустно... Эй, ты куда, я же закатил, моя очередь...
- Да твоя, твоя, успокойся. Так что, жизнь, по твоему, не удалась?
- Ну, не во всём.
- И кто виноват?
- Да сами, конечно. Хотя, были известные обстоятельства, сама знаешь, от которых не избавиться... Эти обстоятельства и сегодня никуда не делись, даже новые возникают.
- Например?
- Ну, вот такая картинка. Построим мы с тобой дом, деньги есть, мы ведь, если с твоими, швейцарскими вкладами, лимонов на пятьдесят потянем, так?
- Может, больше. Надо кстати, все проинкассировать, подбить бабки. Пора.
- Так вот построим...
- Скажем, в пригороде Лондона...
- Вот, вот. Ведь, по твоему, нам от этого никуда не деться, да?
- Скорей всего.
- И ближайшим нашим соседом окажется вечная шестерка, Вадим Иванцов. Я не прав?

Ольга прицелилась, ударила. Шар мягко ушел в лузу. Она оперлась на кий, посмотрела на Костика. Выглядело это несколько картинно.

- Ты не прав...
- Да оба вы не правы, - Иван, оказывается, сидел у входа, от стола его не видно, - вот что я вам скажу. Я этого Иванцова, если еще раз увижу у нас, пристрелю. Из твоего, пап, «Зауэра». И ничего особенного мне за это не будет. Малолетка, да и дед в обиду не даст.

Костик глядел на Ваньку, и видел его глаза. Что-то в них, голубых, вылитых его глазах, такое мелькнуло, что стало Костику не по себе.

- Чертово семя, - подумал он и сам испугался всего: этого странного взгляда, своих мыслей, всего, всей ситуации. Но виду, конечно, не подал. Наоборот, начал выбирать позицию, выцеливая шары, и сказал: «Ну вот, хоть одну проблему решим.»
- Да вы что, сдурели оба?! При чем здесь вообще этот Иванцов?
- Ну, если не причем, так ему же хуже. Умрет ни за что.
- Тунгусы проклятые... Чалдоны... - и тут Оля присела в плетеное кресло и заплакала. Сработало моментально.
- Ты че, мам, - первый подскочил к ней Иван. Костик тоже бросил кий, и повторил, почти синхронно, как эхо: «Ты че, мать...»

Когда уезжали, уже совсем спокойная Ольга сказала мужу: «Знаешь что... Самое интересное, что тогда, в той шашлычной, я подумала глядя на них, ну, на ту парочку, почти тоже самое. И так захотелось тебя обнять. Не обняла. Дура.»

Х

Х

Х

Но не успела машина скрыться из виду, как Костик почувствовал, насколько ему хреново. Все, что предлагала Ольга, не лезло ни в какие ворота. Какой там пригород Лондона...

Он пошел в парную, еще раз попарился. Ухнул в ледяной бассейн, растерся так, что аж загудела кожа, выпил стакан водки, полный, до краев, тонкостенный, закусил малосольным огурцом, сел в кресло, закурил.

- Пора ставить блок, - подумал Костик. Но что-то ничего не ставилось, ничего не получалось, может быть, впервые в жизни. Мысли, будоражащие, игольчатые, лезли со всех сторон, это была настоящая мозговая атака. Никогда он никуда не уедет, никогда он не сможет бросить Ольгу с Ванькой, осточертело все, последний предел...

Он подошел к огромному, широкому, в полстены, окну. Наверху висел неправдоподобно яркий диск луны.

- Космос... На хрен я вообще родился, непонятно. Повыть на нее, что ли... И тут уж что-то такое на него навалилось, что тепловому и разумному перенести почти невозможно.
- Ну, хорошо, а на кого я их оставляю? На эти вшивые миллионы?! Так не пойдет. Он посмотрел на водку, встал, подошел к столу. Зазвонил мобильный, который как раз и лежал рядом с бутылкой.
- Ты где, Костик?
- Кто это?
- Ну, вот тебе раз. Шеф и друг твой, Анатолий, раб божий ...
- Не узнал. Богатым станешь.
- Все шутки шутим. А немца кто воевать будет?
- Так ты же на посту. Ладно, Толь, не то настроение, чтобы ляссы точить. Чего звонишь – то?
- Я вопрос задал : ты где?
- На даче.

- Тогда так. Подъезжай сейчас в кабак, на Рублевке, ты знаешь, «Задоры». Я через полчаса буду там. Конечно, дело есть, стал бы я тебя просто так выдергивать.
 - Слушай, я без машины. Шофера отпустил до завтра.
 - Ладно, выходи через полчаса к КПП, я тебя подберу.
 - Че за спешка – то такая?
 - Костик, я же все тебе объяснил.
 - Это называется объяснил, - проворчал Костя, - ладно, одеваюсь. Через полчаса...
- До ресторана доехали молча. Сидели на заднем сиденье и молчали. Потом Толя долго и нудно заказывал, и, чтобы не дошло до обсуждения, в каком шампанском «подавать ананасы», Костя прервал это священодействие.
- Завязывай, Толя. Ночь на дворе, ты что, до утра сидеть собрался?
 - Черт, и правда. Ладно, тогда все. Несите аперетивы.
 - Ну, что за пожар?
 - Понимаешь, полная ясность в этом деле появилась только в пятницу вечером. Я тебя, кстати, с того времени вызванивал, а ты мобильник отключил...
 - Было дело. Ну, слушаю тебя.
 - Короче, речь о том, что мы вступаем в долю с «Северной нефтью» сейчас по аренде, а после лицензии, и по разработке Кутыктинского месторождения. Ну, я думаю, не тебе объяснять, что это для нас значит.
 - Это понятно. Возникли проблемы на местах?
 - Точно. Информацию с губ считываешь...
 - Не с губ. Толя, ты вола – то за хвост не тяни, по существу что?
 - Не, ну давай хоть аперетивчики сначала тяпнем, что ли. Что ты меня за горло берешь!
 - Прости. Давай, тяпнем.
 - Собственно, они еще не возникли, - вытерся салфеткой Толя, - но возникнут обязательно, если меры не примем. А поскольку речь идет о почти что твоих местах, я и подумал: Костику и карты в руки. Снимешь проблемы с местной администрацией, с туземцами, получишь дополнительный бонус к своим акциям, долю в будущей разработке Кутыкты. А это, сам понимаешь, дело такое, что не внукам – правнукам хватит...
 - С какими туземцами?
 - Да местное население, эвенки. Надо с ними договориться заранее, с этим Комитетом Севера, долбаным. Иначе потом хлопот не оберешься. По судам затаскают, грамотные ведь все стали, у всех на службе адвокаты. Да и потом, ты же сам хотел куда-нибудь оторваться, типа Чукотки, помнишь, брательник, Саня, предлагал? Вот и совмести приятное с полезным.
 - Дело, конечно, хорошее, приятное с полезным. Нет, ну слетать – то слетаю, я сейчас не о том. Вот смотрю на тебя и диву даюсь: пяти лет не прошло, как мы с тобой в Омске познакомились... Ты меня прости, но ведь обыкновенным провинциальным охламоном был, сибирским валенком, если точнее... А сегодня: туземцы, грамотные все, шляпы, дескать, скоро носить начнут. Ты на себя – то оборотись, сынку.
 - Так и знал, что какой –нибудь наезд будет. Сердце чуяло, не очень – то хотелось встречаться.
 - Ты это брось. Как тебе со мной не встречаться!? Вообще, что бы это за «Горностай» был, если бы не я?
 - Костик, давай замнем. А то ведь мы с тобой так далеко зайдем, если начнем в чащу углубляться.
 - Ладно, наливай тогда. Когда лететь?
 - А чем скорей, тем лучше. Надеюсь, прилетишь в другом настроении, да?
 - Да сдалось тебе мое настроение! Я что, дело не делаю?
 - Дурак. О тебе же в первую очередь думаю. Самолет наш можешь взять...

- Знаю я, о ком ты и о чем, в первую очередь, думаешь. За самолет спасибо, но не нужно. Привязывать будет к месту. А я попутешествую, так что неизвестно, какие летные площадки понадобятся.
- Ты только сначала проблемы уладь.
- Не бойсь. Улажу, не впервой. Давай, свисток – вбрасывание...
- Да, а начни как раз с Омска. С Завода. Что за дела, облом за обломом, второй месяц портачат, весь наш перегон под угрозу ставят, партнеры пока не расчихали, но ведь вечно так продолжаться не может, скоро почувят все...
- Ну, вот до Омска, я, пожалуй, на нашем долечу. А потом он может возвращаться, дальше сам.
- Договорились. На – ли – вай!

X

X

X

X

X

- Так, мужики, у всех нолито? – Костик уже перестал обращать внимание на местные лингвистические обороты. Директор Завода, технарь от Бога, Иван Григорьевич, судя по всему, не прочел ни одной художественной книжки. Однако в жизни, особенно в нынешней, это ему не только не мешало, а, скорее, помогало. Компания, собравшаяся сегодня в модной, на американский манер сделанной, омской пиццерии, отмечала урегулирование конфликта, который Костик по деталям разбирал уже десятый день. И разобрал. Вот сегодня можно и расслабиться. До этого, как к нему не подъезжали здешние менеджеры, стопки не выпил. Чему сейчас был очень рад.

Да и автор, честно сказать, вздохнул было с облегчением – сколько можно пить!

Рановато обрадовался.

- Ты, Константин, ты меня слушай, - Иван Григорьевич, человек уже пожилой, хмелеет моментально, - я жизнь прожил. Ты же знаешь, я ведь из этих, из красных директоров. Мы же не первый день знакомы, точно?
- Точно, Иван Григорьевич. Даже не первый год.
- Вот. И вот, что я тебе скажу: из тебя постепенно выйдет идеальный кризисный управляющий. Не думай, что я тебе шестерки из-за тестя бросаю. Не та закладка...
- Да я знаю, Иван Григорьевич...
- И я тоже знаю. Ты ведь мне тогда этого Тольку привел. Шустрый малый. Сейчас, поди, лимонов пятьдесят собственного капитала. Ну, да дело не в этом. Не в деньгах счастье, как говорят. Давайте – ка еще по одной.
- А не много будет, Григорьич?
- Это что? Это ты мне? Григорьич свою меру знает...
- Ну, коли так... За успех нашего предприятия.
- Вот, вот. Безнадежного. Дай-ка, Костик, лимончику. Ты, брат, вот что скажи. По старой дружбе. Мы тут люди простые, дружбу еще пока ценим. Ты скажи: много ему еще осталось?
- Думаю, нет.
- Ага. А потом что?

Костик пожимает плечами. Он и в самом деле не знает, что будет потом. Не вдается в подробности: принципиально. Фаталист. Даже думать об этом не хочет.

- А, ниче, Костик. Это я уже и без твоей информации просчитал. Что будет, кто будет... По другому спрошу: сам-то что будешь делать? Ведь заклевать могут.
- Ну, это вопрос такой... Не так-то это просто будет сделать...
- Верю. Верю Костик, потому что знаю твой характер. Поэтому заранее говорю - если что, буду рад тебя видеть в своей команде.

Костя опять пожимает плечами.

- Понятно, понятно. Ну, поживем, увидим. Ты, главное, не тушуйся. А то приехал как будто мешком пыльным кто-то тебя прихлопнул. Сейчас вот, вроде, ожил хлопец...
- Работа оживила.
- Ну, и слава Богу. А дальше, действительно, что загадывать. Как он, Бог то есть, даст, так и будет. Давай, ребятки, коньячок – то стынет, не хорошо...

Костик пьет, слушает Иван Григорьевича, и чувствует, как вместе с коньяком растекается в нем тепло от слов старика. Давненько он ничего подобного не слышал. И хмель дает временное прозрение, вспышку: а ведь именно это самое главное. Ты сделал дело и тебя оценили. И не только деньгами.

- Так, а че это мы не закусываем? Че это за трава, салаты? Эй ты, Яшка – красная рубашка, где наша закусь, а? Ну-ка, подь сюды...

Иван Григорьевич, сам красный, с узлом галстука где-то уже на середине груди, подозвал официанта, одетого в яркую униформу – черные штаны с блестящими лампасами и красную рубаху.

- Сейчас, сейчас Иван Григорьевич, несем уже...
- Два официанта буквально завалили стол разнообразной пищей: с грибами, с колбасой, еще Бог знает с чем. Никто так и не узнал – с чем.
- Да вы че, халдеи, с ума стронулись? Вы че за отраву принесли? Чтоб мы эту гадость жрали, а? Тащи кулебяку с мясом, пельмени наши, фирменные. Икру, мудозвоны, не забудьте посолонить... Да живо, живо у меня.
- Иван Григорьевич, дорогой, ты уж прости. Дело у меня еще сегодня есть, пойду я.
- Костик, только сидеть начали, ты что? Пошто старика обижаешь?
- Да обещал я. Не могу, прости.
- Ну, если обещал. Завтра позвони, что -нибудь еще организуем.
- Конечно.

Дела у Костика сегодня не было, соврал он. Просто знал все, что произойдет в ближайшие часы, наперед. Иван Григорьевич пропустит еще несколько рюмочек коньяка, загоняет сначала официантов, а потом и подчиненных. «И здраву моему не перечь...» В конце концов его угомонят полстаканом, отвезут домой. Словом, недаром все топменеджеры провожали Костику завистливыми взглядами – им еще предстояло провести со своим красным директором непростой вечерок.

Костя бездумно шел по главной улице Омска, пригретый весенним вечерним солнышком. Дошел до Степаныча, наполовину высунувшейся из канализационного люка, чугунной фигуры сантехника. Поздоровался с ним, повернул обратно было в гостиницу, но потом остановился, достал мобильник.

- Здравствуйте. Антонина Васильевна?
- Привет, привет, Костик. Она самая.
- Ишь ты, узнала. Сколько не виделись – то?
- Не считала, но давно. Ты скажи, почему только сегодня звонишь? Уж скоро две недели, как приехал.
- А я, может, вообще тебе звонить не хотел.
- Но ведь позвонил! Ладно, разговор дурацкий получается, да еще по мобильному. Не перевариваю эту связь. Давай приезжай, адрес прежний. Разберемся, кто на кого обижаться должен. Это же моя стихия – разборки. Старший помощник прокурора области, все таки.
- Еду, еду. Подожди, Тонь, а твой?
- А мой уже целый год как не мой.
- Елки зеленые, он же у тебя пятый был...
- Был да сплыл. Слушай, мы так долго болтать будем?
- Конец связи. Через десять минут буду.

Квартиру Антонины Васильевны по местным меркам имела шикарную: длинные коридоры старой еще архитектуры, потолки 3-х метровые с лепниной, комнаты необычной формы, камин дореволюционный, тыщу раз, конечно, реставрированный, альков в стене просторной спальни, переоборудованная по моде кухня, отгороженная от гостиной деревянной стильной стойкой. Предмет прокурорской гордости – все же Тоня женщина, хоть и не простая. Кухню ценит в доме более всего. Они обнялись прямо на пороге, и Костик машинально отметил – грудь за эти годы ничуть не изменилась, все та же упругость. Чудеса.

Костя прошелся по квартире, вслух перечислил все перемены, к большому удовольствию хозяйки, а потом, одним шаром, добил все оставшиеся в лузы: «Тонь, у меня такое чувство, что именно в этой квартире когда-то Верховный правитель Колчак со своей Анной жил и любил...»

Антонина Васильевна фыркнула и убежала на кухню.

- Ну вот и все, - цинично подумал Костик, - девушка опять твоя на веки. Только на хрен тебе все это нужно...
- Кость, ну где ты? Давай, садись, наливай. Кстати, что пить-то будем?
- А сама что хочешь?
- Давай виски, Костик.
- Давай.

Они выпили, Костик налег на любимое «Оливье», Тоня сидела, смотрела, катала маленький хлебный шарик, потом, вроде нечаянно, повела плечом, сбросила бретельку сарафана. Костик, не поднимая глаз, хмыкнул про себя.

- Рассказал бы, как живешь.
- А, - махнул Костик, - не говори, кума, у самой муж пьет.
- Что, с Ольгой что-то не так?
- Я бы так сказал: в целом ситуация не устраивает.
- Тебя?!
- Меня, меня. И не без твоей, кстати, помощи.
- Твою мать, Костя. Вместо того, чтобы поблагодарить, что свела с нужными людьми...
- Это Толик-то нужный человек был?
- Ну не так выразилась. Нужный человек, конечно, был ты. А он, так сказать, приводной ремень в моторе.
- Приводной ремень, - пробурчал Костик, - да Тонь, я на тебя-то не обижаюсь. Ну познакомила, ну подтолкнула к ситуации, а дальше я ведь сам все делал. Думать надо было, думать, и послать Толика вместе с его проектом «Горностая» куданибудь подальше
- Ха, ха. Будто бы это что-то изменило. Не «Горностай», так еще бы какой зверь на тебя с верхней, заснеженной ветки, прыгнул. Больно лакомый кусочек...
- Слушай, Тонь я ведь еду, еду не свищу...
- Все, все, поняла. Не извольте гневаться, лучше налейте даме.
- Даме, - опять пробурчал Костик.
- А что, разонравилась за эти годы? - И Тоня, уже в открытую, сбрасывает вторую бретельку.
- Да ты уж вообще тогда его сними.
- Всему свое время, - Тоня встала, поправила эти чертовы лямки. – Хорошо, отложим это на потом. Дело есть Константин.
- Будто я в этом сомневался.
- Да, сильно ты изменился за эти пять лет.
- Что я! Все вокруг переменялось к чертовой матери.
- Но ведь в лучшую сторону, а?
- Спорный вопрос. И с тобой я его обсуждать, прокурор, не буду.

- А зря, между прочим. Именно со мной...
- Э, нет, мать. Мы теперь вами сильно научены, так что и не заикайся.
- Да больно нужно. Не хочешь, не надо. А дело, вообще говоря, формально не к тебе, а к Ивану Григорьевичу.
- И что тебе из под него надо?
- Ну, ты если помнишь, я в самом начале этих дел сумела выкупить 2 процента акций Завода...
- А потом все застопорилось, да? Все всё поняли, раскусили, и теперь тебе хрен кто ещё хоть одну акцию продаст...
- В целом так.
- Очень хочется продолжить увлекательный процесс?
- Да, хочется. И если бы этот старый хрыч посодействовал мне в покупке еще хотя бы процента...
- Ишь куда замахнулась. А что он тебе отвечает?
- Обещает. Но ясно, не продадут. Я уже и так, и эдак...
- Интересно. Поподробнее можно?
- Ну как... Сначала, когда полная неразбериха была, попыталась, ну, с моим шефом, через силовые методы заставить их. Там тогда накладка произошла, чисто техническая, и время упустили. Они набрали вес, сейчас сами кого хочешь нагнуть могут. Всю область, да что область, в центре многих перекупили, не подъедешь.
- Не верю, чтобы ты руки опустила...
- Правильно не веришь. Посидели пару раз после мероприятий, переспали, тьфу ты, Господи, как вспомню, так вздрогну...
- Ну и?
- Дак вот с тех пор и обещает. Что Костик, что ты рожу – то перевернутую делаешь, что я тебе такого особенно нового и неожиданного сейчас открыла?
- Я разве что – то сказал?
- А ты забыл, кто я? С прокурором ведь сидишь, не у Пронькиных...
- Вот именно. С прокурором. Дальше, ребята, ехать некуда.
- Ошибаешься, ехать всегда есть куда. Было бы зачем.
- А ты думала, зачем? Ты, блядь, хоть раз об этом задумалась?
- Ну, чего развоевался, - Тоня налила виски в стаканы, бросила лед, - давай, вздрогнем.
- Давай.

Они выпили, и Тоня вдруг говорит: « Да я не то имела в виду. Вздрогнем – в смысле трахнемся.»

- Эх, ничего ты, Тонька, не боишься. А ведь надо, прокурор, Бога бояться, надо.
- Интересно девки пляшут по четыре штуки в ряд... Я к тому, что интересный поворот мысли...
- А, - махнул рукой Костя.
- Да уж, чего – чего , а моральные императивы... От тебя, Костик...
- Ладно. Пойду я, Тонь. Посидели, поговорили...
- Куда!? – Она встает вслед за Костиком, высокая, плотная, с широкими бедрами, подходит к нему, и просто крепко прижимается – во весь рост. Костик ошеломленно замер. Через полминуты она удовлетворенно говорит: « Видишь, все в порядке. Сейчас мы с ним поговорим...»

Тоня встает на колени, берет за молнию на ширинке Константина.

- Тонька, ты сдурела!? Тонька, брось...
- Но поздно – разговор уже идет. Вспомнили ребята молодость. После Тоня спрашивает: « Ты в душ первый?»
- Не, Тонь. Я уж в гостинице. Пошел. До отъезда еще встретимся.
- Не забудешь?

- Не смеши. Как будто ты дашь забыть.
- Дам все, что угодно, только не это. Костик, давай такси вызовем...
- Не надо. Кто меня здесь знает. Доберусь пешком, пять минут ходу ведь...
- Ну смотри. Как придешь, позвони, ладно?
- Хорошо.

Костя вышел на ярко освещенный проспект. Было уже совсем прохладно, даже морозно, он поднял воротник куртки, быстро зашагал.

- Чего это я насчет Бога, - удивлялся, - откуда эта фраза?
Потом вспомнил. Это была одна из постоянных присказок бабули. Верила она, или нет, он не знал. Но, когда сердилась, приговаривала. Сколько лет прошло, и вот, всплыло...
- А и правда, если он есть, то что ж тогда со мной за ерунда творится?
И тут он услышал, как за спиной молодой веселый голос отчетливо произнес: «Сейчас, корешок, мы этого фраера обуем.»

Костя будто споткнулся. Он понял, что говорят о нем. Ток крови замедлил, тело насторожилось. Он обернулся, на ходу. Два парня, пониже Костика, но довольно плотные, тяжеленькие битки, уже почти догоняли его. И забыл Костик про Бога. Шел, уже не торопясь, и думал: «Ах, вы мои милые. Как же мне вас не хватало. Ну, идите, родные, обувайте меня поскорее...»

- Эй, фраерок! – Голос прозвучал уже совсем рядом. Костя еще чуть помедлил, потом резко повернулся и сразу пнул первого парня в пах. Тот согнулся от боли, и Костя сцепленными кулаками ударил его в затылок. А в голове, помимо воли, само собой, мелькало: «Классика! Так налетает бык на зазевавшегося матадора.»

Вобщем, всякая чушь. Парень завалился набок. Второй оцепенело стоял, смотрел. Все произошло мгновенно. Потом он повернулся и побежал. Костик догнал бедолагу, толкнул кулаком в спину. Тот упал, и Костя начал остервенело пинать его.

- Вот тебе, блядь, «Горностай»... Вот тебе Брайтон, вот тебе самовар у Романа... Вот тебе, ебена мать, домик в пригороде Лондона...
- Мужик, - хрипел парень, - ты, че, мужик?! Не брал я никакого горноста, спутал ты нас. Не убивай, мужик...

Но Костик не слышал его. И не останавливался.

Х

Х

Х

Один раз такое уже было в его жизни. Когда умер отец, он прилетел в Бодайбо, никто его не встречал, просто не знали, каким бортом летит. И Костик пошел домой из аэропорта пешком. По дороге его обогнала «санитарка», притормозила, выскочил Васек, одноклассник, работавший санитаром в городской больнице. Костик испытывал какое – то странное чувство – будто он сидит в машине, слушает Ваську, который болтает разную чепуху, а вроде это и не он. Видел все как бы со стороны.

- Отец где? – Неожиданно сорванным голосом спросил наконец.
- Да в подвале он еще. Я его вчера туда сам из палаты оттартал...

Подвалом называли в городской больнице морг. И это была обычная Васькина работа...

Тяжелая, вязкая, багровая пелена обволокла мозги Костика, впитала их в себя, нейтрализовала полностью. Он взял голову Васька в свои руки и начал колотить ею об стенку. Тот от неожиданности даже не пикнул сначала, потом заорал так, что шофер, не оборачиваясь, дал по тормозам. Васька вырвался, выскочил из машины, Костик за ним, догнал, сбил с ног, начал пинать... Кое – как шофер оттащил его от санитара.

Х**Х****Х**

Он действительно перестал думать, и никакой чуши уже не мелькало в голове... Наверное, кончилось бы все плохо, но пришел в себя тот, первый, сел, заорал что – то непонятное. И Костик очнулся. Он стоял, с ужасом глядел на лежащее перед ним тело, слушал бредовый крик... Потом наклонился, потрогал шейную артерию. Парень зашевелился. Костя обрадовался : «Жив!?»

- Сам не пойму. Не топчи меня больше...- хрипел бандит.
- Да что ты. Какой топчи. Давай вставай, опирайся на меня.
- Они в обнимку подошли к сидящему и продолжающему орать парню.
- Ну, глосни. Криком тут не поможешь,- приказал ему тот, которого поддерживал Костик.
- Ребят, где у вас травмпункт тут?
- Ладно. Мы сами разберемся. Ты кто?
- Я?
- Ну. Погоняло есть?
- Чалдон.
- Ладно, Чалдон. Запомню. Не поняли мы. Да и как разберешь со спины – то?
- А сейчас?
- Да вроде теперь ясно все.
- Чё, мужики, в больницу не пойдете?
- Не, в больницу не пойдём. Дома лечиться будем.
- Ну, тогда, пошел я. – Облегченно вздохнул Костя.

В номере Костик первым делом достал из сумки нераспечатанную, из Москвы еще, бутылку «Баллонтайн», выпил полстакана. Сел, и долго, потрясенный случившимся, смотрел в пол, в одну точку. Наконец, отпустило. Костик зашел в ванную, пустил горячую воду, сходил за виски, покопался еще в сумке, нашел сигару, настоящую, гаванскую, откусил кончик, залез в воду, блаженно растянулся. Он налил на два пальца, закурил. Воспоминания не отступали.

Х**Х****Х**

К Роману, в «Самовар», он попал буквально через две недели после знакомства с Толиком. На самом деле никаким сибирским валенком тот, конечно, не был, но, поперву, притворялся очень искусно. Сам был из Тюмени, окончил в Москве институт Губкина, поработал несколько лет в Ноябрьске, и родители его всю жизнь горбатились инженерами на месторождениях. Так что Толик одним из первых сообразил, что такое «припасть к трубе».

Тонька, еще иркутская подружка Костика, познакомила их в самой что ни на есть обыкновенной компании: районные судейские, пара журналистов, да вот, нефтяник. Теперь – то Костик понимает, что его банальнейшим образом просто подвели к этому нефтянику. Тогда было невдомек. Хотя уже и начал потихоньку догадываться, кто и зачем жаждет с ним познакомиться. Но больно все просто и естественно обставила прокурорша...

Толик, который к тому времени уже создал «Горностаи», денежки имел. Но это были не те деньги, и не тот «Горностаи», ради которых стоило затевать подобные спектакли. А столкнулись они, вот как раз через две недели после знакомства в Омске, в «Самоваре» на Брайтон – Бич, у Романа. Оказывается, тот знал и Толика тоже. Костик, который всегда радовался встречам, особенно после двухсотпятидесяти, даже обнялся с Толиком. И они загудели на полную катушку, с полетом на Майями, с поездкой на автомобиле по Калифорнии. Ни тот, ни другой, денег не жалели. И Толик сумел тогда убедить Костика пойти в его фирму.

- Чего теряю? – Думал он. – Только приобретаю. Независимость, пусть и относительная, но независимость...

Х

Х

Х

Костя раздраженно, и уже с трудом удерживая мозги, подумал: «Что, больше вспомнить нечего? Как будто от этих воспоминаний что – то может измениться. Да и не виноват никто, кроме тебя самого. В любой момент мог оторваться... Не оторвался. До сих пор не оторвался. А думаешь об этом каждый день. Эх...»

Он перегнулся через край ванны, налил почти полный стакан, и, с досады, выпил его залпом. Минут через пять Костик был совсем готов. Он даже немного задремал с потухшей сигарой. И, сквозь дремоту, почудился осторожный стук. Костя моментально проснулся, как током дернуло. Нервы после гоп-стопников не успокаивали даже виски. Он лежал, прислушивался. Стук повторился. И Костик, совершенно окосевший, одуревший, на минуту забывший, кто он, где он, что с ним, вылез из ванны, и, как был, мокрый, голый, с прилипшим к нижней губе окурком сигары, пошел к двери.

Дежурная по этажу, молодая женщина лет под тридцать, вся в кокетливых бантиках, смотрела на него с восторгом.

- Вот, Константин Алексеич, увидела, что вы немножко не в себе, чаю крепенького, зеленый пополам с черным, заварной, в кружке прямо...

Он молча глядел на нее белыми глазами.

- Вот, - она кивнула на поднос, - принесла...

До Костика, наконец, дошло. Он посторонился и мотнул головой: «Заноси...»

Дежурная шмыгнула мимо него в комнату. Костя постоял еще мгновение, приходя помаленьку в себя, потом сказал: «Совсем озверели бабы в этом городе.»

Пока говорил, окурочек выпал, Костик нагнулся за ним, отпустил ручку, и дверь сама тихо и мягко закрылась.

Х

Х

Х

Мрачный Костик завтракал на первом этаже гостиницы, в ресторане, ел яшницу с ранними помидорами, и все пытался воспроизвести в деталях знаменитый текст – похмелье Степы Лиходеева из «Мастера и Маргариты» - чтобы хоть как – то поднять настроение. Он уже чувствовал, вернее сказать, предчувствовал, возвращение дурной волны, на гребне которой попал в Омск.

- Скорей бы все это чем - нибудь кончилось, - думал он, хотя никакой конкретики в мысли не было. И эта размытость раздражала почти физически. Что «это?» Что, собственно говоря, для него, лично, должно кончиться? И что начаться? Ведь не убил же он никого, и не украл ничего. Тогда что это за чертовы мысли?
- Не убил, - вдруг вспомнил Костик, - ты, гад, должен в церковь сходить, да свечку поставить. За то, что не убил...

И в продолжение этой тяжелой мысли появился в зале ближайший сподвижник Ивана Григорьевича, его заместитель, «из молодых, да ранний», любил приговаривать шеф. Костик с ним хорошо поработал, полный был контакт и взаимопонимание. Парень оглядел зал, увидел Костю, подошел как-то настороженно.

- Можно, Константин Алексеевич?
- Привет, Евгений. А чего спрашиваешь, садись, заказывай.
- Да нет, не получится. Я ведь за вами. Шеф сказал, чтобы вы вещи собирали и немедленно к нам в офис ехали.
- Что такое? Случилось что? В Москве или здесь?
- Так это вам виднее, Константин Алексеевич. Что-то вы вчера после пиццерии такое сделали, что Иван Григорьевич с утра злой, как собака.
- Хм, - пробурчал Костик, - да нет, вроде все обошлось...

- Что обошлось – то?
 - Ладно, много будешь знать, скорее состаришься. Так, говоришь, с вещами на выход?
 - Выходит, так.
 - Ну, сиди. Да поешь в самом деле, чтонибудь. А я пойду соберусь, потом зайду за тобой.
 - Конечно, Константин Алексеевич.
- В кабинет директора Костик вошел с замиранием сердца – неужели все же отдал концы тот парень? Иван Григорьевич был уже не красный – серобурмалиновый. Отхлебывая чай, произнес: «Ты че, Костик, ненормальный у нас, что ли? Ведь десять дней все было чинно и благородно, работал мужик, любо – дорого поглядеть. И с нами вчера пить не стал. А потом вышел в ночь и человека угробил. Так я и спрашиваю: может ты больной? Может, полечиться нужно? Садись, че стоишь – то...»
- Ну, я ведь не ни с того, ни с сего... Причина, сами понимаете, была. А че, помер он, что ли?
 - Да чуть было до этого не дошло. Потому и шум такой. Они ведь пока до своего – то, до надежного доктора, добрались, часа два прошло... Ладно, обошлось все. Но ты тоже орел – ходишь, бандитов по ночам мочишь.
 - Лучше было б, если бы они меня, что ли?
 - Нет, конечно. Да и если бы ты этого стервеца совсем прибил, тоже, надо сказать, беда небольшая. Мороки да, мороки было бы много. Но я как представляю, как все могло обернуться – сердце останавливается. А на хрена мне все это на старости лет нужно, скажи пожалуйста?! Тут вот сидишь с похмелья, проблемы валом валят, и еще ты чудишь... Че, смерти моей хочешь?!
 - Да ничьей я смерти не хочу.
 - Знаю, сынок, знаю. Просто испугался, если по честному, вот и накатил на тебя. Но все же, Костя: они вычислили тебя, хотя до конца и не знают, кто ты. Я смотрящему, он сам звонил с утра, популярно объяснил, что было бы с их кодлой, да и не только с их, если бы не ты их, а они тебя... Вроде, понял. Но блатнякам я никогда не доверял. Так что сейчас Женя с охранниками отвезет тебя в аэропорт, там мой самолет ждет уже. Неказистый, конечно, ЯК-40, салон еще до конца не переделали, но ничего, потерпишь...
 - Да уж какнибудь, - засмеялся Костя, - а что про маршрут –то не спрашиваете?
 - А че спрашивать? Ты же должен уладить все по Кутыкте, правильно? Значит, в Иркутск.
 - Все-то вы знаете, даже не интересно так...
 - А поживи с мое... - довольно засмеялся Иван Григорьевич.
 - Да постараюсь. Вы вот мне скажите, Иван Григорьевич, а чего это вам, крупному промышленнику и бизнесмену, воровской авторитет позвонил?
 - Ха, - опять улыбнулся польщенный Иван Григорьевич, - а как же без меня? Они ведь выяснили, что ты ко мне приехал. Вот и позвонили, дескать, что будем дальше делать...
 - Уважают, значит?
 - Меня, Костик, в этом городе все и уважают, и боятся. Есть и такие, кто любит. Правда, их гораздо меньше.
 - Иван Григорьевич, тут такое дело...
 - Вот что, Константин. Ты сейчас за Тоню просить будешь. Не надо. Не надо тебе просить, а мне не надо будет отказывать. И все это, как нынче любит выражаться моя молодежь, без комментариев. И делай, Костя, выводы, делай. Я ведь предложил тебе вчера место в команде, а что будет завтра... не знаю. Может и не быть уже такого предложения.
 - Понял вас.

- И что скажешь?
- А я сегодня тоже – без комментариев.
- Ну, гляди. Парень ты, конечно, талантливый, но какой-то не такой. Не как мои хлопцы...
- Поехал я, Иван Григорьевич. Спасибо за все. И о предложении вашем крепко подумаю.
- Да. Только не затягивай. Ну, с Богом.
- Конец Хоттабычу, - вдруг отчетливо прорезалось у Костика, когда он садился в машину, - кажется, уже дело дней. Этот старичок так еще никогда со мной не разговаривал: ни по трезвому, ни по пьяному... Может, повернуть его ЯК-40 в Москву? А дай-ка я Ольге позвоню...

Ольга опасений не разделила.

- Что, что ты вдруг разволновался?
- А то ты не понимаешь. Как ты там будешь, как Ванька...
- Костик, да я так давно к этому готова, что уж скорей бы... И никакой помощи тут не потребуется, не похороны же, в конце концов. А Ваньке вообще это до лампочки, он все, конечно, понимает, но совершенно не воспринимает. Так что лети, делай дело, а о нас не беспокойся...
- Ладно. Не буду.
- Соврал сейчас!?
- Как всегда. Но. Но не корысти ради, а только волею пославшей мя жены...
- Вот, - засмеялась довольная Ольга, - вот такой нам нужен муж и отец.
- Ну, ты за всех – то не говори, - подумал Костик, но спорить не стал.

Х

Х

Х

Насчет салона Иван Григорьевич поскромничал. Внутри Яка пахло дорогой кожей, трубочным табаком «Данхилл». Красный директор признавал только этот сорт, больше ничего не курил, даже если «Данхилла» под рукой не было. Впрочем, такое случалось не часто, а, если уж быть точным, не случалось никогда. И на стюардесс в Омском авиаотряде он проводил личный кастинг. Поэтому девушки у него были как на подбор – на его, Ивана Григорьевича, подбор - все крутобедрые и розовощекие, кровь с молоком. Одна из них, белокурая, в мелких модных завитушках, встретила Костю на небольшом трапе, завела, посадила, принесла пиво и фисташки. Потом появились пилоты, с одним из них, Володей, Костя уже летал когда –то на этой машине. Вот тогда она была действительно еще «не комильфо».

- Смотри, Володя, как у вас все изменилось к лучшему, а!
- Стараемся, Константин Алексеевич. А что это вы пиво пьете, может, лучше немного виски или хорошей водки? У нас здесь все есть...
- А сам-то выпьешь?
- Я?! Дак я же за рулем...
- Ну и я пока не буду. Успеется. Володь, я тут дозвониться должен, забыл совсем, вы начинайте прогреваться минут через пять, ладно?
- Нет проблем. Вы когда поговорите, мне дайте знать.
- Лады.

Костик звонил в Иркутск, человеку, который знал в этом городе вся и всех, и, что немаловажно, своему старому другу, по прозвищу Швец. По поговорке: «и жнец, и швец, и на дуде игрец». В той компании, в молодости, они справедливо решили, что Лёня не жнец, и на дуде не очень-то... значит – Швец. Пока набирал, вспомнил, что Тонька ждет его звонка. Костик сбросил номер, задумался. Жизнь давала очередной крен, избушка поворачивалась, к лесу передом, а к Костику, соответственно, задом, и он физически, в животе, ощутил его крутизну. Что произошло? Произошло что-то невероятное: первый раз за много лет его вежливо послали. И Константин понял, что в этой новой реальности

вести себя надо адекватно. Ответ пришел сам собой, и он даже улыбнулся простоте и легкости решения.

- Привет. Слушай, Тонь, что хочу сказать: а не пошла бы ты на хер вместе со своими процентами, а?

В трубе раздалась короткая гудка. Костик опять улыбнулся: слишком хорошо знал Тоню. Она даже «здравствуй» не сказала, вообще ничего не сказала, и не потому, что обиделась, или поняла, что ничего у Костика не получилось, и что он зол, и что это знак... Нет, всего этого было понемногу, но главное – она никогда не говорила по телефону о делах.

- Вот так, - удовлетворенно произнес Костик и позвонил, наконец, Швецу.
- Здорово, брат. Ты куда пропал?
- Не понял? Как это пропал? Швец, это я, Костя.
- Да слышу, слышу. Тут тебя Тонька обыскалась, два раза уже звонила, говорит, пропал с утра, мобильник выключен...
- Ну, это плюс квамперфектум. Давно прошедшее время. И мобильник уже работает, и Тонька в курсе, где я, и куда ей идти...
- Погрызлись, значит? Ладно, Бог с ней. Ты к нам, что ли?
- Сейчас с тобой договорю, и взлетаем.
- Значит, чартерным. Через три часа. Ладно, давай у информации, я там торчать буду. Может, нужно что?
- Да так...
- Костик, говори, а то я за рулем...
- Ты в Комитете Севера знаешь кого-нибудь?
- Всех знаю.
- Слушай, я, кажется, неправильно сформулировал. Людей, близких к Комитету, ну, таких, агентов влияния...
- Советников, консультантов...
- Во, во, их самых.
- Значит так. Ты прилетаешь, и мы едем с таким самым толковым консультантом на дачу, в баню. Годится?
- Еще как. Баня, это сейчас предел моих мечтаний.
- Ну, тогда, счастливого приземления.
- Швец, твою мать, я же еще не взлетел...
- Значит, и взлета, и посадки...

Костя выключил мобильник, и заорал, неожиданно для себя: «Трогай, Володя!»

Х Х Х

Швец, прохаживался у справочной аэропорта, весь в белом: костюм был вполне летний. Да он и соответствовал погоде, уже вечер подкрадывался, сибирский, между прочим, а в воздухе висело жаркое марево уходящего дня. Они обнялись, виделись друзья довольно редко, раз в год, а то и в два. Вышли на улицу, и Швец гордо похлопал по крыше серебристого «Пассата»: как машина?

- Хай класс. Так мы сразу в баню?
- Тут небольшая заминка. Этот самый консультант – советник работает в университете, и в данную минуту читает лекцию. Освободится....- Швец посмотрел на часы, - через час, не раньше. Мы за ним заедем. А сейчас предлагаю на плотину...
- Это ты здорово придумал. Сто лет не видел. Поехали.

Костик, когда говорил о том, чего он сто лет не видел, имел в виду, конечно, не саму плотину Иркутской ГЭС. Ехали они совсем за другим, когда-то подсмотренным ими, и с тех пор очарованными...

Они оставили машину у начала плотины, пошли по тротуару. На середине стали у парапета. Огромный водопад рождал миллиарды капель и бешеные залпы брызг били снизу на десятки метров. Солнечные лучи преломлялись в них, и зрелище становилось

фантастически цветным и объемным. Оранжевые, фиолетовые, золотые, они долетали до людей, задерживались на волосах, ресницах, губах, катились по щекам. Дрожащее марево заката вплавлялась в облако водяной пыли, рождало вакхическую радугу, и человек, завороченный, очутившийся внутри, в эпицентре явления, выпадал из действительности, ослабевало сознание, гасли мысли, ненужные сейчас, учащенным сердцебиением он ощущал миг счастья, орал что-то... Его не было слышно – все звуки впитывал водопад...

Мокрые, оглохшие, охрипшие, Костик со Швецом добрались до «Пассата», сели на землю около машины.

Первый пришел в себя Швец: «Выпить хочешь? Мне-то пока нельзя, еще по городу ездить, а потом на Байкал, дорога не близкая...»

- Не хочу. Бог знает, что за картина...
- Ну, ее не только Бог рисовал. Плотины – то люди строили. Иногда цивилизация и природа вместе дают уникальные концерты, вроде нашего...
- Потрясающе. Но – уходящая натура.
- Че это вдруг?
- То. Слушай, а еще не приходило в голову, что прогресс и культура расходятся в разные стороны? Как в море корабли... Массы думают, что они овладевают технологиями. На самом деле технологии овладевают массами. Это брат, будет пострашней опустошительных войн века...
- Типун тебе на язык. Чё б ты сегодня без мобилы делал?
- Вот и я говорю – без мобилы уже ничего.
- Умный ты больно, Костик. Потому, наверное, и богатый такой.

Костик замолчал. Он понимал, что Швец никогда его не оскорбит, не обидит, что он шутит, но глухая злоба, багровая пелена, медленно разливалась в нем. И вдруг пришел самый настоящий, панический, страх – ведь это же Швец, друг, брат... И все утихло.

Костик еще сидел, вцепившись в дерн, а Швец балаболит, балаболит... Потом помолчал, как почувствовал что-то, и спросил: «А че это тебя на философию потянуло?»

- Хм. Да вот надоело с пустыми людьми пустые разговоры вести. Вот к тебе и приехал.
- Так значит со мной...
- Швец, ну, а как ты думал? С кем еще – то? Слушай, нам ехать не пора?
- Ох ты, - спохватился Швец, - погнались быстрее, а то уйдет, черт, неудобно – то как...

Но они успели. Промчавшись по Байкальской, одной из самых длинных улиц Иркутска, Швец повернул к набережной Ангары, притормозил у входа в университет, открыл дверь, сказал: «Ты сиди, жди, я сейчас...», - потом осекся, и продолжил: «Слава Богу, вот она, только выходит.»

- Кто она? – Не понял Костя.
- Да консультант твой, Кира Ивановна.
- А-а-а, - протянул Костик и увидел довольно симпатичную длинноногую девицу в короткой юбке. Она стала на огромном каменном крыльце, начала рыться в сумочке, достала пачку «дамских» длинных сигарет, прикурила, оглянулась вокруг, увидела, наконец, машущего ей Швеца.
- А ты уверен, что правильно меня понял? – Осторожно спросил Костик.
- Не бойсь. Скоро сам поймешь, что попал в точку. А внешность... че, она тебе мешает, что ли?
- Да нет, это я так. От неожиданности.

А сам подумал: «Внешность... Да как такая внешность может чему-то помешать? Только помочь. Хотя, не говори гоп, пока не перепрыгнул...»

Девушка, а, вернее, молодая женщина, подошла к ним, протянула руку Костику: «Кира Ивановна».

- Костик, - ляпнул Костя и почувствовал, как что-то ухнуло внутри.
- Вот тебе раз, - произнес он, а Швеc и Кира Ивановна с любопытством глядели на него: «чего сказать-то хочешь, Костик»? Но сказать было пока нечего.
- Кира Ивановна, Константин Алексеевич – вице-президент известной вам компании «Горностай», - начал Швеc.
- Компания мне известна, - перебила его она, - но тогда и я не Кира Ивановна, а ... просто Кира.

Швец смешался. Костик взял себя в руки и сказал: «Дело есть, Кира. Вы ведь консультируете Комитет Севера по вопросам эвенков...».

- Ну, не просто консультирую. Я скорее, защищаю их интересы. Лоббирую, так сказать...
- Прекрасно. А как у вас сегодня, есть время для перего... нет, для беседы.
- Кира, мы же договорились, - встрял Швеc.
- А я что, отказываюсь, что ли? Тем более, о Константине наслышана, так что, пожалуйста, я в вашем распоряжении...
- Тогда собирайтесь, поехали ко мне на дачу.
- А где дача?
- А дача на Байкале.
- Так... - Прищурилась Кира, - значит и сауна...
- Ну что вы! Только русская парная...
- Нет, господа. Можно поговорить, - она оглянулась на университет, - ну, хотя бы, в одной из аудиторий...
- Кира, да побойтесь Бога. Мы же с вами сто лет знакомы. Ничего личного... Подумаешь, дача...
- Так я же с нее уже сегодня не вернусь...
- Это скорей всего, - нехотя признал Швеc, - ну и что такого? Восемь комнат, выбирай любую...
- А знаете, поехали. – Вдруг согласилась Кира. Костик глядел на нее во все глаза. – Только я домой должна зайти, предупредить, переодеться. И, надеюсь, вы все понимаете...
- Да что говорить, Кира? Тут и говорить нечего, - начал Костик, а Швеc уже открывал дверцу «Пассата», усаживал заботливо консультанта.
- Вам придется подождать, пока я дома буду...
- Долго?
- Ну, думаю, полчаса.
- А где вы живете, Кира?
- Живу недалеко, в центре. Переулок Седова, знаете?
- Еще бы, - сказал Швеc.

Х

Х

Х

Они оба хорошо знали этот переулок. Они оба любили этот переулок, сплошь состоящий из купеческих домов девятнадцатого века. В одном из них папа Костики снял ему целый этаж. Костик учился тогда на третьем, кажется, курсе. Дом был просто невероятный, тяжелый, потемневший от времени снаружи, и неожиданно светлый внутри. Да и интерьер, вполне современный и модный по тем временам, – стильные шкафы, кресла – качалки, венские гнутые стулья, огромная тахта из Финляндии – резко контрастировал с фасадом. Словом, прохожий, смотревший на дом, на застывшую намертво историю, никогда бы не догадался, что там у него внутри.

Под стать дому была и хозяйка, Евдокия Петровна. Чем-то Костику она неуловимо напоминала бабулю, по которой он тосковал нещадно. Евдокия Петровна, а потом просто Дусенька, милая светловолосая старушка, такой ласковый божий одуванчик, передвигавшийся по огромному двухэтажному особняку совсем невесомо, неслышно, казалось, даже и ни касаясь своими крошечными лапками пола, была когда-то смолянкой. Училась в Смольном, в институте благородных девиц. Скорее всего, там и сформировался ее характер. Интересный, оказалось, был этот институт...

Но все это Костик узнал не сразу. Первые дни он просто упивался этим старинным особняком. Евдокия жила в нем одна, ее единственный сын, Петр Васильевич, хороший знакомый отца Костики по работе в совнархозе (было при Хрущеве такое образование), в последние годы стал зампредом горисполкома. Он и сделал матери подарок, выбил прежним хозяевам дома две современные квартиры – расселил, по нынешнему. Сам жил с семьей отдельно, но мать, конечно, навещал почти каждый день. Так что Дусенька ни в чем не нуждалась, счастливая у нее была старость. А Костику обрадовалась – тянулась к молодежи, все ей интересно было, и по вечерам, на огромной кухне, они гоняли чай, и Дусенька больше Костики слушала, чем сама рассказывала.

А рассказывала она волнующе трогательно и смешно. В Сибирь попала совсем юной девушкой, отец сбежал от большевиков к Колчаку. Он даже сделал карьеру в Директории, стал самым главным нотариусом. И в Иркутск из Омска попал вместе с Александром Васильевичем, на одном поезде. Потом долго скрывался, это ему удалось, и, в конце концов, как-то умудрился не попасть под молох тридцатых годов. Повезло, словом.

Иногда она, под настроение, доставала из шкафа рижский бальзам, и, после второй рюмочки, запивая крепким чаем, вдруг говорила: «И вот представляешь, утром, сидим в неглиже еще, забегает в будуар змея очковая, классная дама, и орет как идиотка: «Великая княжна уже в вестибюле, через пять минут уже у нас будет, а вы в панталонах...» Ужас, ужас, суматоха...

Костик шалел от ее рассказов, он, как ни старался, никак не мог перевести их хоть в какую-то реальность. Великая княжна, будуар, панталоны... Что-то вроде: «в некотором царстве, некотором государстве...». Но, как и от сказок в детстве, веяло чем-то таким, что аж под ложечкой подсасывало.

Что-то она почувствовала в нем. Да нет, больше, нашли они друг друга. Дусенька, полвека проработавшая на кафедре истории музыки местного пединститута, доцентом, чертом, ангелом, на самом деле все эти годы старалась жить в своем мире. Назывался он: «Смольный – навсегда». И его не смогли изменить ни время, ни мерзость политического строя, ни крутость жизни, ни жесткость бытия, ни большие беды, ни маленькие бедки. А бывало, конечно, всякое.

И она слышала в жизни Костики, молодого, веселого, бесшабашного, хоть и совсем уж тихие, но все же отзвуки, той, давно ушедшей, бесшабашной, веселой, молодой, своей, когда ток крови стучал не только в виски, и по которой она тосковала все эти годы советских пятилеток – то есть, почти всю жизнь. Костик завороченно слушал, а по ночам, ворочаясь, додумывал волшебную сказку: фрейлины (оказалось, по словам Дусеньки, и среди них было немало стерв); блестящие полковники Генерального штаба – только что с места событий, с фронта; царские дочки – какие, что за девчонки были?.. Все это несколько меняло действительность – хотя бы в голове.

И он уже разделял точку зрения Дусеньки, которая понимала государыню как мать, но презирала ее как царицу. Про Распутина она старалась не говорить: поскольку такие откровения случались по вечерам, то – не к ночи будь помянут, чур меня, чур...

И еще были всяческие уроки воспитания. Тогда Костик ворчал, что это, дескать, за правила хорошего тона, на фиг они сдались. Но подчинялся – любил Дусеньку. Потом эти правила въелись, и в какой-то момент он почувствовал, что именно их-то и не хватало.

Как-то она поднялась к нему на второй этаж, что-то спросить, так, мелочь, бытовуха, Костик сейчас не помнит, что именно, и он, как сидел, так и ответил ей – сидя. Дусенька стояла и смотрела на него с искренним изумлением. Костик заерзал: в чем дело?

- Да как же так? К тебе зашла женщина, а ты сидишь?! В наше время даже последние.... ну, отсталые, вставали.
- В какое это, в ваше, Дусенька? И где? В этом задрипанном пединституте?

Она повернулась и ушла. С тех пор Костик вставал при ее появлении, а потом уж, и не только при ее. Хотя, если честно, все равно выборочно.

Петр Васильевич снабжал Дусеньку всем необходимым, а если вдруг что-то кончалось не вовремя, Костик был даже и рад ей помочь, благо жили в центре. Так что Дусенька, кроме филармонии, театров, и родного пединститута, никуда не ходила. Ну и променады на свежем воздухе, конечно, возраст – то ого-го-го какой! А какой точно – так и не сказала.

Костику гулять с ней было некогда, студенческая жизнь захватывала почти все время, но иногда случалось. Во время такой прогулки черт занес их в продовольственный магазин, и там продавщица ей нахамила. Костик, стоявший рядом, дал достойный отпор.

Дусенька, бледная, выслушала обоих, и полетела к выходу. Костик еле догнал, потом, уже на подходе к дому, она чуть притормозила, и сказала: «Они для меня всегда были и будут девки - чернушки. Вопрос с тобой: ты – то кто?»

Не разговаривали дня три-четыре. Костик не выдержал, сделал обожаемый Дусенькой гоголь-моголь, пошел подлизываться. Она ела, и глаза ее весело поблескивали: значит, кое-что дошло. Да и гоголь-моголь давно не делали...

Конечно, если быть точным и справедливым, скупые воспоминания бабули о полковом медсанбате 43-го года все равно были Костику ближе и понятней, хотя он не видел ни того, ни другого. Но неясное, и все же родное, чувство, теплилось в душе, когда он слушал Дусеньку.

Однажды Петр Васильевич заглянул к ней во внеурочный час, и попал как раз на такую вечернюю посиделку. Дусеньку несло после третьей рюмки «Вана Таллина», с неизменным чаем. Признавала только эти ликеры и бальзамы, да еще шампанское, при Советах оно было качественным. Рассказывала про рождественский бал в том же Смольном, про единственный, и на всю оставшуюся жизнь запомнившийся, вальс, с великим князем Дмитрием.

- В сочельник нам привезли подарки от вдовствующей императрицы, мне веер достался, а на следующий день, на бале, душно было, я вспотела вся, но тогда кавалеры не прижимали дам, на расстоянии, да и проветрилась в движении, а так страшно было, что такое, как мышка какая-то... Он непременно хотел еще со мной танцевать, но потом пропал куда-то...
- Мама, ну что ты ему рассказываешь, - схватился за край толстого деревянного столешника Петр Васильевич, вступивший в КПСС в сорок пятом, сразу после взятия Зеловских высот – тогда она называлась ВКП (б), - ты же должна нести ответственность за свои слова...
- Вплоть до уголовной, - с каменным лицом вставил Костик.
- Нет, вот уж правда, связался черт с младенцем...
- Что это вы меня чертите Петр Васильевич? – Костик говорил это, вроде и не шутя. Петр Васильевич застыл на секунду... Дусенька раскололась, хохотала каким-то обаятельным грудным смехом, очень женственно, будто и не старушка вовсе, Костик невозмутимо молчал.
- А, ну вас к лешему, - махнул рукой Петр Васильевич, - Саша, там где-то две бутылки водки есть, тащи их...

Шофер, разгружавший багажник черной «Волги», поставил коробку со снедью, где был, и побежал исполнять просьбу шефа. Поддав крепко, мужчина он был здоровенный, Петр Васильевич вдруг вспомнил: «Мам, что ты все про этот танец с Дмитрием?! Ну хочешь, на

ноябрьские праздники, после торжественного, банкет будет, и с тобой второй секретарь обкома вальс станцует? Хочешь?»

- Эх, сынуля ты мой сынуля, - ласково ворошила огромную седую голову сына Дусенька.

А бывало что Костя, приняв где-то, и, не добрав, требовал у Дусеньки «продолжения банкета». Нет, ну, конечно, это преувеличение, ничего он не требовал, скорее, просто громко жаловался на жизнь. И Дусенька каждый раз покупалась, наивная душа, на эти чисто мужские уловки, вытаскивала ликер, Костя, пивший до этого, скажем, водку, только фыркал, и та безропотно искала в закромах чтонибудь покрепче.

А зря, потому что Костя начинал хулиганить.

- А как у вас в Смольном с сексом было? Или его, как сейчас, у вас просто не было? Теперь уж Дусенька фыркала. Дескать, такие вопросы, только пьяный провинциальный офицер после третьей бутылки задает.

- Значит, не было.

Дусенька сидела, насупившись, не нравилось ей такое течение беседы. Но, опять же, ликер действовал. И она, раскрасневшись, парировала: «У нас романы были. А в это понятие все входит – и секс, и любовь, и страсти – мордасти...»

- Ну так расскажите. А то все какие-то общие фразы, как говорил Константин Сергеевич – не верю!

И Дусенька опять покупалась. Рассказывала всегда о какой-то своей подруге Алисе, графине, чуть постарше ее. Была эта Алиса на самом деле, не было ее, – пойди, проверь. И Костик прерывал Дусеньку на середине : « А вы сами – то когда женщиной стали?»

Той уже было все равно.

- В Омске, когда с папой к Колчаку попали. Нет, ну знакомы – то мы еще до Омска были. Вместе к Александру Васильевичу из Твери добирались, он офицер был, штабс – капитан, молодой, с выправкой, сразу было понятно, что военный, так что натерпелись страху в дороге... Костик, змей, хватит мне подливать. И чай больше не хочу, давай вон газировку из сифона. Скоро уже сама из этого чая состоять буду. Забыл, сколько мне лет!
- Я и не знал никогда.
- Вот и хорошо, меньше знаешь, крепче спишь. Так о чем я?
- Ну так это... Штабс – капитан, молодой, красивый, вместе в Омск из Твери добирались...
- Ах, да. А в Омске этот негодяй мною овладел.
- Почему негодяй? Потому что овладел?
- Нет, потому что сгинул где – то при отступлении. Может, и добрался до Харбина, а, скорее всего, погиб где – нибудь на Севере. Много тогда наших погибло, тысячи.

Давай, помянем, не чокаясь...

Наутро Дусенька сильно болела, проклинала Костика, он ей готовил кофе, вилял хвостом, чувствуя вину, и Дусенька, придя в себя, говорила : « Хорошо, что все эти наши с тобой разговоры, происходят не сорок лет назад. Представляю, чем это могло кончиться...»

Костик настораживался : « Чем?»

- А догадайся с трех раз, - лукаво улыбалась Дусенька.
- А, - в ответ улыбался Костик, - вот вы про что...
- А ты?
- А я Бог весть что подумал...
- Дурак, - всерьез обижалась Дусенька, - и не подходи ко мне больше. И кофе свой сам пей...

И еще было потрясающее кафе «Порт - Артур». Костик сейчас уже не помнит, что ему понадобилось на чердаке. Залез туда, и ахнул – половина его была завалена дореволюционными журналами. Потом он понял, что это была не свалка, а подборка.

Все о русско – японской войне, с первого до последнего момента. – хронология, причины, дипломатические и боевые действия, высказывания, и даже ее возможные последствия. В основном это была «Нива», но встречались и «Русский инвалид», просто выпуски брошюр « Война Россіи и Японіи» - подробности боя 27 января, 11 и 13 февраля при Портъ – Артуръ и Чемульпо. Молодецкій подвиг «Ретвизана».

Че – муть – по, « ... немедленно на «Варяге» и «Корейце» приступили к удалению деревянных частей, мешающих судну к бою...». Костик не вылезал оттуда, потом к нему присоединился Швец, учившийся на филологическом в университете, Швец притащил на чердак Виталия, первого актера Иркутского ТЮЗа. Читали, комментировали, и крепко при этом выпивали. Потому и называли чердак – кафе «Порт – Артур».

Дусенька от Виталия чуть с ума не сошла. Он появлялся, пока еще трезвый, высокий, подтянутый, целовал ей ручку, и рокотал на весь дом: « Разрешите, милейшая Дусенька, засвидетельствовать, перед началом боевых действий, так сказать».

Ну, чем не штабс – капитан?! Он её поддразнивал, напевал романсы под гитару, и крыша у Дусеньки слетала мгновенно. Она краснела, тупила взор, вытащила из чудом сохранившегося кожаного дорожного кофра веер, тот самый, от вдовствующей императрицы, и нервно постукивала им по левой руке...

А потом, когда ребята поднимались в кафе, резала на кухне бутерброды, делала салаты, жарила бифштексы. Иногда, когда кончался какой –нибудь очередной портвейн, Виталий предлагал : « А что, голубушка Дусенька, не совершить ли нам променад?»

Дусенька, глядя в пол, тихо спрашивала : « Виталий, а вы меня куда не заведете?»

- Заведу, - с серьезным видом обещал Виталий.

Вот такое вот Чемульпо, такое кафе « Порт – Артур».

Умерла Дусенька под музыку – в прямом смысле. Было воскресенье, Костя зубрил сопромат, а она что – то маялась, ходила туда – сюда по огромному дому, забрала у Костика « Грюндиг», поднялась в кафе, и слушала подряд все его кассеты – Высоцкого, Битлов, всё, что было. Потом затихла, спустилась, зашла к нему, поставила магнитофон, потрепала по затылку, и ушла в свою спальню. Через некоторое время Костя услышал 2 концерт Рахманинова, это уже была пластинка на Дусенькином проигрывателе. Так под него и заснула. Костя зашел, иголка адаптера скользила по центру, впустую, но Дусенька на это не реагировала, сидела в огромном кожаном кресле пряменько, с закрытыми глазами, и аккуратно сложенными на коленях руками, – словно на уроке закона Божьего в своем незабвенном Смольном.

Через девять дней он переехал к Виталию, в его однокомнатную квартиру – не смог жить на Седова, хотя Петр Васильевич был не против. Пили месяц, все поминали Дусеньку, царство ей небесное.

Х

Х

Х

Они стояли, смотрели на этот вполне еще сохранившийся дом, курили, ждали Киру, которая жила в конце переулка, совсем рядом. Она вышла в джинсовом костюме, стройная, взведенная предстоящим, поблескивая глазами. Но сразу же почувствовала что – то не то.

- Форс – мажор? Планы меняются?
- Да что вы, Кира. Это мы тут повспоминали немного.
- Ну, это, слава Богу, не со мной связано.
- Не с вами. С этим переулком. Вы давно тут живете?
- Да нет, года три. Родители поменялись, раньше в предместье жили, в Рабочем.
- Ясно. Ну что, двинулись?
- Если вы не передумали...
- Поехали.

Дача Швеца стоит совсем недалеко от Байкала. Во всяком случае, с третьего этажа деревянного особнячка море хорошо видно.

- Ну, кто первый париться – мы, или вы, Кира? – Потирал от нетерпения руки хозяин.
- Я вообще в баню не пойду. Подожду вас, поброжу по лесу, по берегу...
- Я тоже, - немедленно объявил Костя.
- Э, братцы, да вы что? Я один, что ли, париться буду?
- Ну, выходит, так.
- Обломали кайф, - искренне огорчился Швец, - ладно, перебьюсь. Тогда сооружаем шашлык?
- Нет, вы сооружайте, а я все таки поболтаюсь по природе. Соскучилась.
- А давно у своих подопечных были?
- Осенью.
- Ну, не так уж и давно.
- Для кого как.
- Резонно. Я тогда сейчас дрова нарублю и найду вас, ладно. Вы в какую сторону?
- В сторону моря, - рассмеялась Кира. Ей явно нравилась настойчивость Костика. А тот и сам боялся подумать, что начинает происходить. Но душа давно себя так не ощущала. Хорошо ей, душе, было. Уже ради этого стоило сюда ехать. И радость, как выдержанный коньяк, шибанула по мозгам. Дрова он рубил быстро и умело.
- Не терпится, - рассмеялся Швец.
- Да ладно. Просто вот – «а руки – то помнят...»
- Брось. Иди на переговоры, она наверняка сразу к бухте пошла. Дорогу помнишь?
- Помню.
- Ну, ни пуха, ни пера.
- К черту, Швец, к черту. Пойду только умоюсь.
- Да на Байкале и ополоснешься. Полотенце возьми.
- Сейчас, - Костик пошел на дачу, взял махровое полотенце, обернул им горло. Когда проходил по двору, Швец, возившийся с мангалом, спросил: «Слушай, а что Виталий? Как он там, давно его видел?»
- Да вроде все хорошо. В театре у Родониной, уже который год, в труппе ценят, любят. Да и она тоже.
- Слышал, по разному бывает...
- У всех у нас по разному бывает. Я его, кстати, искал недавно, тошно было, вот и искал. Ты же знаешь, Виталий...
- Этот могёт, знаю. Ну и что, нашел?
- Да нет. В Германии он, знаменитый режиссер пригласил, а уж что и как – узнаем потом, когда вернется.
- Ну, ясно.
- Это хорошо. Так я пошел?
- А то. Я бы уже давно там был...
- Паразит ты, Швец. Завидуешь сейчас, поди?
- А что скрывать – завидую.
- То – то, - уже на ходу сказал Костик.

Кира и правда сидела на большом валуне у самой воды. Костя подошел, присел на корточки возле камня.

- Как дела?
- Отлично. Хорошо, что уговорили поехать.
- А что за сомнения были?
- Ну, во – первых, два молодых здоровых мужика...
- Кира, да вы что, на самом деле?!
- Ладно, это ерунда, конечно. В крайнем случае, я за себя и постоять могу...

- Опять!
- Хорошо, не в этом дело. Но ведь встреча – то, как я понимаю, касается бизнеса. А вы – дача, баня...
- Именно потому, что касается бизнеса, потому и дача, и баня, – рассмеялся Костя.
- Ну, я как – то по другому себе все это представляю...
- А что, часто приходится такими делами заниматься?
- К счастью, нечасто.
- А чем часто?
- Вообще – то я этнограф. В частности, исследую жизнь катангских эвенков, пишу об этом книги, преподаю в университете. Все остальное – хобби.
- А что это вас к ним потянуло, - Костя поднялся, сел на валун возле Кире, - изначально, так сказать?
- Вообще, сначала заинтересовали не столько тунгусы, сколько просто «другая» жизнь...
- Подождите, Кира. Я не пойму, вы чью жизнь исследуете – тунгусов или эвенков?
- Так это одно и то же. Раньше, до революции, жителей тех мест, на Нижней Тунгуске, называли тунгусами, а потом, при советской власти, переименовали в эвенков. По эвенкийски ИЛЭ – человек. А второе название реки – Катанга.
- Жутко интересно. Особенно, если учесть, что одна моя прабабка была натуральной тунгуской. Только уж не знаю, катангской, или еще какой. Давно это было.
- Как же вы так, - Кира аж приподнялась, - надо обязательно выяснить...
- Ну, если обязательно, - засмеялся Костя, - тогда выясним. Хотите, вместе? Ваша ведь тема...
- А, это вы ко мне так подкатываете, - отодвинулась Кира, - но по части их интересов я человек железный.
- Да ни Боже мой. Одно другого никак не касается.
- Тогда другое дело. Тогда, конечно, помогу. Даже с удовольствием.
- Я бы уточнил – со взаимным удовольствием.
- Поглядим, - прищурилась Кира, - а пока наслаждайтесь.
- Да я и наслаждаюсь.
- Я имею в виду воздух, тишину, Байкал...
- Да, - согласился Костик, - хороший фон.
- Так, теперь немного помолчим. Правда, нечасто вечер на Байкале приходится проводить...
- Нечасто, - согласился Костик, - молчу.

И так они еще посидели, в сумерках, слушая волны, пьянея то ли от воздуха, то ли от того, что чувствовали, привалившись спина к спине. Древнейшая энергия, возникшая неизвестно как, из, казалось бы, ничего, уже всю тревожила их. Но верить в это ему было трудно. Потом они встали, и, так же молча, пошли по тропинке к даче. Кира шла впереди, и ее светлая голова плыла в крошечной темноте неясным пятнышком. Уже у самых ворот пятнышко замерло, и Костя, по инерции, налетел на Кире.

- Ох, простите. Что случилось, Кира?
- Да вот, спросить хочу...
- Так в чем же дело? Спрашивайте, у меня от вас секретов нет.
- Вот даже как... Ну, ладно. Костя, а что вы там, на Седова, такое вспомнили? Больно вид у вас какой – то был... печальный.
- Вы правы, печальный. А вспомнили мы одного человека, который там жил когда – то, и которого мы любили...
- Женщину?
- Женщину, - засмеялся Костя, - но это совсем не то, о чем вы, вероятно, подумали.
- А что же?

- Вы знаете, Кира, я, когданибудь, обязательно расскажу вам эту историю.
- Когданибудь... Хорошо звучит, заманчиво. Ну что ж, когданибудь...
- Обязательно.

Швец встретил их сидя на крыльце. Шашлык уже давно готов, и он сидел, выпивал водочку, совсем понемногу, грамм по двадцать пять. Но не закусывал – ждал их.

- Давайте, ребята, стол накрывать. Помогайте...
- Ты, чем мечтать, уже накрыл бы...
- Мечтать полезно для здоровья. Все, хватит слов, шуруй Костик на кухню, тащи все из холодильника...

На столе, врытом в землю, появился все тот же шашлык, маринованный чеснок, омуль всех видов – жареный, слабосоленый, копченый, рядом – тарелка с хариусом, свежий лук, огурцы, какая – то странная на вкус буженина...

- Что это, Швец? Из чего она?
- Ага, не понял. А ведь охотником был.
- Нет, не пойму.
- Из лосятины.
- У тебя – то откуда лось?
- Случайность. Здесь деревня рядом, там знакомые охотники. Вот они – то и подарили филейную часть.
- Здорово. Ну, давайте, за такое потрясающее знакомство...
- Потрясающее, - разулыбался Швец, - рад за вас.
- Что – то вы оба торопитесь, - сказала Кира.
- Может быть. Но выпьем за это?
- Выпьем, - смилостливилась она и хлопнула рюмку холоднющей водки.
- Где ты ее держал, в морозильнике?
- На фига в морозильнике. Вон, колодец, на что?
- Ну, Швецуля, молодец. Все предусмотрел.
- А то. Нечасто ты в Иркутск ездить стал. Вот и стараюсь, заманиваю.
- Ну, теперь все может измениться, - и Костик покосился на Киру. Та промолчала. Потом сказала: « Как бы нам о деле поговорить? А то ведь водка – вещь коварная...»
- Это вы верно, Кира, заметили. Давайте поговорим. На самом деле, моя задача проста : сделать так, чтобы между «Горностаем» и местным, коренным, населением, всегда царили мир и дружба. Имеется в виду разработка Кутыктинского месторождения. Кстати, Кира, сколько его в районе, на сегодняшний день?
- Чуть больше пяти с половиной тысяч.
- Всего – то!? И все эвенки?
- Да что вы, Костя. Эвенков мало, около шестисот.
- Кира, я что – то теряюсь. Кажется, проблем и не должно быть. Ведь уже сейчас, только за аренду месторождения, мы ежегодно платим в Ербогачене и Иркутске столько, что всем этим людям должно с лихвой хватать. А ведь настоящей добычи еще не было, так что основные деньги впереди. Другое дело, что «Горностаи» взамен хочет получить гарантии.
- Какие, Костя?
- Долгосрочные. Подпишем договор о социальных гарантиях – взаимных. Так сказать, пакт о ненападении...
- С кем вы хотите его подписывать?
- Ну как с кем. С районной администрацией, с Комитетом Севера.
- Вот тут – то и проблема...
- Что? Они недовольны суммой?
- Они – то довольны. Только из этой суммы до самих эвенков почти ничего не доходит. А если уж быть совсем точным, то вообще ничего.

- Ну, я бы удивился, если было бы иначе. Но, Кира, как «Горноста́й» может остановить воровство? Вопрос, конечно, риторический...
- Да что я, дура, что ли, Костик? Но я потому и консультант этого Комитета Севера, что знаю все проблемы. И как специалист – кстати, Костик, перестаньте мне постоянно подливать, змей этакий – пока еще трезвый специалист, предупреждаю : рано или поздно эта проблема накроет и «Горноста́й». Слава Богу, грамотных адвокатов нынче пруд пруди...
- Где – то я уже слышал про змея, - подумал Костик, и сказал, - Кира, какая вы умница...
- И красавица, - поддакнул Швец.
- О, господи, - простонала довольная Кира, - да ладно уж, наливайте. Помирать, так с музыкой...

Костик вздрогнул. Но виду не подал.

- Помирать рановато, - он посмотрел на Швеца, - а насчет музыки, это идея. Включил бы что-нибудь...
- Яволь, - вскочил тот, пошел на веранду и врубил музыкальный центр, - сейчас кое – что сообразим.

Запел Луи Армстронг, «Шестнадцать тонн», и Костик предложил: «Давайте еще по одной, и перейдем к результативной части...»

- Ну нет, - возразил Швец, - сначала поедим. А то за разговорами еще ничего толком и не попробовали. На фиг я шашлык жарил, омуль коптил?...

Яркая лампа со столба освещала круг, в котором стоял стол, от Байкала шла зябкая прохлада, хрипел обаятельный Армстронг, болтал что-то Швец, уминала закуску Кира...

- Где это я? – Продумал Костик. – Что со мной? И я ли это?

Он выпил. Откинулся на стуле. Закурил. Почувствовал запах воды, леса, травы. Запах уже почти наступившего лета.

- Я. Слава Богу, это я. – Что-то менялось прямо на глазах. Непонятно что, но точно – менялось. И Костик перестал об этом думать. Из суеверия – чтобы не спугнуть.
- Вот такой вариант вас устроит: давайте разделим финансовый поток. Для этого создадим некоммерческий фонд поддержки коренного населения. Как вы говорили, Кира, по эвенкийски будет человек?
- Илэ...
- Вот, вот так его и назовем – «Илэ». Часть денег будет идти по прежнему, в администрации, а часть в фонд, необлагаемый, кстати, налогами. Что выгодно и «Горностаю». Вы станете его президентом, а Швец вашим помощником, по пиару. Кстати, шум надо поднять до небес, что в местной прессе, что в центральной, иначе они вас здесь сожрут, подставят тут же...
- Костик, вы это серьезно?
- Серьезней некуда. Но есть одно условие.
- Какое?
- Надо мне туда слетать, на Тунгуску, посмотреть на них, на этих эвенков. А сопровождать меня будете вы, Кира.
- Почему я?
- А кто? Назовите, подумаем.
- Да нет, лучше вам, район, конечно, никто не покажет, это верно. Но у меня же сессия на носу...
- Кира, а вот это как раз дело техники. Швец все уладит, не даром же он, кроме книгоиздания, со всем начальством танцы танцует. Заменят вас кемнибудь, не беспокойтесь. Ты согласен со мной?
- А то, - но Швец все же выглядел растерянным, - но ты, брат, круто как-то берешь...
- Не понял. Ты согласен или нет?
- Согласен.

- Ну вот, все. Теперь и выпить можно.
- А что мы до этого делали, - спросила Кира, - и почему вы меня, Костик, не спрашиваете, согласна ли я?

Костя улыбнулся, выпил и сказал: «Лететь-то куда? В Ербогачен сначала?»

- В Ербогачен.
- Ну, тогда послезавтра и тронемся. За день уладишь все?
- Думаю, да.
- Отлично. Ты, кстати, когда мясо мариновал, уксус добавлял?
- Нет, только вино.
- Я в тебе, Шве́ц, никогда не ошибался... Кира, налегайте вы на шашлык, во рту ведь тает, ох, заурчу сейчас от удовольствия...

Х

Х

Х

Разошлись поздно, но Костик, которого Шве́ц определил под потолок, лежал – лежал, и, крадучись, спустился, сел на лавочку за домом, закурил. Понял, что вообще сегодня вряд ли уснет, так чего ж тогда ворочаться, маяться. Лучше посмотреть, как начнет краснеть горизонт, появится солнце, подышать Байкалом. Кира права – когда теперь еще удастся так посидеть?

- А может и скоро, - вдруг подумал Костик, - может, теперь, и скоро, и часто. И вообще, че бы мне-то здесь дачу не построить, а?

Костик сидел, вытянув ноги в траве, затаившись. Он и вправду боялся, что все это вдруг возьмет, да и кончится, исчезнет. Боялся спугнуть, уже по настоящему боялся.

- Чего это я? В жизни много чего было, но чтобы я боялся? Морок какой-то... - пижонил и хорохорился.

Он дождался солнца и все же пошел спать.

Х

Х

Х

Послезавтра выяснилось, что в Ербогачене третий день идут дожди, самолеты не летают, но Костик уже закусил удила. Он так прижучил Шве́ца, что тот, от греха подальше, сходил к какому-то генералу, и под вечер Костик с Кирой сели в военный Ми-8, покрашенный в камуфляж и с красными звездами по бокам.

- Световой день кончается, - сказал им пилот, - скорее всего, в Киренске заночуем...
- В Киренске, так в Киренске, - миролюбиво согласился Костик, - все, командир, летим. Но они успели. Садились, правда, уже в темноте, включив прожектора. В пути, пока летели, пытались болтать о чем – то сквозь шум моторов, потом Кира, неожиданно как – то, ткнулась носом в Кости́ково плечо, да так на нем и осталась, засопела. Костик сидел, затек весь, но не будил, не шевелился, до того хорошо ему было. Часа через полтора она сама проснулась, потрясла головой, Костик налил ей стопку коньяка, достал бутерброды, омуля. Кира смущенно выпила, и прильнула к иллюминатору.

- Вот она! – Закричала тут же.
- Кто? – Испугался Костик.
- Да не кто, а что. Нижняя Тунгуска...

Костик посмотрел вниз. Река, уже в темноте, угадывалась по замысловатому рисунку.

- Эх ее, беднягу, заворачивает.
- Красивая река, правда?
- Да, наверное. Хотя мне Витим больше нравится.
- Витим? При чем здесь Витим?
- Кира, да ведь я родом – то из Бодайбо.
- Правда?! Как здорово! Так вот откуда бабушка – тунгуска. Сейчас их там уже совсем не осталось.
- Да, они еще при мне куда – то перекочевали. У нас в тайге одни якуты.

- Так вот сюда и перекочевали, - кивнула она на застывшую в сумерках речку, - вы хоть род – то знаете?
- Как это – род?
- Ну, фамилию, фамилию ее?
- Да что вы, Кира. Откуда. Она же даже не бабушка – прабабушка.
- Жаль. Так бы, может, и вправду, родню нашли.

Костик даже в затылке почесал. Больно это все как – то экзотически звучало : найти в здешней тайге свой род. Никогда в жизни ему, конечно, и в голову не приходило – искать свои тунгусские корни.

Выглянул пилот.

- Сейчас садиться будем, по ночному, так что вы уж не вставайте пока. Они выпрыгнули из люка, пилот подал им их вещи.
- Где гостиница, знаете? Если хотите, я покажу, только подождите, пока машину на ночь законсервирую...
- Да нет, спасибо. Я здесь все знаю, так что сами разберемся, - сказала Кира.
- Видал, брат! Сами с усами, - весело потряс ему руку Костик, - спасибо за отличную транспортировку.
- Да ладно, будет вам, - неожиданно смутился тот.
- Ну, бывай.

Они пошли по какой-то очень старинной улице. Фонарей было мало, но Костя все же заметил, что дома на ней, как на Седова в Иркутске – темные от старости, бревенчатые, но только здесь они, в отличие от переулка, еще и поперекосились почти все. До гостиницы, которая, как и следовало ожидать, называлась «Ербогачен», было совсем недалеко.

- Ну вот, Костя, вы в столице «илимпейского народа».
- Илимпейского ?
- Так они себя называют. Есть тут один район такой.

Заходя в гостиницу, Костя, как бы между прочим, спросил : «Берем люкс?».

- Костя, вы себе берите люкс, а я одноместный.
- Слушаюсь...

Гостиница оказалась совсем пустой. Куда-то подевался приезжий народ, времена, что ли, такие.

- Отлично. Вам одноместный, и мне такой же. Что делать будем? Ресторанчик здесь есть какой-нибудь?
- Столовая. Но она уже закрыта.
- Ерунда. У нас ведь немало запасов...
- Да, мне мама напекла – нажарила.
- А обо мне Швец позаботился .По моему, даже икру положил – красную и черную. Так что, устроим вечер встречи со столицей?
- Устроим. Костя, а как насчет того, чтобы костерчик разжечь, да и посидеть? Вы не против?
- Конечно, нет. Надо только место найти...
- Искать ничего не нужно. Я отведу.
- Что бы я без вас делал, - вздохнул Костик, и вдруг вполне серьезно посмотрел Кире в глаза. Она улыбнулась.

Поляну Кира в темноте разыскала почти сразу.

- Тропинка подзаросла. Давно здесь, видно, никого не было.
- Так это ж хорошо. Вы, Кира, распаковывайте, а я с фонариком за дровами.
- Не страшно в тайге?

Костя приостановился, посмотрел на нее.

- Ничего-то вы, голубушка, про меня не знаете. Непонятно, конечно, какой я тунгус, но науку бабулину не позабыл. А она у меня знатной охотницей была...
- Не знаю. Но ведь узнаю?
- Это непременно. Может, даже, кое-что и лишнее.

Костя нарубил дров, натаскал валежника, разжег костер, который долго распыхивался, а потом взметнулся на полтора метра. Пришлось его укорачивать, наконец присел по турецки, и сказал: «У меня, Кира, какое-то странное чувство. Будто бы я домой вернулся. Ничего себе, да, столько лет где-то бродил, и вот, вернулся.»

- Ну, вот за это надо выпить.
 - Нет, дорогая. Наш первый тост, вдвоем, за вас. Если бы не вы, я бы еще бродил.
- Они выпили, и сидели молча, смотря в огонь.

- Попробуйте, Костя, пирожки. Трех видов: с мясом, с печенью, и с яблоками.
- Мамины?
- Ее.
- Мама у вас молодая?
- Как догадаться?
- Да так, как-то. Интуиция. Или, вернее, подумал, что именно такая должна быть у нее мама...
- Молодая, красивая. Но вот одна уже несколько лет.
- Что, папа умер?
- Господь с вами. Жив – здоров. Разошлись они, уехал в другой город, только и всего.
- А у вас как дела на этом фронте?
- Хм. На западном фронте без перемен.
- Так было. Но наступление уже началось, разве вы не заметили?
- Как можно не заметить. Тем более, что я не отступаю. Может, зря...
- Почему это зря?!
- Костик.... Ладно, наливайте, потом доскажу.

Костя после коньяка проглотил дольку лимона почти не разжевывая, и сказал: «Не надо досказывать. Вам тяжело, а мне все равно придется объяснять. Так вот, Кира, ничью семью вы не разобьете. До вас постарались. Считайте, что битва идет в чистом поле и по честным правилам...»

- Это правда? – Кира не смогла сдержать радость.
- Правда, милая, правда. Хотя и грустная, но правда. Вы здесь совершенно не причем. Развода не избежать, просто мне, кажется, жутко везет. Наконец-то. Ох, не сглазить бы...
- Суеверный какой...
- Побайваюсь, честно скажу.
- Чего?
- Так я же сказал – сглазить.
- Не бойтесь, Костик. Тут я вас в обиду не дам.
- Кира, дорогая вы моя, - Костик уже не знал, что делать – нежность к ней просто затопила его, - мне, последний раз, такие слова или мама, или бабуля, говорили. Отвык за жизнь – то...
- Привыкайте, Костик...
- Попытаюсь.
- Вы мне, кстати, обещали какую – то грустную историю рассказать. Ну, помните, вы со Швецом на Седова стояли, как в воду опущенные...
- Да, пожалуй, самое время.

Трещали ветки в костре. Дым разбавлял ночной таежный воздух, а где – то вверху, по кронам деревьев, гулял ветер, все никак не мог успокоиться, шумел. Внизу было тихо, и Кира, прижавшись сбоку к Костику, слушала. После погладила его по голове, а Костик

взял руку, и поцеловал в ладонь. В гостиницу они вернулись перед самым рассветом, и уже не расставались. Утром Костик, перед тем, как пойти в разведку насчет завтрака, заметил : «Говорил же, надо было брать люкс».

- Костик, миленький. Да нет в этой гостинице никаких люксов. Это совсем другой мир, от которого ты давно отвык.
- Да? Пойду, посмотрю.
- Пойди, пойди... Да только без меня ничего не увидишь.
- Так вставай, лежебока. Нас, как говорится, ждут великие дела.
- И ты еще не представляешь, какие. Отвернись – ка на минутку...
- Ладно, ты одевайся, а я пойду, побреюсь. А уж в разведку тогда вместе...
- Костя. – Уже в дверях окликнула его Кира.
- Да...
- Спросить хочу.
- Чувствую. Что – то не так?
- Ёще как все так. Потому и спрашиваю... Понимаешь, я вчера ни к месту Ремарка вспомнила, ты продолжил, про битву... Так это значит, что будет победитель и побежденный?!

Костя вернулся, присел на край тахты.

- Кирочка, вот ты этнограф, по сути – историк, кандидат наук, уже три книжки вышло, в такие – то годы... Ты что, не знаешь, что победа – понятие относительное? Сегодня ты победитель, а, смотришь, завтра, твоя победа обернулась...
- Поражением.
- Вывод : в этой нашей битве не будет ни победителя, ни побежденного. Я же сказал : в чистом поле и по ... ну, в общем, по нашим с тобой, правилам.
- Дай я тебя поцелую. Чувствовала, что умный мужик, но не да такой же степени...
- Не говори, кума, у самой муж пьет. Смотри, перехвалишь...
- Да уж, пора остановиться. Ну иди, брейся, а то и правда, колочий какой.

Костя побрился, принял контрастный душ, душевая была общей, в конце коридора, зашел в свой номер, вытащил чистые джинсы, тенниску, курточку. Переоделся, присел.

- Впору ущипнуть себя. Будто и не наяву все. Все – таки, кто – то за меня помолился, свечку поставил. Ладно, стоп. Поглядим, что дальше будет.

Буфет в гостинице оказался на удивление приличным. Они взяли себе кофе, Кира разбавила его молоком, Костик попробовал черный – и ничего, понравился. Буфетчица готовила его в медной турке, на медленном огне, все, как полагается. Она изжарила им огромную яшницу с колбасой, и, выходя на залитую солнцем улицу, Костик, от избытка чувств, здоровья, Бог его знает чего, что переполняло душу, приобнял Киру за плечи, и, видимо, не рассчитав, крепко сжал. Та ойкнула, посмотрела на Костино растерянное лицо, и расхохоталась.

- Идем в гости. Сейчас я тебя познакомлю с теми, о ком, собственно, идет речь.
- А может, Бог с ними? Пойдем на речку, посидим, пошатаемся...
- Костя, ты что? Мы зачем сюда прилетели? – Кира остановилась.
- Все, все. Идем знакомиться. Остальное как получится.
- Да не беспокойся ты, получится.
- Все правильно. Дело есть дело.
- При чем здесь дело? Говорю, идем, познакомлю с хорошими людьми.
- Так уже идем... Надо было взять с собой, ты чего меня в гостинице не предупредила?
- Костик, тут есть некоторые нюансы. Я, когда иду в гости к эвенкам, никогда не беру с собой спиртного. Они не могут остановиться, беда прямо, национальное бедствие...
- Ну, тебе виднее. А к кому идем – то?
- Семья, фамилия Сычегирь, Анатолий Павлович, хозяин, и жена его, Татьяна Федоровна. У них сейчас не лучшие времена, сын год назад погиб.

- Как погиб?
- Утонул вот в ней, - Кира кивнула на реку, - на дальнее стойбище шел, на моторке, а что и как произошло – до сих пор неизвестно. Эвенки ведь плавать совсем не умеют. Так я к чему – ты уж помягче с ними...
- Да что ж я, нехристь, что ли? И предупреждать не надо.
- Костик, не обижайся.
- Не обижаюсь. Это я так. Ты мне только расскажи, кто они, что они?
- Сычегирь – то? Это уже не совсем типичные эвенки. Они сейчас все, в основном, оседлые. Живут в деревнях, поселках. Работают на подсобных работах, пьют. А Сычегирь пограничные.
- Пограничные?
- Ну, в общем, они живут на границе двух миров : нынешней цивилизации и прошлой своей, кочевой, жизни. Часть времени здесь, в Ербогачене, у них дом свой, а часть – в тайге, кочуют, пасут оленей, охотятся. Бывает, что уходят отсюда еще до начала сезона – бегут от водки...
- Понимаю...
- Что ты понимаешь, - засмеялась Кира, - Костик ты, Костик ...

И осеклась, замолчала. Костик тоже помолчал, потом опять приобнял ее : « Замечательно сказала ».

С ними здоровались. Вернее, здоровались с Кирой, Косте с любопытством кивали.

- Слушай, тебя что, все здесь знают?
- Ну, конечно. Во – первых, поселок – то небольшой, а во – вторых, раньше я сюда очень часто летала, когда над книгой работала.
- Про них?
- Да, про эвенков.
- А сейчас меньше здесь бываешь? Уже не так интересно?
- Да нет, интерес остался. Вернее, это уже и интересом – то не назовешь. Как – то я душой к ним прикипела, как первая любовь, никогда ведь не забудешь.
- Так почему же реже стала бывать? Времени нет?
- И времени тоже. Но больше – денег. Университет после дефолта совсем обнищал, не до поездок. Ну, а вместе с ним, и мы в бедняков превратились. Но я не жалею, - испугалась она, - сейчас у всех так.
- Ничего, - подумал Костя, - ничего. Теперь у тебя будет архимедов рычаг...
- Что ты сказал?
- Я? Да нет, так, мысли вслух...
- Пришли, Костик. Вот здесь они живут. – и Кира показала на аккуратный домик из бруса. Они поднялись на высокое крыльцо, Кира постучала. Никто не ответил. Она нажала на дверь, та отворилась.
- Татьяна Федоровна, - крикнула Кира. Они постояли, и потихоньку двинулись в широкие сени. Вдруг открылась внутренняя дверь, ведущая уже прямо в жилище, и на пороге показалась грузная женская фигура. Лица Костик в полумраке не разглядел.
- Ох ты, никак Кира, - радостно сказала женщина.
- Я, Татьяна Федоровна. А это... - Кира подумала, и продолжила, - это мой друг, Костя.
- Я – то дремала, а мой – то, сама знаешь, Куйки...
- Куйки – это прозвище. Анатолий Павлович слышит плохо, вот и прозвали – глухой.
- Ребятки, да вы проходите, проходите.

Они зашли в небольшой коридор, такой же темный, как и сени, потом, за Татьяной Федоровной, в большую светлую комнату. Хозяин сидел за столом, и, судя по всему, совсем не пытался избежать национального бедствия, о котором Кира предупреждала Костика. Он поднялся им навстречу, обнял, поцеловал Киру, пожал руку Косте, и спросил: « Как охотился сегодня? »

- Отлично, - не моргнув глазом, ответил Костик. Общение с якутскими охотниками осталось в его памяти навсегда.
- Ну, тогда, дорогие гости, давайте, за добрую память Спиридона.
Кира, которая хотела было возразить, только и спросила : « А что, сегодня, годовщина?»
- Так, родная, так. Год сегодня, как нет Спирьки.
Они выпили какой – то совершенно немыслимой водки, от которой сразу начались позывы тошноты.
- Нет, так дело не пойдет, - подумал Костик, - умереть от этой дряни я им не дам...Да и сам еще молодой.
Он закусил капустой, солеными груздями, попробовал жареной картошки, и сказал:
«Кира, ты не забыла, что нам с тобой в администрацию заскочить надо? Лучше уж давай сейчас, сразу, на десять – пятнадцать минут, и тут же вернемся.»
- Кира, которая только – только начала приходить в себя после стопки этой политуры, никак не могла взять в толк, о чем это Костик.
- В администрацию?
- Пойдем, сходим. Мы сейчас вернемся, Татьяна Федоровна.
- Куда это они? – Спросил Анатолий Павлович.
- К начальству надо. По делу... - ответила жена.
- А, а, - закивал головой старик, - только возвращайтесь, Спирьку – то поминать...
- Они вернутся, - громко говорила ему в ухо Татьяна Федоровна.
- Ты что задумал? – Спросила Кира на улице.
- Кира, но это же самоубийство. А у меня в последние несколько дней появились далеко идущие планы.
- А раньше их не было?
- А раньше, - Костя вздохнул, - раньше не было. Короче, здесь есть магазин, где хоть за какие деньги можно купить непаленую водку?
- Есть, конечно. А я уж испугалась, думала, ты совсем сбежать захотел.
- Я пока молча глотаю обиды. Но ты учти, они там копят...
- Где там? В душе?
- Какой в душе. В желудке. Ну, vedi, борец за трезвость в отдельно взятом эвенкийском обществе.
- Они дошли, наконец, до большого, по местным, конечно, меркам, универмага, Кира провела его в винный отдел, и Костик ахнул: на полках, кроме всего прочего, стоял любимый «Баллонтайн».
- Уж его – то никто подделывать не будет, - сказал он Кире. Та только пожала плечами. Костик накупил целый пакет разного спиртного, потом пошли всякие копчености, овощи, фрукты, конфеты...
- Хватит, Костя. Ты их так обидеть можешь.
- Понял. Идем отсюда, а то я куплю этот магазин.
На улице Кира остановилась и кивнула на стоящий особняком дом с флагом на крыше.
- Кстати, администрация. Может, и правда, зайдём, представишься. Все равно ведь узнают, кто ты.
- Ну и пусть узнают. Пусть знают, кто. Главное, чтобы не знали, зачем. Кира, нужно сделать так, чтобы о нашем проекте никто не знал пока. Так что зайти, конечно, можно, но не нужно.
- Тогда возвращаемся. А то у меня что – то на душе не так, как – то мы ушли нехорошо, сейчас вот с пакетами...
- Зато живыми останемся.
- За столом, кроме хозяев, появился еще народ.

- Это их дочка, Женя, с мужем, - шепнула Кира и бросилась обниматься с молодыми супругами. Где – то по возрасту они равны были, от двадцати пяти, ну, чуть, может, больше. Кира просто светилась от радости.
 - Че - то больно хорошо все, - промелькнуло у Костика, распаковывавшего пакеты, - тьфу ты, хватит каркать...
- Старик долго вертел бутылку «Баллонтайна», рассматривал этикетку, тряс бутылку, смотрел на донышко... А потом пошли обычные поминки. У эвенков они такие же, как у русских. Поминали – поминали Спирьку, постепенно просохли слезы, начали говорить о сегодняшнем, насущном.
- Завтра – послезавтра с хозяйкой на стойбище собираемся. Не хочешь с нами, Кира? Ты же уже кочевала, вроде, нравилось тебе, - спросил Куйки.
 - Я!? Очень хочу, - сказала Кира и вопросительно посмотрела на Костю. Но с тем было все ясно, он уже и на луну по веревочной лестнице с ней полез бы.
 - Здорово, - обрадовалась Татьяна Федоровна, - посмотришь, Костик, какие мы на самом деле.
 - Другие?
 - В тайге настоящий дом. Но и от поселка никуда не денешься, это верно.
- Потом зять, Василий, достал аккордеон, начал наигрывать что – то, все расслабились, сидели, говорили вполголоса, заползали в окна тени, закатывалось солнце, Костя, потихоньку, встал, вышел, сел на крылечке, закурил. Вслед за ним вышла Татьяна Федоровна, присела рядом, раскурила короткую трубку.
- Как у бабули, - отметил Костик, - надо ей подарок сделать, у меня же табак, кажется, с собой есть, «Данхилл», если память не изменяет.
 - Ты, Костик, хороший парень, хоть и большой начальник, - пыхнув пару раз сказала Татьяна Федоровна.
 - С чего вы взяли? Ну, что начальник?
 - Я их, паря, за сто километров чую. Старая уже, не обманешь. Так я что? Ты уж девку – то не обидь. Больно Кира хорошая девка.
 - Не обижу. Это уж будьте уверены – не обижу.
 - Да верю. Говорю же – хороший парень.
- В это время вышла Кира, и они замолчали.
- Сумерничаете?
 - Садись, Кира. А я уж покурила, пойду. Вы подышите, да возвращайтесь.
 - Ты как, не устал?
 - Я? Да на мне еще воду возить можно. Ты лучше о себе расскажи.
 - Сейчас? – Растерялась Кира.
 - Сейчас, - Засмеялся Костик, - хотя, что рассказывать, и так все видно.
 - Что же тебе видно?
 - Словами не объяснишь. Можно, я лучше тебя поцелую...
 - Костик, ну ты что, фить – фить, что ли? – Не могла отдышаться Кира.
 - Как это : фить – фить?
 - Ну, сумасшедший...
 - Это есть. Признаю. Но вот фить – фить – откуда это? Никогда не слышал.
 - Сама придумала.
 - Ты моя хорошая, - опять потянулся к ней Костик.
 - Э, нет. Задушишь. Пошли за стол, неудобно.
- Они вернулись, выпили еще, и Куйки попросил: «Ты бы спела, Кира. Больно замечательно поешь»
- Ты же, старый, все равно ничего не слышишь, - прокричала ему Татьяна Федоровна.
 - А и что, что не слышу. Я вижу – больно замечательно поет.

Василий выжидающе посмотрел на Киру. Та немного поколебалась, потом тряхнула своей светлой головкой, и спросила: « Виновата ли я» знаешь?

- Конечно, - заулыбался музыкант, и тут же заиграл этот вечный русский хит. Кира, склонив голову набок, немного послушала, потом, поймав такт, запела: «Виновата ли я, что мой голос дрожал, когда пела я песню ему».

И так она пронзительно пела, так высоко взлетал голосок, Костя смотрел на это стройное чудо в джинсовом костюме, и сердцем чувствовал неуверенность Киры, и оборвалось сердце у Костика.

- Все, сбила меня девка, в лет, - подумал он.

У эвенков не принято показывать что им что – то сильно нравится, Костя это еще по якутским обычаям знал. Вот и сейчас, все сделали вид, что ничего не произошло, один Куйки сидел, головой качал, причмокивал.

Костя наклонился к Кире , и сказал тихо: «Надо поговорить».

Как – то, наверное, блестели его глаза. Она тревожно посмотрела в них : « Сейчас?»

Костя улыбнулся. Второй раз за полчаса она задавала ему этот вопрос, и видно было, что и тогда, и сейчас, ей не по себе.

- Да нет. Ты не беспокойся, все в порядке. Но надо поговорить. Вернемся в гостиницу...
- Лучше уж тогда снова на поляну.
- Лучше, - согласился он.

Когда они засобирались, Куйки сказал: « Завтра надо в тайгу идти. Больно много водки выпили, еще сейчас выпьем. Уходить надо. Часам к трем приходите. Кира знает, как собраться.»

- Я и сам знаю, - подумал Костик, но промолчал.
- Давай в гостиницу на минутку заскочим, возьмем с собой чтонибудь, - сказал Костя.
- А не много будет? – Засомневалась Кира.
- Ты что, чувствуешь, что много?
- Честно? Нет, не чувствую. Все, что угодно, чувствую, а что много – нет.
- Ну и порядок.

Кира села на лавочку у входа, закурила свою «пахитоску», а Костик, прыжками, забежал в номер, сгреб в пакет коньяк, виски, икру, лимоны, яблоки, груши... Остановился, посмотрел по сторонам. Он и сам не понимал, что сейчас делает, руки сами все собрали.

- Ну, с Богом, - сказал Костик вслух. Вот так припекло, и Бога вспомнил. Разожгли костер на вчерашнем пепелище, Костя налил по рюмочке, выпил, выдохнул: «Надо поговорить».

Кира смотрела в огонь.

- Что? – Спросил Костик. – А, ну да. Тогда слушай.
- И он рассказал ей все, ничего не утаил. Иногда внутренний голос предупреждал его: «Молчи, дурак, это никому нельзя говорить», но Костик не слушал. Потом остановился : « Кира, мы уже часа два ничего не пьем».
- Сейчас налью.
 - Налей. А то у меня колотун какой – то, боюсь, пролью.
 - Костя, я тебе сейчас страшную вещь скажу...

Костика, беднягу, так и прижало, он аж голову склонил. Наговорил черте что...

- Стыдно, конечно, но, раз ты правду, так и я должна... Я сейчас себя еще лучше чувствую, чем вчера. Ужас, конечно, но это так. Теперь я знаю, что могу стать нужной тебе, могу помочь. И я счастлива. А то ощущала себя Золушкой какой – то. Не люблю я эту историю про хрустальные башмачки. Хотя у меня – то...

- Да уж вижу. Миниатюрные ступни, - Костя перевел дух, - но я о другом. Что – то не слышал никогда о Золушках с научными степенями. Да и из меня наследного принца не получилось.
- Слушай, неужели это все правда – ведь еще неделю назад мы незнакомы были!
- Кирка, и ты туда же! Я себя уже за руку хватаю, хорош сомневаться.
- Ладно. Давай еще немного посидим. Без сомнений. И обними меня, наконец.

Х

Х

Х

Утром голова раскалывалась у обоих.

- Да, хорошая водочка была у Куйки. И ведь выпили – то всего по рюмке. Ну, ладно, надо приходить в себя. Сейчас, Кирочка, ты со мной в душ пойдешь.
- Что, думаешь, одна не справлюсь? – Простонала Кира.
- Дело не в этом. Это будет не простой душ, а реанимационный.
- Ох, ладно. На все согласна.
- Ты лежи пока, я сейчас.

Костик спустился в буфет, подошел к стойке. Вчерашняя буфетчица приветливо сказала: « Доброе утро, Константин Алексеевич».

- Так, - Костя чуть не чертыхнулся вслух, - уже сообщили здешним холуям, что я здесь. Начнут пасти... Хотя, как они меня в тайге проследят? Да, с другой стороны, черт с ними, пусть пасут, если делать больше нечего.
- Тебя – то, красавица, как зовут?
- Тамара.
- Значит так, Тамара. Есть у тебя чистое ведро, желательно из пластика?
- Конечно, вот, продукты держим.
- Дашь мне его на часок, а?
- Да конечно, какой разговор. Только зачем оно вам, все, что нужно, я вам приготовлю.
- Не сомневаюсь. Ведро мне нужно для водных процедур – обольюсь холодной водой.
- Так душ же есть.
- Не тот кайф. Теперь насчет «приготовлю». Сначала две бутылки шампанского, вон то, советское...

Тамара дала ему бутылки, Костик взял одну, вторую поставил на стойку.

- Это тебе, красавица. Выпьешь вечером за наше здоровье...
- Ой, да что вы, Константин Алексеевич, да зачем же, спасибо.
- Не за что. Дальше идем. Через час, где – то, мы с Кирой придем обедать, так ты уж сделай нам лапшу куриную, ладно.
- Обязательно сделаю.
- Покажи – ка, где у тебя курицы...
- Вот, смотрите, - Тамара распахнула холодильник, и Костик выбрал птицу покрупнее.
- Свежие?
- Только вчера из совхоза привезли.
- Ладно. Когда сварится, держи все на медленном огне, не выключай. Договорились?
- Договорились.

Костя вернулся в номер, Кира сидела за столом, держала голову в руках.

- Бросил меня, инвалида...
- Сейчас, сейчас, потерпи минутку.

Костя открыл шампанское, они выпили по стакану.

- Теперь душ.

Они зашли в душевую, закрылись, слава Богу, кабинок было целых три, пошли под горячую воду.

- Кира, сейчас чем горячее, тем лучше. И потерпи, ладно.
- Терплю, терплю...

Сам Константин быстро разогрелся, молча опрокинул на себя два ведра холодной воды, вышел, растерся, и подошел к Кириной кабинке.

- Как насчет того, чтобы облиться?
- А я что делаю?
- Ты сейчас воду выключишь, а я стану на табуретку в соседнюю кабинку, и опрокину на тебя пару ведер холодной.
- А нужно это?
- Потом сама поймешь.
- Ну, давай. Хотя мне и так, вроде бы, полегчало.
- Совершенству нет предела. Будет еще легче.

Но когда ухнул на нее сверху первое ведро, Кира аж присела.

- Ты садист. Я все думала, на кого ты похож? На садиста.
- Сейчас, миленькая, секунду...

Он набрал второе ведро, встал на табуретку. Кира, сжавшись, сидела на корточках.

- Ладно, - сказал Костя, - можно и так.

После заставил ее докрасна растереться. Она надела спортивный костюм, присела на лавочку, расслабилась.

- Ух, хорошо – то как...
- А я что говорил?
- Все равно, ты садист. Второе ведро вылил из чистого удовольствия.
- Ну, есть немного, - согласился Костя. Кира ахнула.

Костик разлил оставшееся шампанское и скомандовал: «Пьем, и сразу в буфет. Пищу принимать.»

Кира выпила, прислушалась к себе.

- Слушай, а ведь и правда, можно уже и пищу...
- Не можно, а нужно.

Тамара, увидев их, разлила лапшу в две огромные пиалы.

- Курицу отдельно?
- Как ты догадалась? Мысли читаешь, Тамара.
- Костя, что это?
- Предварительный заказ. Ешь, пока горячее, иначе не поможет.

Потом они разобрали по частям курицу. Костя взглянул на часы, было начало двенадцатого.

- Есть свободное время. Спать?
- Кира посмотрела на него, глаза потемнели.

- Спать...

Полчаса они действительно поспали.

- Давай, Костик, собираться. У тебя спортивный костюм есть?
- Все есть. Что с собой взять: водку, коньяк или виски?
- Ничего, - отрезала Кира.
- Правильно, - мирно сказал Костик и незаметно положил бутылку коньяка на самое дно своего небольшого рюкзака. Сверху бросил пару темных футболок, плавки, зубную пасту, вообще, всякие мелочи.
- Я готов. Ты как?
- Да я, вроде, тоже
- Там, у стойбища, никаких водоемов нет?

- Есть, ручей, но вода в нем – ледяная.
- Кирка, да это же рай . Покупаемся...
- Нет, - закричала Кира, - нет. И тебе не позволю, ты не представляешь, какая это холодрыга...
- Ну что ты кричишь. Нет так нет. Но купальник все же возьми – загорать.
- Змей – искуситель. Ладно, беру.

Костик уже вспомнил, кто его змеем звал. До него, наконец, дошло, что, глядя на Киру, он все время невольно вспоминает Дусеньку. Комок подступил к горлу, он закурил, чтобы скрыть, но Кира все равно заметила.

- Костик, ну что ты, ну, если любишь, ну лезь ты в этот ледник... Ну не расстраивайся, прости меня, дуру...
- Кирка, иди ко мне. Сядь на колени, сиди, и молчи, ладно.

Так они и замерли минут на десять. Но пора было идти к Куйки, его хозяйке, убежать, вместе с ними, в тайгу. Хотя, если честно, уже и не хотелось. Но они встали, Костик в последнюю минуту вспомнил про табак для Татьяны Федоровны, чем привел Киру в какой – то непонятный ему восторг, и они двинулись.

Собирались старикам помогали молодые. Наконец, все вьючные сумы – инмэчка – были загружены в лодку, и Василий переправил их на левый берег. Женя стояла и махала вслед. На том берегу расстались, но сначала зять помог составить аргиш – караван из трех связок оленей, в каждой по шесть штук. Все они паслись в загоне у какого – то русского мужика, чей дом стоял немного на отшибе от пяти остальных. Старики, лишь только аргиш вошел, сначала по дороге, а потом по тропе, в тайгу, тут же повеселели. Хотя, конечно, похмелье сильно терзало, но терпели, заначки, видно, не было, ждали, пока само пройдет. А потом тайга и дорога отвлекли их от мучительного состояния. Татьяна Федоровна, шедшая в середине, на бедном олешке, который немного подкашивался под ее грузным телом, достала дареный «Данхилл», и аж зажмурилась от удовольствия, не сдержалась. Первым шел старик, замыкали Кира с Костилом. Кира ехала верхом, а Костик пошел рядом с ее оленем, что – то ему не очень понравилось на спине у таежного животного. Да и разговаривать так удобнее, Косте это было гораздо важнее диковинной верховой езды. Больше того, он мог касаться Киры ежеминутно, что тоже было необходимо.

- Ты знаешь, мне вообще – то приходилось их использовать, но зимой, и ехали мы на нартах.

От Киры, чуть – чуть покачивавшейся на олешке, шли волны счастья. Костю они окатывали и пьянили. Он что – то говорил, а сам все вспоминал: было с ним когда –нибудь такое или нет? Нет, не было, ни разу в жизни. Он отворачивался, чтобы скрыть улыбку – совершенно глупую, как ему казалось – и замолкал на минуту.

- Совсем пробки вышибло, - пытался он урезонить себя, и тут же делал нелогичный вывод, - замечательно.

С десятка взрослых оленей, и столько же оленят, сопровождали аргиш по бокам. Все стадо семьи Сычегиров. Татьяна Федоровна время от времени кричала: « мэтэ – мэтэ – мэтэ » и « куу – куу – куу » - требовала, чтобы и стар, и млад не отставали от аргиша. Они слушались, бежали рядом, в тайгу уходили недалеко, хозяйка была довольна. Через час решили сделать привал, больше олешка Татьяну Федоровну на себе не выдерживал. Куйки сразу исчез, Костик возился с костром, Кира с Татьяной Федоровной присели покурить. Через несколько минут раздались два выстрела, почти дуплетом.

- Молодец, Куйки, - сказала Татьяна Федоровна, - двух добыл...
- Кого двух?
- Двух глухарей. Раз два раза выстрелил, значит двух. Да и то, нас – то теперь четверо. Обычно он одного стреляет.

- Точно глухарей?
- Так уж который год так, только здесь отдыхаем. А они вон токуют, триста метров не будет. И тоже, каждый год...
- Традиция, значит...
- Точно, Костик. Больно вкусная традиция, сейчас попробуешь. А Куйки хорошо глухарей бить: он глухой, они, когда токуют, ничего не слышат... Сам – то, Костик, постреливаешь?
- Было когда – то. Сейчас нет, не балуюсь.
- А, ну, ну. А уж мы то со стариком охотимся, в тайге никак без охоты...
- Вы, Татьяна Федоровна, молодцы.
- Правду говоришь, Костик. Когда в тайге, молодцы, когда в поселке, не очень. Дураки, когда в поселке.

Глухарей хозяйка с Кирой ощипали в мгновение ока, через час, отдуваясь, при помощи длинных посохов, взгромоздились на оленей, и аргиш поплелся дальше. Хотя, как оказалось, до стойбища было уже рукой подать, через полчаса показался остов чума.

- Зачем передышку делали, - спросил Костик у Киры, - ведь в двух шагах от места были?
- Так она же объяснила – традиция. Вернее, ты так сказал, а для них это уже часть ритма кочевой жизни. Не остановишься, потом будет где – нибудь сбой.
- Понял, - только и ответил Костик.
- А ты правда совсем не охотишься?
- Правда.
- А раньше, значит, любил это дело. Что – нибудь произошло?
- Ну, Кирочка, от тебя ничего не скроешь. Произошло. Но сейчас не хочется про это. Потом, как нибудь, расскажу.
- Смотри, Костик, не обманывай девушку.
- Да чтоб я пропал на этом месте...
- Костик, - пугалась Кира, - никогда так не говори. Слова материальны...

Они разожгли костер, который назывался «гулувун» - бревна лиственницы Костик с Куйки уложили «солнышком», по кругу. Такой костер горит дня три – четыре равномерно, только поглядывай за ним, и все дела. Попили чаю, принялись за хозяйство – покрыли чум брезентом, Костик ушел за валежником, Кира с хозяйкой распаковали инмэчка, старик сновал по стойбищу, делая десять разных дел сразу, да еще и стадо определил неподалеку. В тайге Костик присел на упавшее дерево и подумал: « Да на фига им этот фонд. Только пить больше станут. Нет, если затевать, то только с такими, как Кира. Эта точно знает, как им помочь... Им, и мне. Прямо, мать Тереза. Так может, не стоит заморачивать ей голову такими делами?»

Так ничего и не решив, он начал рубить еловые лапы. Запах живой хвои, елочной смолы, бил в нос, прямиком, голова от него начинала кружиться, Костик опять присаживался, и мысли эти никак не давали покоя.

- Ладно, - наконец подвел он черту, - все равно, неясно, будет этот фонд существовать вообще, или нет. Но жутко интересный проект. В конце концов, с моим пакетом акций, можно попробовать разные варианты, в том числе и силовой. И никуда этот долбаный Толик вместе с «Горностаем» не денутся. А если он к тебе – силовой? Забыл, что там сейчас в Москве происходит? Да замучится, я ему без всякого Хоттабыча башку отверну, если что...

На этой мажорной ноте, Костик, плюнув с досады на не вовремя хлынувший поток сознания, заткнул топор за поясницу, собрал валежник, вернулся на стойбище. К нему тут же подошла Кира, незаметно поцеловала. Соскучилась. И забыл Костик про фонд, про «Горностаю», про Толика с Хоттабычем. Надо было обустривать чум «дюю» внутри : дело, скажем прямо, с непривычки, непростое.

Обтянув вторым слоем, уже толстым брезентом, жерди, поставленные на конус, старик спросил: « Что будем внутри ставить – дымокур или печку?»

- Дымокур, - ответила Татьяна Федоровна.

Короче, просто уложили в середине чума дрова П - образно, застелили пол валежником, потом устроили спальные места : «малу» - для гостей, «бе» - для хозяев.

- Ладно, - сказала Татьяна Федоровна, - хватит на сегодня. Умаялись, наверное?

- Да нет, ничего, - Кира и правда выглядела молодцом.

- Тогда мы спать, а вы, как хотите...

Они ушли в чум, Костик присел рядом с Кирой, у костра, конечно, обнял ее. Долго молчали, огонь завораживал, говорить не хотелось, ничего не хотелось, кроме одного – прижавшись друг к другу, смотреть на пламя гулувуна.

- Слушай, а эти матрасы, ну, для нас, они из оленних шкур?

- Точно. Ты, оказывается, много знаешь про эту жизнь.

- Так ведь и правда охотником был. А бабуля моя, так та вообще, как ты говоришь, пограничная.

- Она тоже, как и родители, уже умерла? Или жива?

- Ни то, и ни другое...

- Костик, это как же?

- Пропала она. Где - то на Ороне, я думаю.

- На Ороне!? Слышала я про это озеро. Так как пропала, расскажи.

- Нечего, Кира, рассказывать. Ушла в тайгу, когда в семье никого уже не осталось, и не вернулась. И как я ее только не просил, чтобы к нам переехала, бесполезно. Так что – ни живая, ни мертвая.

- А почему ты думаешь, что именно на Ороне?

- Ну, это наше с ней озеро. Вот и определила для меня координаты. Помнишь, ты спрашивала, почему я перестал охотиться?

- Ну конечно. Обещал рассказать.

- Дело, в общем, простое...

Костик рассказал ей, как убил на Ороне молодую медведицу, как ему тошно от этого было, и до сих пор еще не все прошло.

- Эвенки, кстати, тоже медведей только в крайнем случае бьют. Только когда те их доставать начинают. А потом ниматчат.

- Ниматчат?

- Обычай такой, шкуру медведя никогда себе не оставляют, дарят комунибудь. Нимат. А знаешь, как Орон с эвенкийского переводится?

- Нет. Даже и не знал, что это эвенкийское слово. Просто с детства Орон да и Орон.

- Олень. Значит, все могилы в Бодайбо?

- Все там. Хватит о грустном. Я тебе вот что хочу сказать, но только на ухо...

- Почему? Кто здесь что услышит?

- Давай ухо, не спрашивай.

Костя долго шептал Кире всякую нежную ерунду, она слушала – слушала, голова клонила, потом, как в вертолете, ткнулась ему сначала в плечо, потом в грудь...

Костик взял ее на руки, отнес на почетное место в чуме – малу, и сам сорвался в сон, как камень в пропасть – только беззвучно.

Х

Х

Х

Что-то непривычное ощутил Костик в родном теле, когда, боднув головой полог уркэ – выхода – выполз наружу. Солнце ослепило, какое – то необычное было лето, еще только начиналось, а жара подступала прямо с утра. Но не в этом, конечно, было дело. Просто странно чувствовать в себе мощь, пусть небольшого, но локомотива. Как в молодости. Вроде бы и недавно все было, но, оказывается, успел забыть основательно. Костик спиной

почувствовал крадущуюся к нему Киру, резко повернулся, сгрёб ее, взвизгнувшую от неожиданности, в охапку, подбросил, поймал, поставил на землю. Она очумело помотала головой : « Что это было?»

- Действительно, черте что, и с боку бантик. Испугалась?
- Не успела. Нет, ну ты даешь, как пушинку подбросил.
- То ли еще будет. Где, ты говорила, ручей течет?
- Сначала завтракать. Я, кстати, уже умылась, уже чистенькая, мне зачем эти водные процедуры...
- А никто и не предлагает. Просто проводишь, чтобы я не блудил. - Спокойно сказал Костик.

Татьяна Федоровна поставила перед ними кружки с обжигающим чаем, и дала берестяные стаканчики с чем – то молочным.

- Как называется это объединение?
- Это, Костик, оленьи сливки с голубикой, по нашему – «итыкча укумми».
- А еще есть эта итыкча...
- Есть, конечно. Ешь, дорогой, ешь, если нравится.
- Не то слово – нравится. Давно встали-то?
- Дак с утра, с рассветом. А Куйки ночью ушел.
- Охотиться?
- Ага. Сегодня сохатого должен добыть. Пока спал, говорит, звал его на заветное место. Должен придти.
- А мы, Костик, пока поможем Татьяне Федоровне.
- Чем?
- Надо над гулувунном «хонан» поставить.
- Треножник, что ли? Сделаем. Только сначала на ручей сбегает.
- Дался тебе этот ручей...

По дороге к нему Костик совсем разошелся : поминутно тискал Киру в объятьях, целовал, подбрасывал, нес на руках... Та пищала, отбрыкивалась, но терпела. Возмутилась уже у ручья, когда Костя достал два полотенца и ее купальник.

- Зачем ты его взял? Ты же видишь, боюсь я ледяной воды...
- Агрессивная среда, - нарочито меланхолично ответил Костик, - кто ж ее не боится? Ладно, шучу я, переоденься, да и посиди, позагорай. Хотя лучше вовсе без него обойтись. А я и вправду окунусь.

Он подошел к воде, постоял, собираясь с духом, и плашмя упал в быструю воду.

Обожгла она его нещадно, видно, недалеко таяли снега, которые питали ручей. Костя выскочил, не смог просидеть в нем и минуты.

- Что? – Смеялась Кира. – Понял, какая здесь агрессивная среда!? Не из под крана.
- Да. Знатная вода.

Костик растерся, сел рядом с ней, и сказал: « Похоже на медовый месяц».

Кира, кожа которой уже сильно нагрелась, молча прислонилась к горячему красному Костику.

- А что?! – С вызовом сказал он. – В моем представлении, он таким и должен быть. Что, я не имею права на собственное представление!?
- Дурачок, - погладила его Кира, - может, ты и прав. Посмотрим.
- Посмотрим, - повторил Костя и сам начал так нежно ее гладить, что Кира через минуту не выдержала и сильно прижалась к нему...

Когда возвращались, она, шедшая как всегда, впереди, приостановилась, и, смущенно улыбаясь, сказала: « Здоровый какой...»

- Это плохо или хорошо?

- Ещё спрашиваешь. Лучше – то, скорей всего, не бывает.
- А чего раньше молчала, не хвалила?
- Ну тебя, Костик. Засмутил вконец. Я и сейчас – то тебя еще стесняюсь, а раньше...
- Кирка, родненькая, язык у меня сегодня без костей. От счастья, ты уж прости.
- Еще бы я тебя не простила. Ладно, Костик, ты вот что скажи: как тебе наши Сычегеры?
- Слов нет, отличные ребята. Кир, ты не сомневайся, я все помню. И думаю об этом постоянно, прикидываю, так, и эдак. Хотя, сам удивляюсь, как это мне сейчас удастся.
- Да у меня тоже самое. Потом поговорим?
- Кир, ну что ты! Как мы можем не поговорить, о чем ты спрашиваешь!
- А что? – Передразнила его недавний вызов Кира, - Спрашиваю. На самом деле, для самоуспокоения.

Над стойбищем стоял крутой мясной запах, перебивший все остальные. Бодренький, будто и не провел полночи в тайге, Куйки, ошкуривал жерди для хонана, Татьяна Федоровна что – то варила.

- Как поохотились? – Спросил Костя.
- Слава Богу, добыл сохатого. Уже к утру на мой скрад вышел. Костик, я что смог, припер сейчас, но после обеда надо сходить за мясом. И печет сильно, да и зверь растащит, если до вечера не заберем.
- Да какие разговоры, Анатолий Павлович. Конечно, сходим. Давайте топор, я дошкурую.
- Ага, ага, дошкура. А я покурю маненько.

Они поставили треножник, сели за стол, хозяйка разлила в миски эвенкийский суп хирба, в котором преобладало, в основном, мясо, попили киселя, покурили в тени чума, потом Куйки поймал двух оленей, и они с Костиком ушли в тайгу. Кира с Татьяной Федоровной сидели, молчали, тоже покуривали. Хозяйка улыбалась – одобряла выбор Кире. И по той было видно, как ей это приятно.

Костик с Куйки тоже молчали. Старик шел абсолютно бесшумно, Костик от него не отставал, хоркали изредка олени, но вокруг все пело и звенело, тайга радовалась наступившему лету.

- А что, дочка, Женя, не любит охотиться? – Спросил Костик. Что – то ему поговорить захотелось.
- Как не любит? Еще как любит. С работы не отпускают.
- А где она работает?
- В сувенирном цехе, всякие наши, илимпейские, безделушки шьет. Но, кажись, скоро можно будет и ей на сохатого сходить.
- Что, отпуск?
- Нет, Костик. Сокращают полцеха. А остальная половина будет за те же деньги столько же делать. Представляю, что они наделают. Так что, сдается мне, сократят дочку. Шайтан во сне приходил, предсказывал.
- А Василий?
- А Васька – то ничего, столяром он. Этот всегда при деле будет. За Женю боюсь. В тайге она – черт, а вот в поселке... Запить может, слабая характером, когда в поселке.
- Да, дела. А цех – то чей, частный?
- Да вроде, да. Я точно не знаю, ты у моей спроси, она в курсе.
- Понял, понял. А может и не плохо, что сократят? Сами же говорите, тайгу любит, будет с вами постоянно...
- Нет, Костик. У нее уже не получится. Затоскует, да и Васька дело не бросит. Вот я и говорю – как бы беды не было. Жалко дочку. Ох, шайтан, Спирьку забрал, теперь вот к Жене подбирается...

- Ну, Анатолий Павлович, вы погодите – то раньше времени горевать. Да и мы с Кирой вашей семье поможем, если уж что – то такое случится. Да даже не случится – вот вернемся через день – два в Ербогачен, я похлопочу за Женю.

Куйки сидел, покачивался на олене, придерживал ладонью ухо в Костикину сторону.

- Похлопочи, похлопочи, сынок. Жалко девку, хорошая у нас дочка, зимой две семьи на себе тащит, нас и Ваську.
- Что, тоже пьет?
- Да не шибко. Но бывает. Она два – три дня подождет, потом давай его ругать. Ну, он слушается, бросает. Да и рожать уж ей пора, а куда рожать без работы?
- Ваша правда. Ничего, помогу, не беспокойтесь, Анатолий Павлович.

Вернулись они к вечеру. Костик взял кусок сохатины, нарезал шашлык, замариновал мясо с луком. Сели у гулуна, поговорили. Старики расспрашивали Киру, как ей там, в Иркутске, живется, что так редко приезжает. Потом поужинали, и Куйки с Татьяной Федоровной сразу ушли спать.

- Деликатничают? - Спросил Костик.
- Да нет. Они всегда рано ложатся, после ужина. Так ведь и встают спозаранку. Это мы с тобой поспать любим.
- Ну, ты то рано встала.
- Так получилось. А вообще люблю поспать подольше. Всегда стараюсь брать часы после обеда.
- В смысле лекции?
- Ну да.
- А еще что ты любишь?
- А еще...- тут она посмотрела на него. Костик уже знал, отчего Кирины глаза темнеют. – А еще я недавно полюбила...
- Кирка... повтори... - обомлел Костя.
- Сейчас, - шепнула Кира, нырнула в чум, взяла олений матрас, скатала его, и они уже вместе нырнули в чернеющую чашу.

Потом еще долго лежали, смотрели в звездное небо, искали спутники, да у тех, наверное, в ту ночь маршруты мимо проходили.

- Костик, - осторожно спросила Кира, - ты только не обижайся, ладно?
- Что – то случилось?
- Надо потихоньку возвращаться. Я ведь только на неделю отпросилась.
- Кира, да что тебе эти лекции? Ну, опоздаешь на несколько дней, не катастрофа, верно?
- Костик, есть вещи, о которых со мной и говорить не стоит. Я сказала на кафедре, что вернусь через неделю – и я вернусь через неделю.
- Ну, Кирка... - Костик оперся на локоть, посмотрел на нее, - молодчина. Даже и не ожидал...
- А что ты ожидал?
- Ты права. Как – то еще и не думал ни о чем таком... Хорошо, послезавтра возвращаемся, потом день – два в Ербогачене, и в Иркутск... Ну, Кирка, уважаю... Она обняла его. Прижалась. Он провел ладонью по её лицу, почувствовал слезы, испугался.
- Что ты?
- От счастья, Костик. От счастья.

Х

Х

Х

Брезент накалялся мгновенно, и к полудню жара в чуме была невыносимой. И весь день его обитатели провели на улице. После ручья, после завтрака, Костя с Куйки взяли за топоры и стучали до обеда. На стойбище было три лабаза, один, «муко», самый сложный, на двух

жердях, для мяса, помосты, вешала «локоун» для шкур, да и мясо на них можно вялить – тюкали и тюкали до обеда, подновляли. Сели есть, Татьяна Федоровна все Костику подкладывала лучшие куски, кто еще в Москве так покормит... Костик шепнул Кире: «Загорать пойдем?»

- Загорать? – Шепотом спросила она.
- Ну да. Загорать.
- Ну, идем быстрее.

Голубика уже поспела, они набрали на поляну, где жарки цвели пополам с её кустами, да так и остались там. Через час Костик спохватился: «Блин, я же еще мангал должен сделать, шампуры, Пошли, Кирочка, а то лопнем от этой голубики.»

- Сейчас, - Кира подняла от куста лицо, совершенно синее. Костик рассмеялся.
- Смеешься? А на себя – ка посмотри...

Пока Костик сооружал мангал из камней, все сидели на лавочке, комментировали.

- Камень камню рознь, - говорил Куйки, - его тоже подбирать надо...
- Так подбери...
- А кто, ты думаешь, ему их принес?
- А я и не заметила.
- То – то, - гордился Куйки. Кира сидела, молчала, смотрела и думала: «Чё это у меня все время слезки на колесках? Нет, нельзя так, все на сплошном нерве, Кира, надо успокоиться. Хотя, как тут успокоишься...»

Костя ловил ее взгляд и помаленьку сходил с ума.

- На хрена этот шашлык нужен? Столько времени теряем, лучше бы по тайге побродили. Скоро уже в Иркутск. И что? Кто сказал, что Иркутск это место для расставания? Нет, брат, Иркутск – это место встреч... Но такое уже вряд ли когда -нибудь повторится. Нет, ей Богу, сейчас все брошу и уведу ее на ту поляну, Тело работает рефлекторно, как у профессионала дзю – до. Да при чем здесь тело?! Слушай, ты кончай эти штучки. Бери себя в руки. Бери. Но толку от этого...

Потом он еще долго священнодействовал над шашлыком, чертыхаясь от того, что забыл взять или бутылку сухого, или, на крайний случай, газированную минералку. Все его успокаивали: шашлык, по их словам, был вкусным. Куйки включил приемник, и они так славно посидели, обедаясь шашлыком, чокаясь чаем, и слушая группу «Чингиз – хан». Костик, как и любой влюбленный, все старался прислониться к Кире тем или другим боком, та понарошку пугалась: «Костик, ты совсем фить – фить? Потерпи...»

Вобщем, вечер, по его мнению, сильно затянулся, и когда старики ушли спать, Костик, без лишних слов, сам забрал матрас, и только и сказал Кире: «Это кто из нас двоих еще садист...»

Долго еще стучало в висках. Костик, прикурив две сигареты, дал одну Кире, затянулся, и сказал: «Удивляюсь, как это полтайги на эту поляну сейчас не подтянулось...»

- Зачем?
- А узнать, чего это Кира так кричит.
- Ох, Костик, охальник. Но есть минуты, когда мне можно сказать все, что угодно...
- Кир. Я не сказать, я спросить хочу. Всегда так хорошо бывает?
- С тобой – да.
- А не со мной?
- Нет.
- Вот и поговорили. Ладно, я, конечно, не о том спрашиваю. До сих пор ведь не знаю, есть у тебя кто –нибудь или нет?
- Не лукавь, Костя. Прекрасно понимаешь, что если бы кто –нибудь был, то меня или вообще здесь не было, или ничего у нас не получилось бы.
- Это правда. И все же, Кир, что, так – таки ничего такого в жизни не было?

- Да, как – то, так. Сначала слишком много наукой занималась, не до любви было. Одни поездки в экспедиции чуть не по полгода занимали, потом из библиотеки не вылезала, отчеты, анализ, книги, лекции, диссертация... Потом родители разошлись, за маму тряслась, года полтора от нее не отходила... Вот, собственно, и вся жизнь, недолгая.
- Значит, замужем не только не была, но и не собиралась?
- Почему. – Неохотно ответила Кира. – Собиралась. Причем, не так уж и давно. Прошлой осенью.
- Так расскажи.
- А тебе это очень надо?
- Мне? Да, пожалуй, что и очень.
- Ну, тогда ладно. Хотя, ничего особенно интересного. Так, обычная история, как говорят, житейская.
- Кир, давай так. Не хочешь, не рассказывай, забыли об этом разговоре...
- Да ты что, Костик, - прижалась к нему Кира, - да я тебе всю жизнь, до последней мелочи расскажу. В прошлом году, в начале лета, летела из Иркутска в Магадан, ну, как обычно, в экспедицию. Ну и познакомилась с летчиком из этого экипажа. Приятельница познакомила – билетов на рейс не было, а он ее одноклассник, что ли... Потом я это Соне так и не простила.
- Соне? Не простила?
- Да. Кое – что она впоследствии скрыла от меня, вернее, промолчала. Ну, слушай. Но в эту минуту ближнюю опушку прорвало оглушительным треском, словно кто – то просеку за секунду захотел прорубить.
- Ой, - вскочила Кира, - что это?
- Это? Это кабан кого – то сожрать, не иначе, хочет.
- Ну, не нас?
- Что, перепугалась? А ведь старая таежница.
- Костик, какая таежница? Я этнограф, ученая дама, интересуюсь совсем даже не кабанами. Пойдем к чуму, к костру. И фонарь включи...
- Да не бросаются они просто так на людей. Ладно, идем, раз боишься.
- Ну, не то, чтобы боюсь. Побаиваюсь...
- И правда, чистой воды Дусенька, - думал Костик, когда они возвращались, - бывает же такое... Совсем ведь, казалось, две разных судьбы, а как похожи. Наверное, это не люди повторяются во времени, а души, характеры. Но это и есть – люди... Да, Боженька, - он не фразер, все видит, вернул меня в переулок Седова. А ведь, еще неделю назад, и жить – то, по настоящему не хотелось. А сейчас хочется? Сейчас хочется. Но сказать, что моя душа, стала на место... Нет, такого не скажешь. Но ничего. Разберемся. Теперь уже вдвоем – разберемся... Все равно, странно это – так хорошо сейчас, а душа, все же, не на месте... И вообще, где ее место – то?

Гулун горел небольшим ровным пламенем. На стойбище было тихо, слышно только, как хоркают олени в загоне.

- Скоро их начнут выпускать на ночь пастись, - сказала Кира, садясь на широкую лавку, покрытую все той же оленьей шкурой, - они сами пасутся, а к утру их комары подгоняют на стойбище, к хаммин – самминам, дымокурам.

Костя сел рядом, закурил.

- Ладно, продолжаю эту дурацкую историю. Хотя не люблю ее вспоминать. Сейчас поймешь, почему. Короче говоря, когда домой вернулись, в начале июля, он меня через Соню разыскал, пригласил погулять. Ну погуляли – погуляли, да и как – то так пошло, что каждый свободный вечер – вместе. Мама рада, да и мне приятно, ухаживает, встречает, провожает. Чтобы долго эту ерунду не рассказывать, перейду к основному. В начале осени он говорит: после нового года мне квартира светит, а потом поженимся. Я, идиотка, покорно молчу. А молчание знак согласия. Рухнула идиллия в

один день. Сижу дома, готовлюсь к семинару, никого не трогаю, починая примус... Звонок. Я открываю, стоит передо мной молодая женщина, да девчонка еще, чуть за двадцать, а внизу, у ног, два близнеца, года по три. Все трое смотрят на меня такими глазищами, у меня сердце оборвалось, так смотрят. Вообще, оказалось, гражданская жена его, Галя. Я их завела, она не кричит, не скандалит, просто смотрит на меня, чай прихлебывает. Потом заплакала. Пацаны только вроде оживились в незнакомой тревожной обстановке – за ней, в рев. Хорошо, мама на работе была. Ну и я, села рядом, и слезы тоже градом. Представляешь, картина?

- С трудом.
- Вот, вот. Почему я и не люблю вспоминать об этом.
- И чем кончилось?
- А чем это могло кончиться?! Поплакали, еще чаю попили, у меня ром был, торт хотела печь, плеснула в чай, успокоились. Потом они ушли, а утром этот тут как тут – разбираться. А я за ночь – то чуть не умерла от стыда, жалости и ненависти. Как Куйки говорит, до утра с шайтаном разговаривала. К сожалению, на этот раз мама была дома, и все видела и слышала. До сих пор, признается, меня с того утра побаивается. Что плохо: Иркутск город не очень большой, когда -нибудь встретимся. Ну и, боюсь, опять затрясет...
- Кир, да ты его вообще-то любила?
- Теперь понимаю, что совсем не любила. А раньше просто сравнивать не с чем было, вот и казалось. Да, конечно, абсолютно ничего похожего на то, что сейчас происходит. Эй, ты только не загордись...
- Поздно предупреждаешь, уже загордился. Крупно мне повезло с этим пилотом.
- Можно считать, и так. Хотя, думаю, впереди нас ждут непростые времена.
- Непростые, - вздохнул Костя, - но...

Кира прикрыла ему рот ладонью, и он начал ее целовать, а потом и снова вовсю занежничал...

- Костик, Костик, ты и правда фить – фить. Спать – то когда будем?
- Сейчас, - шептал Костя, - попозже...
- Слушай, что скажу... А ведь здесь нет никаких кабанов. Не водятся они здесь...
- Кто же это был? – перевел дух Костик.
- Я же тебе говорила, что слова материальны. А в здешних местах, так, кажется, и мысли. Ты, наверное, подумал, что кто-то мною заинтересовался, и вот он уже здесь...
- И, кажется, этот кто-то был сильно возбужден...
- Ну, - развела руками Кира.

Х Х Х

Старики хоть и знали, что им уже пора, все равно, когда Костя сказал, что после обеда собираются уходить, на глазах сникли. А у Киры глаза повлажнили.

- Ты чего это? – Спросил Костя, когда шли к ручью.
- А, - махнула рукой Кира, - все время плакать хочется. Никогда, Костик, никогда со мной ничего подобного не было.
- Кирка, - обнял он ее, - да мы теперь здесь частыми гостями будем.
- Мы?
- Мы, мы. Я же тебе говорю, есть, конечно, сомнения насчет нашего фонда, но есть и конструктивные мысли.
- Ух, ты, - засияла Кира, - господи, как я хочу, чтобы у них, у всех, на Катанге, стало хорошо.
- Постараемся. Пришли, ты загорай, а я, в последний раз, залезу. Теперь всю жизнь этот ручей вспоминать буду.
- Только ручей? – улыбнулась Кира.
- Ладно, ладно...

- Костик, я решила сегодня с тобой окунуться...
- Хм, - тоже улыбнулся Костик, - окунешься еще, успеешь. Нельзя, Кирка, без подготовки, сразу. Вот пообливаешься под душем, тогда.
- Да? Жаль...
- Ну, ну – опять улыбнулся Костя.
- Ах, не веришь?! Все, лезем вместе.
- Да, верю, верю.

Он подошел к ручью, упал в него, задержался, закричал: «Кира!»

Она подошла, и он обрызгал ее двумя руками. Кира взвизгнула, побежала, Костя ринулся из агрессивной среды, и долго прыгал по берегу, орал что-то. Кира веселилась, тоже прыгала, хохотала. Наблюдала за ними тайга, помахивала кронами деревьев, душила в объятиях запахами жарков, табака, росистой травы, нагревала, постепенно солнцем.

На стойбище Кира растерянно спросила: «Ну, что собираемся?»

- А чего нам собирать, Кирочка? Сейчас мы с Куйки подправим изгородь в загоне, пообедаем, да и пойдем. До вечера – то доберемся?
- Конечно. Ты же видел, здесь не так уж и далеко.
- Вот и лады.

Они весело взялись за «куре», изгородь, Костик выдирает сгнившие колья, менял их, Куйки шкурил.

- Хорошо у тебя, Костик, получается. Наверное, кто – то из твоих на стойбище родился.
- Это точно. Угадали. Главное, нравится мне топором постучать.
- Приезжай, стучи. Всегда рады будем.
- Обязательно приедем, Анатолий Павлович. И про Женю я не забыл...

Старик отвернулся, и глухо сказал: «Бог, тебя, Костик не оставит. Ну, пойдем обедать».

Женщины расстарались, мясо было и жареное, и вареное, и печеное, Татьяна Федоровна набрала с утра таежного чеснока, Костик испугался: сейчас они все это съедят, и тогда до вечера с места тронуться не смогут.

Но, посидели, погоревали молча, и смогли. Когда отошли на полкилометра, Кира обняла Костика: «Как бы там дальше ни было, но это стойбище мы с тобой не забудем, правда?!»

- Правда. Пойдем, Кирюша, через час привал сделаем, обо всем поговорим.
- Пойдем, - размазывала слезы Кира, - дошла девка, до точки...

Костик эту поляну заметил заранее, еще в первую дорогу, и когда вышли на нее, сбросил сумку и рюкзак, сказал: «Отдыхаем. Мальчики налево, девочки направо, да?»

- Давно уж надо было.

Он только зашел в лес, остановился, подождал, пока Кира отойдет подальше. Когда треск кустов затих, Костя быстро метнулся к своему рюкзаку, достал бутылку коньяка, спрятал ее под небольшое поваленное дерево у кромки тайги, и ушел по неотложным делам. Когда вернулся, Кира сидела, разглядывала содержимое инмэчка, который собирала им Татьяна Федоровна.

- Кира, ради Бога, только не мясо...
- Не мясо, не мясо... Вот, лепешки нам испекла, я попробовала, она, видимо, какие-то корни в муку добавляет, надо будет узнать, попробуй, не оторвешься... А вот пирожки с голубикой, как семечки летят.
- Кир, я тебе еще не рассказывал. У них в поселке, кажется, проблемы назревают. С Женей.
- Да, - задумалась Кира, - конечно, помочь надо. У меня в Ербогачене вся администрация в знакомцах, так что это не трудно будет сделать. Но полцеха сократят... Куда людям деваться? За всех ведь не вступишься.

- Вот в самый раз поговорить о том, на какой тонкий лед вступаем, организовывая наш фонд. Я так прикинул: для «Горностая» это с любой стороны выгодно, почет, слава и уважение за совсем небольшие деньги. Для «Горностая», конечно, небольшие.
- Наш Фонд... Костик все забываю тебя спросить: а помнишь, тогда, на Байкале, когда ты его только придумал....
- Да, как полжизни назад.
- Я тогда удивилась, что Шве́ц сразу согласился на твое предложение. А ведь я его давно знаю, сверхосторожный товарищ. По дружбе, наверное?
- И по дружбе тоже.
- А еще почему?
- Кир, ты что, в самом деле не понимаешь, какие деньги вокруг вас с ним будут вертеться?
- Догадываюсь. Но, Костик... - Кира замолчала.
- Я же говорю: надо сначала все обсудить, все предусмотреть, смоделировать, прежде чем затеваться.
- Эх, ничего себе. Даже страшновато стало. Сейчас бы вот по рюмочке не отказалась.
- Ну, что поделаешь, нету. Давай костерок разведем, ладно?
- Давай, конечно.

Костик набрал хворосту, лапника, сложил все теремком, оглянулся вокруг: «Нужно что-то посолиднее, бревнышко какое - нибудь.»

- А вон, видишь, - Кира показала на то поваленное дерево, единственное, впрочем, в секторе обзора.

Костик подошел, посмотрел, позвал: «Кир, помоги маленько».

Кира подбежала, они взяли его с двух сторон, подняли, и между ступней Кире оказалась бутылка коньяка.

- Что это?
- Ни фиги себе, - искренне, как ему казалось, изумился Костик, - кажется, коньяк. Такого не бывает. Это ж надо, кто-то из охотников спрятал...

Кира бросила бревно, взяла бутылку в руки. Дагестанский, двадцать пять лет выдержки.

- Это ж сколько он стоит? Какие охотники, Костя?
- Ну, Кир, я не знаю. Может, кто-то из коррумпированных чиновников с ружьишком баловался...
- Ох, змей... Ох, змей...
- Да ты что! Да я же от тебя ни на шаг не отходил, когда б я успел?
- Нет, ну совсем за дурочку держит. Меня, без пяти минут доцента...
- Да как можно?! Да чтоб я себе такое позволил...
- Нет, это не мы на тонкий лед вступаем. Это я, одна, на него вступаю, связываясь с таким проходимцем.
- Кирочка, ну, так, или иначе, а, согласись, вовремя...
- Разводи костер, аферист.

Они вернулись на середину, к вещам, Костик с бревном, Кира с бутылкой, сели, выпили, и Киру вдруг затрясло от смеха. Пока она хохотала, Костик невозмутимо разжег костер, достал продукты, «накрыл поляну». Кира, глядя на его спокойное лицо, взрывалась, падала на траву, колотила по ней руками ...

- Костик, перестань... Улыбнись, змей, а то я умру сейчас... Коррумпированные чиновники ему коньяк подкинули... Ох, умру сейчас...

Костик ворошил палкой дрова, чтобы лучше горели, покуривал, потом сказал: «Так вот, проблемы, конечно, есть. Ну. во-первых, тебе не кажется, что если пограничным, да и оседлым, эвенкам, давать просто, механически, деньги, они вмиг сопьются.

Сейчас-то уже беда, а если их на финансовую иглу посадить... Впрочем, сейчас так вся Россия живет. Но тогда тем более, зачем наступать на грабли?»

Кира замерла, лежа на животе. Потом села, взяла пирожок, и, явно не чувствуя вкуса, проглотила его.

- С другой стороны, они юридические владельцы этой земли, значит, и Кутыкты, тоже. Ты правильно говоришь, что от той же нынешней нашей аренды месторождения они ни копейки не получают. Все крадут эти обормоты. И этих денег они не увидят никогда, в ближайшие десять лет, по крайней мере. Хоть сегодня всех этих ворюг попересажай, послезавтра будет то же самое. Ну, не будем, вдаваться. Значит, фонд нужен, так?
 - Так...
 - Давай-ка еще по маленькой...
 - Давай...
 - Я тебе честно скажу, что смогу такой фонд пробить. В конце концов, у меня пакет акций в «Горностае» - двадцать пять процентов, а это хорошая, внушаемая, цифра, с ее помощью можно работать, что бы не произошло. Но в фонде должны быть только такие, как ты – которые точно знают, что на этой земле почем, и как не навредить.
 - Ну, наверное. Иначе, действительно, только хуже будет.
 - Хуже-то не будет. Если вдруг придут другие, они так же начнут элементарно воровать. А эвенки останутся при своих. Значит, и с этой стороны, вроде бы можно фонд создавать. Что-то я не слышу реплик, комментариев, поправок, добавлений...
 - Нечего добавить.
 - Ну как, нечего. Вот русское население, оно здесь веками живет, а не считается коренным. Значит, и им можем помочь.
 - Ну, Костик... Продолжай.
 - Конечно, такие вещи, как закрытие половины художественного промысла, которое, как даже Куйки догадался, замешано на беспределе, мы сможем локализовать. Но в целом это уже серьезная работа, требующая анализа, мониторинга, достоверной информации. Так?
 - Если серьезная, то да. В связи с этим предложение.
 - Давай.
 - Сделать главным не меня, а Швеца.
 - Швец тоже не потянет. Много разного: издательский бизнес, своих денег покажется мало, соблазн велик...
 - Неужели ты думаешь, что Швец...
 - Да не думаю я так. Просто хочу, чтоб и шанса такого не было. На фиг нам это нужно, сама посуди... Да и эвенков он, кажется, и в глаза-то никогда не видел. Вообще, все сходится к тому, что придется мне этим заняться. А вы будете помогать...
 - Костик, стоп. Можно я налью и тост скажу?
 - Не можно – нужно.
 - Ой, че-то меня повело немного. Но ничего. Так вот, Костик, давай выпьем за то, что ты сейчас сказал. Я, честно, чего-то такого ожидала, но...
 - Что - но?
 - Боялась думать. За тебя, мой родной.
 - Кир, да ты не думай, что это чистая благотворительность. Просто буфером между «Горностаем» и действительностью могу быть только я, больше никто. Да и потом...
 - Что?
 - Потом, для меня это пока соломинка. А надо попытаться сделать большой плот. Я попытаюсь.
 - Давай за это...
- Кира выпила, зажмурилась, потрясла головой. Потом подняла руку: «Можно по повестке?»

- Валяй.
- Костик, ты вот что... Ты можешь меня, пьяную, сильно и страстно поцеловать?
- Сейчас узнаем...

X X x

В гостинице было все также тихо и безлюдно. Перебравшая коньяка и впечатлений, валившаяся с ног от усталости, Кира попыталась было бухнуться в постель прямо в одежде, но Костик раздел ее и уложил под одеяло. Через секунду она уже что-то шептала и причмокивала во сне. Костик сходил в свой номер, достал сигареты, бутылку водки, нашел забытую банку черной икры, вернулся к Кире, сел в полуразвалившееся кресло, поставил водку и всю имевшуюся снедь перед собой на низкий столик, налил полстакана, выпил, и, не закусывая, растянулся, закрыл глаза. Потом посмотрел на Киру, и подумал: «Фиксируй момент. Вот это, собственно, и есть счастье.»

X X X

Глава администрации, по сути, первый человек во власти, вершивший здесь, на Катанге, вся и все, маленький, юркий, но очень какой-то приветливый, жизнерадостный мужчина. Он сделал вид, что не знает о их приезде в Ербогачен, долго шумел, что, дескать, не доложили...

- Да мы так, Валентин Иосифович, полуофициально. С ознакомительной целью. То есть я – с ознакомительной, а вот Кира Ивановна меня вводит в курс.
- Ну, если Кира Ивановна, тогда все в порядке. Более грамотного гида и не подберешь.
- Мне тоже так показалось, - прищурился Костик.
- Ну, тогда вперед, в мою столовую, пообедаем.
- Специально не завтракали.

За обедом все решили: и судьбу Жени, и судьбу самого сувенирного цеха, сокращение которого Костик советовал приостановить. Мягко, но настойчиво.

- Так, ну и какие дальнейшие планы? – Осторожно спросил Валентин Иосифович.
- Вы, конечно, знаете, что в долю с «Горностаем» на Кутыкту вступила «Северная нефть»...
- Да, - задумчиво протянул глава района, - значит, разработка не за горами?
- Теперь уже точно. Теперь денег хватит на все: и на сам добычу, и на инфраструктуру, и на местные нужды...
- Вот о последнем поподробнее, - рассмеялся Валентин Иосифович, - а , Кира Ивановна? Что скажете?
- Ну, причем здесь я? – Смутилась Кира, - я обычный аналитик, больше этнограф, чем социолог, и уж тем более, коммерсант.
- Давайте так, Валентин Иосифович. Впечатлений у меня от района масса, они разные, через месяц я прилечу уже с пилотным бизнес-проектом. Вот тогда и поговорим поподробнее, лады?
- Еще бы не лады, - опять заулыбался лучезарный мэр, - еще какие лады.
- Мы завтра, наверное, улетим. А сегодня просто походим, посмотрим.
- Что-то нужно?
- Пока нет. Если понадобится, то зайдем.

Они прошли по берегу, сели на огромный валун, так же, как на Байкале, спина к спине.

- Что это за лето такое, Кирюша? Только началось, а солнце шпарит, как в июле.
- По моему, замечательное начало.
- Да, - протянул Костик, - начало замечательное. Слушай, а вот такая дурацкая мысль пришла в голову: а давай, я дождусь в Иркутске твоих каникул, и махнем на недельку куда-нибудь. Ну, чтонибудь вроде Кубы, или на Гавай. Для контраста. А?

- А бизнес-проект?
- Слушай. Тут месяц туда, месяц сюда, роли не играет. Столько лет над этой Кутыктой тряслись.
- Да нет, идея не дурацкая, наоборот, удивительная. Я ведь кроме Болгарии и Польши нигде не была...
- Ну, - оживился Костик, - так возражений нет?
- Возражений нет. Но, как всегда, есть предложения. Давай сначала во всем разберемся, а уж потом на Гавай.
- Давай. Как будем разбираться?
- Костик, ты ведь чувствуешь, я не меньше, чем ты, хочу, чтобы мы были вместе. И я во всем и всегда тебе буду помогать. Но есть вещи, которые человек решает сам, в одиночку, без помощников. У меня такое ощущение, что тебе отсюда, из Ербогачена, надо лететь не в Иркутск или Москву, а в Бодайбо. Ненадолго, на недельку. А потом прилетишь, и мы уже все решим окончательно. И про Кубу, и про Гавай. Не знаю как, но решим.
- Не надо, Кира. Ты знаешь, как решим. Уже решили. Но ты права, в Бодайбо слетать нужно. И побыть одному – тоже нужно. Правильно сказал этот Валентин Иосифович: ну, если вам советует Кира Ивановна, то можно не беспокоиться. Ладно, маршруты уточнили, цели ясны, даты известны... Идем гулять по буфету. Где наша любимая Тамара?
- Костик, - испугалась Кира, - я вчера такая пьяная была, творила Бог знает что...
- Точно. Пока шли, тропу несколько раз зайцы перебежали, крупные такие русаки. Ты остановилась и говоришь – это что за безобразие?! Прекратить! Щас всех перепишу...
- Перепишу?
- Ну, вот именно, не перестреляю, а перепишу. Перевозчика этого, Кондрата, когда в лодку сажались, за рукав пощупала, и спрашиваешь – вы настоящий, не Харон? Тот долго смеялся, первый раз, говорит, Киру Ивановну такую вижу...
- Все! Все. Ты как хочешь, а я больше ни глотка... Доценту нельзя быть алкоголиком.
- Да ладно тебе, Кир. Все же последний день...
- Да, - сникла Кира, - ты прав. Пойдем к Тамаре. Но только как-то аккуратно надо, время то еще совсем мало...
- Правильно. Для начала бутылочку холодного шампанского.
- Шампанского, - облизнула пересохшие губы Кира, - шампанского, пожалуй, в самый раз.
- Тамара! – Закричал Костик с крыльца.
- Костик, ты что кричишь, - испугалась Кира.
- Так ведь нет никого в этом странноприимном доме. Кроме царицы Тамары.

Так оно и было. Гостиница оказалась днем совершенно пустой, и скучавшая Тамара откровенно им обрадовалась.

- Константин Алексеевич, Кирочка Ивановна, сщас. Сщас лапшу заварим, пельмешки свежие, ночью со снохой лепила...

Тамара, уже в годах, красавица с русской косой до поясницы, заплетенной лентой, с широкими скулами, синими глазами, как у Костика. И так же, как у Костика, неуловимо мелькали в облике эвенкийские то ли прабабка, то ли прадед.

- Нет, Тamarочка, мы сыты. Начальство накормило. Ты скажи, холодное шампанское есть?
- А как же, Константин Алексеевич, а как же. С тех пор, как вы приехали, постоянно в холодильнике 2 – 3 бутылочки держу. Открывать?
- Открывай, музыку включай, какая есть, с нами садись...
- Да неудобно как-то.
- Раз приглашаем, что тут неудобного. И начальства не видно, вроде.

- Да какое начальство. По два – три дня никто не заглядывает. А если кто прилетит, так дежурная из своего дома в окошко увидит, да и придет оформлять.

Они выпили, Тамара вытащила яблоки с грушами, дефицит в Ербогачене, значит, особое расположение к гостям, и все рассказывала, как тут, в поселке, тяжело с работой, с зарплатой.

- Лучше всех, конечно, охотники живут. Они и раньше – то самые богатые были, и счас на плаву. А остальные ... Ой, че это я вас заговорила-то как. Чую, событие какое-то у вас, чо ли?
- Событие. За него и выпьем.
- Дай вам Бог, Кирочка Ивановна, дай вам Бог. Вы человек душевный, справедливый, вас здесь все любят, все. Так что счастья желаю.
- Ну, ты еще горько закричи, - усмехнулся Костик, и Тамара, поперхнувшись шампанским, вдруг заорала: «Горько!»
- Дошутился?! – Сказала Кира. – Теперь целуй.

После поцелуя кураж у него устроился. Костя сидел, крутился, как на раскаленной печке, все куда-то хотелось пойти, сотворить что-то такое, нестандартное, необычное. Кира прихлебывала шампанское, похмелье улетучилось, она посматривала на него, улыбалась.

- Что, Костик, тянет на подвиг? Нейдется просто, посидеть, поговорить...
- Нейдется, - признался Костик, - надо что-то придумать такое... Не взрывоопасное.
- А давайте я вас ухой угощу. Нашей, катангской, - предложила Тамара.
- Что есть в наличии? – Деловито поинтересовался Костик.
- Ленок и хариус.
- Так. Потрошим здесь по парочке того и другого, а варить будем на поляне.

Рыбу женщины выпотрошили, почистили, Костя собрал в инмэчка то, что оставалось: и мясо со стойбища, и так и не раскрытую банку икры, и начавшие уже увядать лепешки и пирожки Татьяны Федоровны, взял водку, виски, они уже пошли, но на крыльце Тамара, улыбаясь, сказала: « Вы уж, ребятки, давайте вдвоем. Вам сейчас вдвоем лучше-то. Уху варить несложно, Кирочка Ивановна наверняка знает, как...»

Уха в большом котелке пахла дымом, и Костик именно по запаху вспомнил, где он такую ел последний раз. Это было еще в Бульбукте, а варила ему ее Валя, Синильга, прямо во дворе своего дома.

- Боже мой, ведь целая жизнь прошла между той и этой ухой, - у него аж слезы на глаза навернулись.

Кира заметила, притихла, таким она Костика еще не видела. Он бросил ложку, которой помешивал варево, налил по стопке, и рассказал Кире и эту историю.

- Не мне тебя судить, - сказала Кира, - да и что говорить тут, что оценивать: правильно поступил, или нет, справедливо, или не очень. Тут любые слова лишние. Но одно я знаю точно : ты, Костик, настоящий мужик. Настоящий. И можешь этим гордиться. Как бы жизнь не повернулась, из сердца ты уже никогда не уйдешь. Даже немножко жаль...

- Жаль? – Удивился Костя. – Чего жаль?
- Да вот, была мечта, как у любой нормальной бабы, была мечта, влюбиться по уши, до бессознания, до потери пульса...И вот, кажется, сбылась. И жаль мечту.
- Значит, все таки знала тогда, с пилотом, что не любишь? И все же чуть замуж не вышла.
- Знала, - призналась Кира, - конечно, знала. Да какая – то сила инерции, что ли, действовала, тащила...
- Все, хватит воспоминаний. Уха, кажется, готова. Так, давай миски.
- Слушай, мы уже второй день подряд переедаем и перепиваем...
- Ничего, Кирочка, снова живем. Давай, за наше будущее.
- Змей. Знаешь ведь, что этого тоста я никогда не откажусь. Ох, но уха – то какая, прямо сладкая уха получилась.

Он обнял ее, и она, глядя куда – то в одну точку, в огне костра, вдруг спросила: «Костик, а если случится по нашему, если будем вместе, ты меня никогда уже не бросишь?»

И вновь всплыла в памяти Кости Дусенька, со своим трогательно – смешным: «Виталий, а вы меня никуда не заведете»? И опять спазм сжал горло, и он даже не сказал, прохрипел: «Никогда».

На следующий день, рейсовым АН – 24, она, после обеда, улетела в Иркутск, а Костик, с помощью Валентина Иосифовича, тут же сел в АН – 2, лесной патрульный самолет, и через сорок минут уже был в Бодайбо.

Х

Х

Х

Костик, выпрыгнув из «Аннушки», даже растерялся : родной город, а куда идти – непонятно. К знакомым... К каким знакомым... Через столько лет, среди бела дня... Раньше бы непременно зашел в диспетчерскую к Кольке Панину, но нет больше Кольки, сжег его рак, за месяц, мгновенно.

- Господи, да чего мы себя мучаем,- подумал Костик, - зачем расстались? Надо было лететь с ней в Иркутск. Душу выматывает ее отсутствие. Ладно, хватит стонать, ты чего сюда прилетел? Правильно, сходить к своим на кладбище, переночую в гостинице, и завтра к вечеру уже буду в переулке Седова.

Он дошел до баков, есть такая достопримечательность в Бодайбо, огромные резервуары, врытые в землю, Бог знает когда, и Бог знает для чего. Пот катился градом, до кладбища идти было еще далеко, Костик присел на обочине, хлебнул виски. Полегчало, он встал, начал голосовать, поймал, наконец, «Жигуленка», и через двадцать минут уже сидел за оградой, у трех могил: мамы, папы и деда. Нашел забытый кем – то веник, подмел, сходил за песком, посыпал дорожки, выпил еще, закурил.

- Эй, начальник, - Костя вздрогнул. Кто – то обращался, судя по всему, к нему. Он обернулся и увидел мужика, седого, немного сутулого. Что – то знакомое было в этом уже хорошо пожившем якуте. Но что – Костя вспомнить не мог.
- Забыл, как меня в тайге брал, начальник? А я тебя помню, тебя Костей зовут.
- Да не может быть, - растерянно сказал Костик, - неужели ты, Илья?
- Помнишь, - обрадовался Илья, - вот видишь, свела судьба.
- Ну и ну. Да ты садись, брат. К кому приходил – то?
- Жена здесь. Пока сидел, представилась. А я больше не женился, один живу, уж сколько годов, бобылем.
- Ты что пить будешь, Илья, водку или виски?
- И пиво тоже, - засмеялся Илья, - хотя я у своей уже четвертинку принял.
- Да ладно, что такое четвертинка. Ну, давай, за встречу.
- Давай, начальник.
- Брось, Илья, какой я тебе начальник. Ты – Илья, я – Костя, вот и весь сказ.
- Хорошо. За встречу, Костя, выпили, теперь давай за них, царство им небесное.

Они посидели у Костиных родителей, потом зашли еще раз к Инге, жене Ильи, помянули и ее, побродили, нашли знакомых, и уж совсем вечером ушли в город. Илья показал Костику новую пивную, посидели и там, а заночевали на квартире Ильи. Он работал егерем в Витимско – Патомском заповеднике, и домик его стоял рядом с конторой, на берегу Витима. Разбудил Костика речной ревун, капитан проходившей мимо баржы кому – то просигналил. Костик встал, пошел на реку, окунулся по пояс, вытерся, сел на бревно.

- Сейчас соберусь, и в аэропорт. Погода звенит, борт обязательно будет. Рядом сел Илья, виновато улыбнулся.
- Перебрали, однако, вчера. Пойдем, похмелимся.

- Сейчас пойдем. Слушай, а вот слабо тебе старого знакомого на Орон отвезти? – Честно сказать, Костя не удивился тому, что сказал. С ним такое часто бывает.
 - Че это слабо? Я туда и сам собирался. Когда хочешь двинуться?
 - А чего мне ждать? Пошли, пообедаем, да и поплывем.
 - Не шутишь, однако. Ну, пошли...
- Знакомым маршрутом шли вверх по Витиму до темноты, а как стемнело, Илья причалил к песчаному откосу, посидели чуть у костра, и завалились спать. На Орон, к Костиному зимовью, пришли к обеду. По дороге Илья прямо из «Казанки», передав руль Костику, сбил здорового гуся, и на берегу сразу принялся его ощипывать – больно аппетитно тот выглядел. Костик походил по дому, расстроился, но взял себя в руки, начал распаковывать вещи.
- Ну и что ты здесь будешь делать? Зачем приехал – то? – Думал он, но ответа не было. Они растопили печь, сунули гуся в духовку, посидели, покурили.
 - Как живешь – то, Костя?
 - По разному. Сейчас хорошо, а еще недавно волком выл.
 - Чего так? При таком – то тесте?
 - Ох, не говори ты мне про него, - вздохнул Костик, - не порть настроение.
 - Понял, - покачал головой Илья, - да, жизнь штука путаная. Я пока червонец свой тянул, много чего увидел. Так что не шибко ты меня удивил.
 - Я и не собирался. Как есть, так и сказал. А теперь ты мне скажи. Дело прошлое, сейчас – то, наверное, можно. Все же, за что ты тогда этого урода грохнул? Не похож ты, Илья, на бытового убийцу.
 - Я же тогда старшему вашему сказал: за дело.
 - Не хочешь рассказывать?
 - Ладно, расскажу. Этот мужик, Аридорога, совсем сволочь был. Он же старше нас, ему уже под сорок было. Ну, в общем, жизни от него никакой: капканы наши снимал, оленей уводил, продавал мясо, пакостил, короче, постоянно. Как – то мы стерпелись с этим, принимали, как неизбежное. Ну, вот. А тут Инга поехала в Энгажемо одна, без нас. До сих пор себе этого не прощаю. Правда, по делу поехала, к врачу, провериться, беременной была. Возвращается в слезах. Я спрашиваю, в чем дело? Молчит. Но бабушке рассказала : изнасиловал ее этот беспредельщик. Я своим сказал, говорю, поеду, кончу его. Они за мной. Как ни гнал, бесполезно. Но, слава Богу, потом лишь как свидетели прошли. А ни кончить его, Костя, я не мог. Только на нарах спокойно уснул. Вот такое дело было. Такие дела.
 - Это уж точно. Получается, вроде как зря я тогда за тобой по тайге бегал. Твоя правда была, да?
 - Да я же говорю : жизнь – штука путаная. Пойди, разбери, кто прав, кто виноват...
 - А чего на суде промолчал?
 - Ну, промолчал, и промолчал. Какая теперь разница. А тогда у нас дочка родилась, Настя. Она сейчас у братьев, в стойбище. Гостит немножко.
 - Вообще, вся эта наша встреча, мистикой отдает. Как, тебе не кажется?
 - Да как сказать? Что – то я такое же чувствовал, когда мы из Энгажемо в Бодайбо летели. Но что ни делается... Я после своей десятки совсем русским стал. И не жалею, вроде как все попробовал...
 - Илья, - закричал Костик, - ты что, не чуешь? Гусь, кажется, горит...
 - Ох ты, Господи, - засуетился Илья, бросился к печи, вытащил уже чуть дымившуюся птицу.
 - Ничего, с корочкой, так даже вкуснее...
- Сели на берегу, нарезали крупно помидоры, огурцы, выложили зелень, лук, стрелки таежного чеснока, разодрали гуся руками, Илья разлил водку в стаканы, поднял свой, посмотрел сквозь него на садившееся солнце, и сказал : « А я, между прочим, помню, как ты мне в дороге втихаря стопарь водки налил».

- Так холодина же какая была! Мы только за счет водки и держались.
- Ну да. – Кивнул Илья. – Твое здоровье, Костя. Сейчас пойду закидушки посмотрю, а потом надо мне пару мест проверить. Так что ночевать сегодня один будешь.
- Ну, один, так один. Слушай, вот ты тут все время разъезжаешь, в Бульбухте давно был?
- Почему давно? Недавно, недели три назад.
- Ну, знаешь, наверное, Бетюниных? Батая Ивановича, Валентину?
- Знал. Дак их давно уж нет на этом свете, Костя. Давно померли.
- Подожди, как померли? Синильга, Валя, совсем же молодой женщиной должна быть?!
- Убили ее. Приехал из армии какой – то отморозок, афганец, что ли, бывший, ну и начал за ней ухаживать. А та ни в какую. И он ее зарубил. Бешеный какой – то, честное слово... А дед уж потом, от горя, от водки помер. Ладно, пойду собираться. Костик сидел, вконец пришибленный рассказанным. Наконец встал, пошел к лесу, потом вернулся, налил, выпил, и, не замечая, что делает, начал автоматически ворошить палкой костер.
- Что же это я за жизнь прожил? – Думал он. – Вот уж прав Илья, действительно, хрен разберешь, что к чему...
- Эй, Костя, слышь? – Закричал Илья. – Иди сюда, скорее, слушай...
Костя зашел в дом, Илья стоял с приемником в руках, крутил верньер, настраивал получше.
- Ниче не понимаю. Накаркали мы с тобой, что ли. Передавали сейчас, ушел Хоттабыч со всех постов. Вот дела – то, не соскучишься. Тебе, наверное, срочно возвращаться нужно, а?
- Нет Илья. Не срочно. Нормально все, я этого давно ждал.
- Значит, в курсе был? Не обухом по голове...
- Нет, - засмеялся Костя, - не обухом.
- Ну, слава Богу. А то я сначала перепугался, думаю, как ты, да что...
- Все нормально. Можешь плыть спокойно, а завтра обратно двинем.
- Ну, тогда я побежал. Вот дела – то, а?..
Илья уплыл, а Костя бродил по берегу, потом сел на большой валун у самой воды, точная копия того, на котором они сидели с Кирой у Байкала.
- Это что же за день такой?! – Вслух спросил Костя. – Так ведь и свихнуться можно. Хорошо, что я на Ороне. Сам не знаю, почему, но хорошо. И Кира меня не видит. Эх, Синильга, Синильга, Валюшка... Твою мать, как теперь жить – то с этим? Слушай, брось. Сколько лет прошло... И вообще, при чем здесь ты? Да не в этом дело. Просто жаль ее. Просто жутко ее жаль. И все же, в этом надо разобраться. Да как с этим, твою мать, разберешься?! Нет, хорошо, что я на Ороне.
Было уже совсем темно, когда Костик ушел в зимовье. Но и там, не лежалось, не сиделось. Он ходил из угла в угол, поднимался на чердак, и какая – то изматывающая тоска не давала покоя, остановиться он не мог. Костя надел толстую осеннюю куртку Илья, взял виски, сигареты, соленое печенье, пошел на крыльцо, уселся поудобнее. Вокруг была крошечная темнота. Костя налил стакан, почувствовал, что перелил.
- А, да Бог с ним. - Выпил. Стало немного легче. Костя замер, пропал в ночи, слился с ней. Только время от времени подливал в стакан. Глаза уже давно привыкли к темноте. И , случайно взглянув на очертания валуна, от которого недавно ушел, Костик похолодел: кто-то сидел на нем.
- Эй, - окликнул Костя, - кто это?
Человек молчал. Виднелась сгорбленная спина, и вспыхивал равномерно огонек – он курил. Костя встал на мигмом одеревеневшие ноги, сделал несколько шагов в сторону камня. Человек повернулся к нему, опять вспыхнул огонек, и в коротком отсвете трубки – носогрейки мелькнуло лицо бабули. Костя остановился, зажмурился. А когда открыл глаза, на берегу никого уже не было.

- Допился, - выдохнул Костя, - хотя, водка здесь, кажется, не при чем.

Он все же заставил себя подойти к валуну, сел, и опять тревожно замерло сердце – камень был теплым, кто-то точно только что сидел на нем. Тут Костику стало панически страшно. Он пошел к зимовью, но уже у самой двери остановился и позвал: «Бабуля!»

Никто ему не ответил.

- Это ты со мной играешь? - Спросил Костя.

Орон, затаившийся в темноте, огромный, бесстрастный, ничем не выдавал себя : ни всплеском, ни звуком. Что-то было в молчании таежного озера совсем уж непонятное человеку. Дыхание той стороны, неподвластной живым, ощутил Костик.

- Бабуля! – Что было сил заорал он. Эхо, прокатившись по ледяной глади, ушло в распадок и вернулось назад.
- Нет бабули, - прошептал Костик. Он опять сел на ступеньку крыльца, положил голову на перила, и, постепенно, все же задремал. Когда очнулся, утренний Орон безмятежно смотрел на него. Костя прислушался. Издалека раздавался шум мотора. Это возвращался Илья.